

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

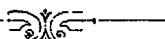
Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка (продолженіе). <i>Д. Леонардова</i>	623—635
Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе). <i>И. Протопопова</i>	636—665
Отношенія христіанина къ неразумной природѣ. <i>Прот. Ст. Остроумова</i>	666—674

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Гаданія ученыхъ о происхожденіи міра (окончаніе). <i>С. Глаголева</i>	456—478
„Золотые стихи Пивагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа (окончаніе). <i>Проф. Г. В. Малевича</i>	479—505
Цѣнность жизни (продолженіе). Олз. Тярюпа, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	491—502
Библиографическая замѣтка. <i>К. И-на</i>	1—12

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшая награда.—Высочайшая отзѣтка.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 г. (продолженіе).—Епархіальныя звѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Воззваніе.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространствы переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листовъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журпала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ П. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1881—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Повницкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1898 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1898 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ**: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ **Москвѣ**: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ**: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналь принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1890 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1891 г., и по 9 р. за 1892, 1893, 1894.

Лицамъ же, выписывающимъ журналь за всѣ годы, журналь можетъ быть уступленъ за 70 р. съ пересылкою, за исключеніемъ текущаго года.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „**Живое Слово**“. Сочиненіе преевangelическаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „**Древніе и современные софисты**“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. **Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“** Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „**Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію**“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Ноября 1897 года.

Харьковъ. Губернскаѧ Типографія.

Πίστις νοοῦμεν.
Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Декабря 1897 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

Ученіе о богодухновенности св. Писанія въ средніе вѣка.

(Продолженіе *).

ОТДѢЛЪ IV.

Взглядъ на богодухновенность св. Писанія во время господства схоластики (12 и 13 столѣтія).

Способъ, какимъ Ансельмъ пытался установить связь между вѣрою и знаніемъ, нашелъ многочисленныхъ и ревностныхъ послѣдователей въ позднѣйшее время. При единствѣ цѣли и вспомогательныхъ средствахъ, постепенно образуется у схоластическихъ богослововъ извѣстное сходство метода. Это и приводитъ схоластику къ одной общеупотребительной и въ деталяхъ обработанной формальной системѣ, которая нашла для себя полнѣйшее выраженіе въ трудахъ Дунса Скота, Алберта Великаго и Тома Аквината.

Хотя, при неоспоримомъ значеніи св. Писанія, не было особеннаго повода подробно разсуждать о богодухновенности его, однако у каждаго писателя того времени вопросъ этотъ нашелъ достаточное освѣщеніе.

Гилдебертъ, архіепископъ Турскій (1134), знаменитый поэтъ, ораторъ и философъ своего времени, въ своихъ проповѣдяхъ указываетъ главнымъ образомъ на практическую пользу занятій св. Писаніемъ.

Всякій христіанинъ, размышляющій о своемъ спасеніи, обязанъ просить Господа: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, ибо Писаніе есть хлѣбъ, насыщающій нашу душу ¹⁾

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 20, за 1897 г.

¹⁾ Migne T. 171 p. 588. Et tunc dicat. Panem nostrum quatidianum da nobis hodie, sacra enim scriptura panis est, quo satiatur anima. Serm. in Asc. Dom. 50.

Гилдебертъ находитъ четыре рода смысла въ св. Писаніи: исторію, аллегорію, нравственное назиданіе и аналогію (т. е. значеніе для будущей жизни). Исторія служитъ твердою почвою, на которой основываются всѣ другіе роды смысла. Желаетъ ли кто получить нравственное назиданіе, уразумѣть аллегорію и историческую истину или получить нѣкоторое освѣщеніе будущей жизни,—все это онъ найдетъ въ св. Писаніи. Св. Писаніе, такимъ образомъ, есть какъ бы кладовая св. Духа, есть чудный садъ съ многочисленными плодами, гдѣ всякая душа выбираетъ для себя то, что ей полезно ¹⁾).

Но св. Писаніе не во всѣхъ мѣстахъ ясно. Если кто-либо будетъ искать для себя основаніе непосредственно въ самыхъ божественныхъ тайнахъ, то онъ легко можетъ допустить ошибки, такъ какъ его ограниченный разумъ не въ состояніи вполнѣ постигнуть эти тайны. Лучше нужно предоставлять св. Духу то, чего нельзя понять, лучше не говорить многого и безъ всякой причины не подвергаться опасности ошибокъ, чѣмъ утверждать противорѣчивое.

Гдѣ это только возможно, мы должны, конечно, опираться на общепризнанные авторитеты, а „гдѣ недостаетъ рѣшающаго авторитета, тамъ нужно соглашаться съ тѣми, которые разсуждали еще прежде насъ и объясняли Писаніе съ благочестивымъ настроеніемъ, а не по собственному необдуманному сужденію“ ²⁾).

Какимъ же образомъ содержаніе богодухновеннаго Писанія усваивается обыкновеннымъ человѣкомъ, это также объясняетъ Гилдебертъ. „Добродѣтель благоразумія“, говоритъ онъ, „производитъ то, что рѣчь пастыря перемѣняется смотря по мѣрѣ воспріимчивости его слушателей, такъ что, при наставленіи въ словѣ Божіемъ, всякій получаетъ то, въ чемъ онъ необходимо нуждается. Малоученые получаютъ религіозно-нравственное назиданіе, печальные—радость утѣшенія, нерадивые—исправленіе, сварливые—согласіе и братскую любовь“ ³⁾).

¹⁾ T. 171 p. 862 Sermo de div. 112.

²⁾ Loc. cit T. 171 p. 1067. Sed utcumque possumus, auctoritatum vestigiis innitemur. Tractat. theolog. prologus.

³⁾ Loc. cit. T. 171 p. 819. Prudentia mutari facit ora pastorum, juxta ca-

Гуго-сенъ-Викторъ (1141), названный своими современниками вторымъ Августинемъ, вѣроятно, за свою глубокую схоластическую и мистическую ученость, составилъ собственное сочиненіе о св. Писаніи и св. писателяхъ.

Его понятіе о богодухновенности стоитъ ближе къ схоластическому, хотя обыкновенно причисляютъ сенъ-Виктора къ мистикамъ. „Только то Писаніе по справедливости называется божественнымъ, которое вдохновлено Духомъ Божиимъ, которое произведено людьми, глаголавшими въ Духъ Божіемъ и составлено ими по подобію Божию, въ которомъ, стало быть, все истина“¹⁾.

Благодаря такому особому способу своего происхожденія, св. Писаніе можетъ служить своей великой цѣли въ дѣлѣ возстановленія и искупленія человѣка. Если въ немъ не только слова, но и самые предметы имѣютъ глубокое значеніе, то это указываетъ на его рѣшительное превосходство надъ мірскою мудростью²⁾. Чудеснымъ образомъ произведено и то, что никакая отдѣльная книга въ св. Писаніи не излишня, хотя въ каждой всецѣло содержится полная истина.

Вообще же Гуго-сенъ-Викторъ различаетъ тройкій смыслъ св. Писанія: историческій, аллегорическій и тропологическій (образный, переносный). Гуго, почти единственный изъ мистиковъ, вопреки крайнему аллегоризму, съ большимъ уваженіемъ относится къ буквальному пониманію св. Писанія „Какъ можете вы“, спрашиваетъ Гуго, „читать Писаніе, а не букву? Если отбросите букву, то что же будетъ съ Писаніемъ?“ Послѣ буквальнаго толкованія того или другого выраженія Гуго обращается обыкновенно къ мистическому смыслу; при этомъ онъ весьма порицаетъ тѣхъ, которые помрачаютъ блескъ и красоту Слова Божія необычными объясненіями и, вмѣсто того, чтобы раскрывать тайны его, дѣлаютъ ихъ еще болѣе непонятными. Одинаково осуждаетъ Гуго какъ тѣхъ, которые отрицаютъ мистическій смыслъ и аллегорическую глубину св.

pacitatem auditorum, ut in pastu divini sermonis illud recipiat unusquisque, quo maxime indiget. Ad pastores de praedic. verbi div. Serm. 103.

¹⁾ De scripturis et sriptoribus eccles. Praenotat. c. I и XI.

²⁾ Migne T. 177 p. 205. In hoc valde excellentior est divina scriptura scientia saeculi, quod in ea non solum voces, sed et res significativae sunt.—Excerpt. pvioc. libr. 1. II c. 3.

Писанія, такъ и тѣхъ, которые отыскиваютъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ ¹⁾).

Значеніе слова „пророкъ“, по схоластической манерѣ, опредѣляется Гуго троякимъ образомъ: по должности, по благодати и посланничеству. По должности пророкомъ назывался въ Ветхомъ Завѣтѣ первосвященникъ, обязанный въ важныхъ случаяхъ, напр. во время войны, вопрошать Господа; по благодати пророкомъ былъ тотъ, кто получалъ внутреннее просвѣщеніе отъ Бога, безъ прямого однако порученія проповѣдывать людямъ божественныя откровенія, какъ напр. Іовъ. По посланничеству пророкомъ называется лицо, посланное проповѣдывать то, что внушено св. Духомъ, напр., Іона. Однако, имя пророка даруетъ вмѣстѣ и должность и посольство ²⁾).

Монахъ Граціанъ (1151), читавшій каноническое право во дворцовой школѣ въ Болоньѣ, сборники котораго сдѣлались впослѣдствіи основоположеніемъ церковнаго права всей западной Церкви, оставилъ нѣсколько наставленій касательно толкованія и значенія богодухновенныхъ книгъ. Взгляды и мнѣнія Граціана важны для насъ не столько потому, что знакомятъ съ воззрѣніями на богодухновенность Западной Церкви и опредѣленіемъ понятія о вдохновеніи, сколько потому, что были приняты въ самую распространенную на Западѣ книгу церковнаго права.

Что божественныя заповѣди суть въ то же время требованія естественнаго закона, это Граціанъ выводитъ изъ характера каноническихъ книгъ. Каноническія книги не имѣютъ ни какого другого содержанія вромѣ Божественныхъ законовъ, а все, что противорѣчитъ божественнымъ законамъ или каноническимъ писаніямъ, противно въ то же время и праву естественному ³⁾. Каноническія писанія Ветхаго и Новаго Завѣ-

¹⁾ Migne T. 175 p. 115. Mibi vero simili culpaе sibjacere videntur, vel qui in sacra scriptura mysticam intellegentiam et allegoriarum profunditatem vel inquirendam petrinaciter negant, ubi est; vel apponendam superstitione contendunt, ubi non est. In eccles. homil. praef.

²⁾ De scriptur. et ser. c. XII.

³⁾ Can. Sana quippe vatio. dist. IX (Migne. T. 187). Patet, quod quaecunque divinae voluntati, seu canonicae scripturae contraria probantur, eadem et naturali juri inveniuntur adversa.

товъ всецѣло ограничены и существенно отличны отъ сочиненій всѣхъ позднѣйшихъ епископовъ. Только относительно этихъ книгъ невозможно ни какое сомнѣніе, между тѣмъ какъ сочиненія епископовъ, которыя написаны по утвержденіи канона или только еще пишутся, могутъ быть признаны ошибочными, сколько по рѣшительному доказательству какого-либо отдѣльнаго лица, столько же чрезъ высшій авторитетъ другихъ епископовъ. Это положеніе справедливо, очевидно, и относительно толкованій епископовъ на св. Писаніе ¹⁾).

Что касается подлиннаго текста св. Писанія, то Граціанъ признаетъ таковымъ для Ветхаго Завета—еврейскій, а для Новаго—греческій ²⁾).

Петръ Ломбардъ (1164), самый вліятельный схоластикъ до Томы Аквината, сравниваетъ слово Божіе съ свѣтильникомъ, распространяющимъ свой свѣтъ среди глубокаго мрака и ночи этого міра. Онъ называетъ св. Писаніе „евангеліемъ Бога“, такъ какъ оно произошло не отъ человѣка, но по божественному вдохновенію. Кромѣ того, Писаніе называется святымъ потому конечно, что осуждаетъ пороки и заключаетъ въ себѣ тайны о единомъ Богѣ и вочеловѣченіи Сына Божія ³⁾).

Внутренній актъ пророческаго вдохновенія Петръ Ломбардъ различаетъ по способу его происхожденія и по времени. При пророческомъ вдохновеніи, или внутреннемъ откровеніи, ходъ событій возвѣщается съ непререкаемою истиною. Поэтому пророчество справедливо называется видѣніемъ, а пророкъ „видящимъ“. Пророчество происходитъ или чрезъ дѣла, или чрезъ слова, или чрезъ сновидѣнія и чрезъ видѣнія. Кромѣ того, сюда присоединяется еще самый высшій видъ пророчества, который происходитъ безъ всякаго внѣшняго вспомогательнаго средства, чрезъ одно простое вдохновеніе св. Духа. По времени своего происхожденія пророчества также раздѣляются на нѣсколько видовъ: одни имѣютъ своимъ предметомъ настоящее, другія—прошед-

¹⁾ Dist. IX. c. III c. VI. c. VIII. Litteris omnium episcoporum sacra praeponitur scriptura.

²⁾ Dist. IX c. VI. Ut veterum librorum fides de Hebraicis voluminibus examinanda est, ita novorum Graeci sermonis normam desiderant.

³⁾ Migne T. 191 p. 1303. Collect. in ep. ad Rom. c. I.

шее, третьи—будущее. Пророчество может происходить сколько чрезъ добрыхъ людей, столько же чрезъ злыхъ. Хотя воздѣйствіе Бога на челоуѣка бываетъ господствующимъ, все же у вдохновеннаго лица всѣ силы и способности остаются цѣлыми и неповрежденными, благодаря чему дѣлается возможнымъ сообщеніе Божественныхъ тайнъ другимъ ¹⁾).

Что касается отдѣльныхъ богодухновенныхъ книгъ, то апостольскія посланія образуютъ нѣкоторую параллель пророческимъ книгамъ. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, послѣ Моисеева закона, необходимо было еще пророческое наученіе, чтобы чрезъ возбужденіе наказаній сдержать оживающіе пороки народа еврейскаго, такъ равно и въ Новомъ Завѣтѣ, послѣ изложенія въ евангеліяхъ цѣлой системы христіанской религіи, и ученія совершенной святости, необходимы были еще посланія ап. Павла и другихъ апостоловъ, чтобы защитить Церковь отъ превратныхъ ученій, устранить вкрашіеся въ христіанское общество пороки и разрѣшить будущіе споры ²⁾).

Впрочемъ, Новый Завѣтъ имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ Ветхимъ; но даже и между книгами Ветхаго Завѣта есть извѣстное различіе: всѣ пророки говорили по откровенію св. Духа, однако самымъ выдающимся, высшимъ и торжественнымъ пророкомъ былъ Давидъ, предсказывавшій о будущихъ событіяхъ, какъ труба св. Духа. То, что другіе пророки говорили о страданіяхъ и воскресеніи Христа темно и въ загадкахъ, это Давидъ предсказывалъ такъ ясно, что является какъ бы составителемъ евангелія, а не пророческой книги ³⁾. При всемъ томъ Писаніе имѣетъ многія трудности, въ сѣтяхъ которыхъ запутываются многіе, особенно люди безбожные, напр., книжники и фарисеи, возсѣдавшіе на сѣдалищахъ Моисея, безъ всякой пользы для себя и другихъ, а также еретики, умствованія которыхъ не освобождаютъ ихъ отъ грѣховъ ⁴⁾).

¹⁾ Comment. in psalm. 44 v. 2.

²⁾ Migne T. 191 p. 1297. Collect. in omn. D. Pauli ep. praefacio.

³⁾ Migne T. 191 p. 1485. Scriptura enim, quae intelligentibus est panis perfectionis, ellaqueat, dum male intelligitur, et propterea praedicatio Christi vespiuitur—Collect. in ep. ad Rom. c. II v. 10.

⁴⁾ T. 191 p. 1046 In lege Domini et haeretici scrutantur et exquirunt, nec tamen beati sunt, quia non sunt immaculati. in psalm. 118 v. 2.

Іоаннъ Сальсбюри (1180), епископъ Шартскій, въ своихъ сочиненіяхъ находить себя вынужденнымъ защищать характеръ Библии, какъ богодухновеннаго Слова Божія. Къ этому побуждали его нападенія нѣкоторыхъ діалектиковъ, появившихся во Франціи послѣ трудовъ Абельяра. Каноническими писаніями Сальсбюри считаетъ такія, которыя приняты въ канонъ св. книгъ на основаніи общей и несомнѣнной церковной традиціи. Ихъ авторитетъ такъ великъ, что здравый разумъ никогда не можетъ допустить даже возможности какой-либо ошибки или противорѣчія въ нихъ, такъ какъ онѣ написаны перстомъ Божиимъ. Вполнѣ справедливо, поэтому, отвергаются Церковью тѣ люди, которые, преувеличивая права разума, хотятъ затемнить предъ глазами вѣрующихъ блескъ Божественнаго слова, седмерницею очищеннаго, подобно серебру, въ огнѣ св. Духа отъ всякихъ земныхъ осадковъ и пятенъ ¹⁾). Различныя мнѣнія не безъ основанія приписываются отдѣльнымъ авторомъ св. книгъ, но истинный и единственный виновникъ всѣхъ св. писаній есть собственно самъ св. Духъ. Съ большимъ усердіемъ поэтому должно читать книги св. Писанія, такъ какъ даже отдѣльныя буквы въ нихъ (*singuli arices*) полны Божественныхъ тайнъ, а содержащееся въ нихъ сокровище Духа неисчерпаемо. Хотя со-внѣ буква св. книгъ часто имѣетъ форму, соотвѣтствующую только одному смыслу, однако, со стороны внутренняго содержанія, въ ней скрываются многоразличныя тайны, и изъ одного и того же содержанія св. Писанія часто можно извлечь различные виды аллегоріи вѣры, тропологіи нравственности и даже аналогіи. Ученіе св. Писанія есть высшая заключительная ступень въ ряду всѣхъ другихъ наукъ; оно есть въ одно и то же время идея блага и источникъ истины, основанной на вѣчномъ сіяніи Божественной премудрости. Свѣтъ этой истины такъ блестящъ, что мы, падшіе люди, не можемъ вынести его, не можемъ объять всей полноты его, такъ что Промыслъ Божій намѣренно смягчаетъ этѣтъ блескъ, чтобы, хотя въ слабомъ видѣ, онъ сдѣлался доступнымъ людямъ ²⁾).

Самому священному Писанію приличествуетъ большая дос-

¹⁾ Migne T. 199 p. 126. Epistol. ad. Henric. comit. nr. 143.

²⁾ Migne T. 199 p. 975. Enthet. uv. 385 и слѣд.

товѣрность, чѣмъ тому, что на немъ основывается, такъ что всякій, противорѣчащій Писанію, есть еретикъ и невѣрующій. Дальнѣйшее утвержденіе Сальсбюри направлено, очевидно, противъ вышеупомянутыхъ французскихъ діалектиковъ „Должно подчиняться Писанію“, говоритъ Сальсбюри, „а не господствовать надъ нимъ; кто же пользуется своимъ остроуміемъ и занятіями для того, чтобы ради собственнаго удовольствія посягнуть на цѣлость св. Писанія, тотъ исключается чрезъ это изъ святилища фолософіи и удаляется отъ истиннаго пониманія Писанія ¹⁾).

Петръ Коместоръ (1198) въ аллегорическихъ выраженіяхъ изображаетъ свойства богодухновеннаго Писанія.

„Оправданіе совершается чрезъ вѣру и добрыя дѣла. Дверь къ этому оправданію есть св. Писаніе, которое научаетъ насъ жить праведно среди этого развращеннаго міра; кто входитъ и выходитъ этою дверью, тотъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ ²⁾. Господь сравниваетъ св. Писаніе съ веселымъ пиромъ, гдѣ въ изобиліи преподается духовная пища всѣмъ людямъ. Оно подобно также зданію, въ которомъ исторія служитъ фундаментомъ, аллегорія—стѣнами, а тропологія—фронтонномъ, высоко поднимающимся надъ всѣми частями зданія. Первый способъ толкованія—простъ, второй—духовенъ, третій—чувственный ³⁾).

Нагляднымъ образомъ Петръ Коместоръ различаетъ нѣсколько классовъ тѣхъ, которые читаютъ и толкуютъ св. Писаніе. Многіе боятся св. Писанія, другіе насмѣхаются надъ нимъ, третьи подвергаютъ его порчѣ; иные презираютъ, иные проходятъ мимо, наконецъ, есть такіе, которые живутъ въ немъ. Боятся Писаній обыкновенно лѣнивцы, насмѣхаются надъ ними гордецы, подвергаютъ порчѣ еретики, презираютъ ложные братья, проходятъ мимо невѣжды. Кто же живетъ въ Писаніи,

¹⁾ Loc. cit T. 199. p. 667. *Serviendum est ergo scripturis, non dominandum Polycrat. Lib. VII c. 10.*

²⁾ Migne T. 198 p. 1727. *Hujus porta est sacra scriptura, quae docet nos recte conservavi in medio hujus pravae nationis; per quam quicumque ingredietur, et ingredietur, pascua inveniet. Sermo II in Adv. Domini.*

³⁾ T. 198 p. 1054. *Prima planior, secunda acutior, tertia suavior. Histor. schol. prolog.*

тѣ суть истинные братья, у коихъ дѣло не расходится съ словомъ ¹⁾).

Петръ Блуасскій (около 1200) постоянно выставляетъ на видъ мистическую глубину св. Писанія, но не забываетъ, однако, указать и границы ея.

Духъ Святой даровалъ намъ оба Завѣта и съ невыразимую мудростью и искусствомъ соединилъ ихъ одинъ съ другимъ. Послѣ исполненія прообразованій въ Ветхомъ Завѣтѣ остается еще нравственное ученіе, преобразованное потомъ въ ученіе Евангелія и умноженное красотой новозавѣтной благодати ²⁾).

Чтеніе св. Писанія есть необходимая пища для нашего духа, есть его дыханіе и жизнь. Писаніе можно сравнить съ ар-ою Давида, звуками которой облегчалась меланхолія Саула, съ сошникомъ Самгары, которымъ воздѣлывается почва нашего сердца, которымъ обращаются въ бѣгство и умерщвляются 600 филистимлянъ. Господь даровалъ намъ Писаніе для утѣшенія среди искушеній, и мы усердно должны читать его, чтобы не подвергнуться неожиданному нападенію злого врага. „Если ты мірянинъ, то еще прилежиѣ читай св. Писаніе и звай, что слово Божіе воспалаетъ въ тебѣ ревность. Если тебя такъ утомляетъ тяжкое искушеніе, что ноги твои почти под-сѣкаются и шаги твои дѣлаются безцѣльными, то слово Божіе укрѣпитъ тебя, такъ что ты не упадешь“ ³⁾).

Вѣчная жизнь содержится въ писаніяхъ пророковъ и евангелистовъ и скорѣе истощится все богатство человѣческаго языка, чѣмъ слова св. Писанія, въ которыхъ говорится о добродѣтели.

Все содержаніе обоихъ завѣтовъ составляется изъ исторіи, нравственнаго назиданія и аллегоріи. Но и эти три рода раздѣляются на многіе частные виды, такъ какъ одно въ св. Писаніи относится къ настоящей жизни, другое—къ будущей и т. п. Точно обозначая каноническія писанія, Петръ Блуасскій далѣе дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе объ авторахъ ихъ: „Это

1) T. 198 p. 1755 Sermo XII. Dom. I. Quadrages.

2) Migne T. 207 p. 711 p. 855. Cessantibus igitur figurativis moralia remanserunt et in doctrinam evangelii cum augmento gratiae transfusa sunt. Contra Perf. Jud. c. 23.

3) Loc. cit. p. 419. Epist. 140.

суть составители св. книгъ, которые, говоря чрезъ св. Духа, написали для нашего назиданія правила жизни и вѣры ¹⁾). Много высказано еретиками подъ именемъ пророковъ и позднѣе апостоловъ, но все это, послѣ тщательнѣйшаго изслѣдованія, каноническимъ авторитетомъ исключено подъ именемъ апокрифовъ ²⁾).

Если говорятъ, что богодухновенное Писаніе выражается дѣтскимъ и простымъ слогомъ, то Петръ Блуасскій не ставитъ это въ упрекъ Слову Божію, потому что простота всегда соединяется съ истиною. Правда, Писаніе имѣетъ свои трудности, свои тайны, но это не даетъ основанія отваживаться по собственному усмотрѣнію раскрывать и обнаруживать ихъ. Всему должно учить и всему учиться, согласно ученію св. Писанія. Нѣкоторые хотятъ именно съ помощію одного разума доказать и уяснить возвышенныя тайны Божіи, но это—глубокая ошибка. Нельзя изобрѣтать суетныхъ теорій и запутываться въ тонко-измышленные споры о томъ, что далеко возвышается надъ людьми ³⁾).

Александръ Галесъ (1245), самый славный изъ богослововъ среднихъ вѣковъ, довольно многорѣчиво разсуждаетъ въ своей „Summa theologica“ о св. Писаніи и его богодухновенности по общеупотребительной схоластической схемѣ.

Матерія Божественныхъ Писаній есть собственно Христосъ, Сила и Премудрость Божія (1 посл. Кор.). Но если опредѣлять эту матерію по ея существенному понятію (*secundum rationem essentiae*), то должно сказать, что матерія Божественныхъ писаній есть самъ Богъ, или точнѣе: Божественная Субстанція ⁴⁾).

А что св. Писаніе разсуждаетъ не только о Богѣ, но также и о сотвореніи міра, это Галесъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: невозможно правильно уразумѣть дѣло искупленія человека, если прежде не рассказать, какъ человекъ палъ. Но и исторія паденія его можетъ быть правильно понята только тог-

¹⁾ Т. 207 p. 1052. De divis. et scriptor.

²⁾ Loc. cit. p. 1056.

³⁾ Noli autem scrutari, quae supra te sunt, nec inanes cogita theorias, non disputationum argutiis, nec verborum calumniis te distendas. Т. 207 p. 419 Epist. 140.

⁴⁾ Summa thologica. Quaest. I, membr. 3 изданіе 1482 года.

да, когда напередъ будетъ объяснено, какъ человекъ былъ сотворенъ Богомъ. Въ свою очередь для того, чтобы изобразить первобытное состояніе человека, необходимо предварительно сообщить о томъ, какъ произошелъ весь міръ, который былъ созданъ для человека ¹⁾.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, матерію св. Писанія, Александръ Галесъ довольно подробно рассуждаетъ о его формѣ (*modus*). Форму св. Писанія нельзя сравнивать съ формою какого-либо искусства или науки, по понятіямъ обыкновеннаго человѣческаго разума; ее скорѣе должно опредѣлять, согласно самому назначенію Божественной мудрости—наставить людей ко спасенію душъ ихъ. Изъ такого ученія о св. Духѣ, какъ Виновникѣ св. Писанія, матеріи св. Писанія и его цѣли, выходитъ, что форма Писанія едина и въ то же время многообразна. Какъ первая истина религіи о Богѣ тройственна и въ то же время проста, такъ и форма знанія этой первой истины, при ея единствѣ, тройственна. Истина эта едина, какъ буквальная, и тройственна, какъ духовная, именно какъ аналогическая, аллегорическая и тропологическая ²⁾.

На обстоятельномъ знаніи еврейскаго языка и ученія талмуда основанъ и составленъ замѣчательный трудъ испанскаго богослова Раймунда Мартини (1284), подъ заглавіемъ „*Pugio fidei*“. Цѣль этого труда состоитъ въ томъ, чтобы изъ книгъ Ветхаго Завѣта, изъ талмуда и другихъ сочиненій, признанныхъ іудеями за подлинныя—составить трудъ, который бы могъ, подобно мечу, служить защитой для проповѣдниковъ и служителей христіанской вѣры ³⁾.

Люди науки, имѣющіе право на сужденіе, убѣдились, что мудрость св. Писанія можетъ быть понята гораздо лучше и вѣрнѣе на основаніи подлиннаго еврейскаго текста, чѣмъ по обычнымъ греческимъ переводамъ, потому что во многихъ мѣстахъ ихъ допущены пропуски, добавленія и даже перемѣны ⁴⁾.

¹⁾ *Loc. cit.* Oportuit ut totius mundi constitutio poneretur, quia propter hominem factus est mundus. *Quaest.* I m. 3.

²⁾ *Loc. cit.* *Quaest.* I Membr. 2 art. 5.

³⁾ *Pugio fidei.* Opus tale componam. quod quas pugio quidam praedicatoribus Christianae fidei atque cultoribus esse possit in promptu. *Prooem.* p. 2. Изданіе Парижское 1651 г.

⁴⁾ *Loc. cit.* p. 677. Pars III, dist. III cap. 16.

Въ отношеніи содержанія, особенно касающагося дѣла спасенія, Ветхій Заветъ несовершеннѣе Новаго. Что же касается слово—употребленія, то въ св. Писаніи часто встрѣчаются мистическія и параболическія выраженія; кромѣ того, оно часто называетъ нѣкоторые предметы именами другихъ предметовъ, копечно, въ переносномъ смыслѣ. При толкованіи св. Писанія, безусловно необходимо также наблюдать связь между послѣдующимъ и предыдущимъ текстомъ, особенно тамъ, гдѣ возможно различіе во мнѣніяхъ касательно какого-либо двусмысленнаго мѣста ¹⁾. Доказательства, заимствованныя изъ слова Божія, таковы, что несравненно превосходятъ всякое обыкновенное человѣческое доказательство ²⁾.

Францисканскій монахъ Рожеръ Баконъ (1224) обнаруживаетъ особенное стремленіе къ тому, чтобы все содержаніе человѣческаго знанія вывести и обосновать на св. Писаніи. По нему, существуетъ только одно совершенное званіе, которое содержится именно въ св. Писаніи и раскрывается въ наукахъ каноническаго права и философіи. Всѣ же другія науки служатъ только для объясненія Божественной истины ³⁾. Философія, какъ наука о происхожденіи и природѣ тварныхъ вещей, особенно необходима вѣрующимъ для пониманія св. Писанія.

Каноническое же право, какъ наука, есть нечто иное, какъ раскрытіе Божественной воли въ св. Писаніи. Общее право, напротивъ, можетъ быть Божественнымъ или чѣловѣческимъ. Божественнымъ оно бываетъ тогда, когда міръ открываетъ какую-либо истину въ своихъ писаніяхъ, благодаря Духу Божію, —человѣческимъ, когда что-либо находитъ одинъ только человѣческій разумъ. Философская мудрость, по мнѣнію Бакона, была дарована первѣе всего тѣмъ, которые первые и приняли законъ отъ Бога, именно патріархамъ и пророкамъ.

Намѣреніе Божіе состояло въ томъ, чтобы объяснить существующія вещи и явленія какъ по буквальному ихъ значенію.

¹⁾ Loc. cit. p. 235. Quandocunque in scriptura ambiguitatis alicujus controversia oritur, in praecedentibus vel subsequenitibus quaerendum est, scriptura illa qualiter intelligenda sit, et controversia qualiter dirimenda. Pars. II c. 13 nr. 32.

²⁾ Loc. cit. p. 184. Pars I c. 13 nr 6.

³⁾ Opus majus p. 28. Pars II c. 1.

такъ равно и по духовному ¹⁾). Буквальное пониманіе, конечно, должно предшествовать духовному, такъ какъ невозможно опредѣлить духовный смыслъ, если не знаемъ буквальнаго. Но и буквальный смыслъ не можетъ быть понятъ, если человѣкъ не узналъ значенія вещей и ихъ свойства. На этомъ именно основана глубина буквальнаго смысла и изъ этого же вытекаеть и высота духовнаго пониманія“ ²⁾).

Въ видахъ улучшенія текста Вульгаты, Баконъ обращаетъ особенное вниманіе на первоначальный текстъ св. Писанія, потому что „никто не можетъ понять мудрости св. Писанія и философіи, какъ это необходимо, если не знаетъ языка, съ котораго они переведены“ ³⁾).

Хорошо знакомый съ недостатками Вульгаты, Баконъ поэтому считаетъ необходимымъ исправленіе текста св. Писанія и даже отчасти и употреблявшихся въ то время на Западѣ толкованій. Многочисленными примѣрами онъ доказываетъ, что „не только философія, но даже и св. отцы (sancti) должны были въ этомъ пунктѣ испытывать нѣчто человѣческое, почему и вынуждены были ивогда брать назадъ часть своихъ утвержденій“ ⁴⁾).

Д. Леонардовъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Loc. cit. p. 29. Sicut Deus fecit creaturas et scripturam, sic voluit ipsas res factas ponere in scriptura ad intellectum ipsius tam sensus litteralis, quam spiritualis. Pars. II, c. 8.

2) Loc. cit. p. 132. Dist. IV c. 15.

3) Loc. cit. p. 44. Pars. III, c. 1.

4) Loc. cit. p. 10. Pars. I cap. 6.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(Продолженіе *).

Переходъ юго-западной образованности въ Москву. Основаніе Московской Академіи. Произведенія московской словесности. Съ половины XVII в., особенно послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, западно-европейская схоластическая наука изъ Кіева понемногу начинаетъ проникать и въ Русь сѣверо-восточную. Въ Москвѣ, до учрежденія патриархомъ Филаретомъ въ 1633 г. греко-латинской *Патріаршей школы* при Чудовомъ монастырѣ, не существовало въ собственномъ смыслѣ училищъ, которыя бы давали научное образованіе. На Стоглавомъ соборѣ (1551 г.) рѣшено было „учинить училища“ въ домахъ священниковъ и діаконовъ, но въ этихъ школахъ обучали лишь чтенію, письму да церковному пѣнію. Сознавая недостаточность подобнаго образованія, просвѣщенные люди древней Руси начинаютъ обращаться къ помощи западно-европейской науки и искусства. Еще со времени Іоанна III въ Россію постоянно вызываются иностранные ученые, офицеры, врачи, мастера и художники. Іоаннъ Грозный посылалъ Русскихъ учиться въ Европу. То же дѣлалъ и Борисъ Годуновъ; онъ, говорятъ, даже думалъ открыть на Руси нѣчто въ родѣ университета и для этого призывалъ ученыхъ людей изъ Германіи, Франціи, Італіи и Англіи. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ вызванъ въ Москву извѣстный ученый голштинецъ, Адамъ Олеарій. Въ грамотѣ, посланной Олеарію, для проѣзда въ Москву, царь писалъ: „Вѣдомо намъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г. № 20.

учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономіи и географусъ, и небесному бѣгу, и землемѣрю, и инымъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а вамъ, великому государю, таковъ мастеръ годепъ". По свидѣтельству Олеарія, въ его время въ Москвѣ жило до 1000 протестантскихъ семействъ. Такимъ образомъ, цари московскіе, видя необходимость, для государственныхъ цѣлей Россіи, въ европейскихъ знаніяхъ и наукѣ, думали удовлетворить этой необходимости приглашеніемъ въ Россію иностранцевъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искусствѣ или наукѣ. Но, безъ насажденія началъ европейскаго просвѣщенія, при суевѣрїи, слѣпой приверженности къ старинѣ, при полномъ отчужденіи, даже презрѣнїи грамотниковъ тогдашней Руси ко всему иноземному, наплывъ разнаго рода мастеровъ и художниковъ изъ Нѣмцевъ не могъ принести никакой пользы Россіи, и тѣмъ болѣе былъ бесполезенъ народному образованію. А между тѣмъ отсутствіе знаній и невѣжество народное становились вредными не только для государственной, но и для религіозной жизни древней Руси. Сама церковь нуждалась въ наукѣ для охрапненія чистоты своего ученія. Непониманіе духа вѣры и смысла писаній, невѣжественная привязанность къ буквѣ и къ обряду господство вали не только въ грубомъ, неграмотномъ народѣ, но и въ средѣ самаго духовенства. Священныя и богослужебныя книги печатались такъ же неисправно и дурно, какъ переписывались писцами до введенія книгопечатанія. Грубыя ошибки, вносимыя въ эти книги безграмотными переписчиками, время отъ времени все увеличивались и, вслѣдствіе долговременнаго употребленія, узаконялись и дѣлались неприкосновенной святыней для строгихъ ревнителей старины, слѣпо привязанныхъ къ буквѣ. Объ этихъ безграмотныхъ ревнителяхъ старой буквы ученый монахъ Арсеній глухой, извѣстный по исправленію церковныхъ книгъ, отзывается такъ: „Сами едва азбуку умѣютъ, не знаютъ, какія въ пей письмена гласныя, согласныя и двогласныя, а чтобы 8 частей слова разумѣть и къ симъ предстоящая, сирѣчь роды, и числа, и времена, званія и залогы, то имъ ниже на разумъ вхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала,.... не знаютъ ни православія, ни кри-

вославія, точно на одну строку зрять, божественнаго писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти“¹⁾. Такимъ-то людямъ, исполненнымъ суевѣрнаго благоговѣнія къ буквѣ старыхъ писаныхъ и печатныхъ книгъ, людямъ, фанатически преданнымъ своему дѣлу, въ короткое время удалось распространить по русскимъ церквамъ болѣе 6000 книгъ, переполненныхъ разнаго рода искаженіями. Всякая попытка къ исправленію этихъ ошибокъ служила поводомъ къ религіознымъ смутамъ, которыя перешли въ ожесточенное противленіе Церкви, выразившееся наконецъ въ формѣ *раскола*. Гибельное невѣжество могло быть устранено только путемъ просвѣщенія. Бывшій въ то время въ Москвѣ газскій митрополитъ Пайсіѣ Лигаридъ говорилъ: „Если бы меня спросили, какіе столпы Церкви и государства, я отвѣчалъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и въ третьихъ, училища“. Патріархъ Филаретъ, какъ сказано, учредилъ высшее училище въ Чудовомъ монастырѣ. Затѣмъ, въ 1649 году приближенный царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ основалъ другое училище, при Андреевскомъ монастырѣ, и вызвалъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ „изящныхъ (свѣдущихъ) въ ученіи грамматки словенской и греческой, даже до риторики и философіи—хотящимъ тому ученію внимати“. Впрочемъ, эти иноки занимались въ Москвѣ болѣе переводами и исправленіемъ церковныхъ книгъ, чѣмъ обученіемъ юношества. Въ 1679 году въ Москву прибылъ изъ Іерусалима іеромонахъ Тимофей, родомъ русскій, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Палестинѣ. Въ яркихъ и сильныхъ чертахъ изобразилъ онъ царю Ѳеодору Алексѣевичу несчастное поработеніе грековъ отъ невѣрныхъ, опустошеніе святыхъ церквей въ Греціи и упадокъ ученія, необходимаго для православной вѣры. Боголюбивый царь, тронутый описаніемъ пришельца, воспламенился ревностію о благочестіи и рѣшился оскудѣвающее ученіе греческое насадить и возрастить въ Москвѣ. Для этого повелѣлъ онъ патріарху учредить училище, во славу Божию и русскаго царства, и поручить его смотрѣнію палестинскаго пришельца.

¹⁾ Карауловъ. Очерки Истор. Русск. Литер. 196 стр.

Патріархъ съ величайшею радостію исполнилъ волю царя. Для помѣщенія училища сначала отведены были три палаты въ домѣ типографіи. Царь вскорѣ пожелалъ расширить основанную имъ греческую школу и преобразовать ее въ академію, Царской грамотой, данной въ 1682 г., повелѣно было преподавать въ академіи на языкахъ: славянскомъ, греческомъ и латинскомъ „сѣмена мудрости, наченше отъ грамматики, риторики, піитики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной (правственной), даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія. Притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляетъ быти“¹⁾). Проекты устава для новой академіи составлены были наставникомъ царя, ученымъ монахомъ Симеономъ Полоцкимъ, воспитанникомъ юго-западныхъ школъ, причемъ за образцы приняты были югозападные училища и Кіевская академія. Такъ какъ въ Москвѣ смотрѣли съ недоброжелательствомъ на ученыхъ юго-западной Руси, заподозрѣнныхъ въ латинскомъ еретичествѣ (тамъ думали, что учителями православныхъ школъ должны быть только Греки, хотя почти всѣ ученые Греки того времени получали образованіе въ западныхъ школахъ), то за наставниками для Московской академіи обратились къ Константинопольскому патріарху, который и прислалъ въ Москву двухъ братьевъ: Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Лихуды получили образованіе въ Венеціи и Падуѣ, имѣли докторскіе дипломы и, до прибытія въ Москву, нѣсколько лѣтъ были учителями и проповѣдниками въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Въ Москву они прибыли въ 1685 г. и поселились сначала въ Богоявленскомъ монастырѣ, куда была на время перемѣщена и школа изъ типографіи. Въ этомъ же году патріархъ Іоакимъ приступилъ къ постройкѣ каменныхъ зданій для академіи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, отъ котораго потомъ и самая академія стала иногда называться *Заиконоспасскими* или *Спасскими школами*²⁾). Черезъ годъ постройка

¹⁾ Невѣдомскій. Истор. Хр. Покровскаго. III в. 584 стр.

²⁾ Другое названіе Московской академіи въ первый періодъ ея существованія (1685—1700): *Эллино-греческое училище*.

была закончена, и обновленіе академіи совершено съ великимъ торжествомъ. Лихудамъ вѣдѣно было переселиться съ учениками изъ Богоявленскаго монастыря въ Заиконоспасскій. 8 лѣтъ ученые братья успѣшно вели преподаваніе въ Московской академіи. Въ основѣ образованія положено было то же самое направленіе, которое господствовало и въ Кіевской академіи, съ тою лишь разницею, что Лихуды больше, чѣмъ въ Кіевѣ, обращали вниманіе на преподаваніе греческаго языка. Дѣятельность Лихудовъ въ академіи была прервана въ 1694 г. Патріархъ Досіѳей, недовольный на нихъ за преподаваніе латинскаго языка, будто бы опаснаго для чистоты православія, потребовалъ ихъ удаленія изъ академіи. Нѣкоторое время послѣ того Лихуды занимались въ типографіи, потомъ перешли въ Новгородъ, гдѣ шесть лѣтъ преподавали въ основанномъ митрополитомъ Іовомъ славяно-греко-латинскомъ училищѣ и въ то же время занимались переводомъ книгъ съ латинскаго и греческаго языковъ. Софронію впоследствии снова удалось быть наставникомъ въ Московской академіи. Въ 1701 г. это высшее училище было окончательно преобразовано по кіевскому типу питомцемъ Кіевской академіи, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ. Чтеніе всѣхъ лекцій и писаніе сочиненій введено было на латинскомъ языкѣ; наставники вызваны были изъ Кіева и стали преподавать науки по кіевскимъ руководствамъ, изъ Кіева были заимствованы и всѣ академическіе порядки. Преобразованное такимъ образомъ московское училище получило названіе *Славяно-латинской академіи* ¹⁾. Для сѣверо-восточной Руси оно имѣло такое же значеніе, какъ Кіевская академія для Руси юго-западной. Люди разныхъ сословій могли получать здѣсь основательное образованіе ²⁾. Здѣсь обучались многіе дѣятели новой русской литературы и въ томъ числѣ самъ основатель ея, М. В. Ломоносовъ. Изъ этой высшей школы и развилась впоследствии существующая нынѣ *Московская Духовная Академія*.

При всемъ недоброжелательствѣ и недовѣрчивости москов-

¹⁾ Позднѣе (1775 по 1814) Моск. акад. называлась *Славяно-греко-латинской академіей*.

²⁾ Первоначально же Заиконоспасская школа была, кажется, чисто-спеціальнымъ учебнымъ заведеніемъ, которое должно было готовить опытныхъ переводчиковъ для существовавшего тогда въ Россіи Приказа тайныхъ дѣлъ.

скихъ книжниковъ къ юго-западнымъ ученымъ, Москва однако не могла обойтись безъ нихъ, особенно послѣ основанія академіи. Мало-по-малу число этихъ ученыхъ начинаетъ увеличиваться, и юго-западная русская образованность скоро обнаруживаетъ рѣшительное вліяніе на учепую и литературную дѣятельность Москвы. И здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, скоро появляются такіе же богословскіе трактаты и богословско-полемиическія сочиненія, такія же схоластическія проповѣди, силлабическія вирши и духовныя драмы. Изъ юго-западныхъ учепыхъ дѣятелей просвѣщенія въ Москвѣ особенно замѣчательны: Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій.

Епифаній Славинецкій († 1676). Немного свѣдѣній сохранила исторія о жизни даровитаго и глубоко образованнаго, но скромнаго труженика науки, іеромонаха Епифанія Славинецкаго. По окончаніи курса наукъ въ Кіево-могилянскои коллегіи, онъ ѣздилъ еще учиться за границу; по возвращеніи оттуда онъ припаялъ монашество и занялъ мѣсто учителя въ кіевскомъ братскомъ училищѣ. Вызванный бояриномъ Ртищевымъ въ 1649 г. въ Москву вмѣстѣ съ другими учеными ипоками, для обученія русскаго народа свободнымъ наукамъ и для перевода греческихъ книгъ, Епифаній скоро былъ сдѣланъ начальникомъ патріаршаго Чудовскаго училища и главнымъ справщикомъ книгъ. Съ богатыми дарованіями онъ соединялъ беззавѣтную любовь къ наукѣ и потому у современниковъ пользовался славою *ученѣйшаго* человѣка, авторитетъ котораго цѣнился очень высоко. Въ то время гремѣла на Москвѣ ученая слава Симеона Полоцкаго; но Епифанія ставили выше и по учености, и по талантамъ. „И той (т. е. Симеонъ Полоцкій) учивыйся, но не толико: греческаго же писанія не знаеше. Егда они купно сдучахуся, всегда и вездѣ бываше вопрошати честному Симеону мудрѣйшаго отда Епифанія о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещехъ.“ „Въ Епифаніи Славинецкомъ, говоритъ профессоръ Пѣвницкій, мы представляемъ ученаго человѣка прошлаго вѣка, всецѣло преданнаго книжному дѣлу и погруженнаго въ свои занятія. Его, очень богатая по своему времени, бібліотека доставляла ему самое благородное развлеченіе и самое любимое наслажденіе. Кабинетное размышленіе, изслѣдованія,

для другихъ сухія и скучныя,—были ему по душѣ, какъ стихія самая сродная его природному расположенію и настроенности. Среди уединенныхъ работъ, далекой отъ суеты житейской, труженикъ мысли и книги, онъ далъ своей умственной жизни характеръ отвлеченный и созерцательный. Отчужденіе отъ обыденныхъ тревогъ сопровождалось въ его настроеніи нѣкоторымъ пареніемъ за предѣлы поверхностной видимости, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто возвышенное, хотя и не отличается плодovitою энергіею. Въ его твореніяхъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, мало того общественнаго духа, которымъ отличаются люди практическаго сорта, и который неразрывными узами привязываетъ такихъ людей къ животрепещущимъ интересамъ науки. Видно, что у него не было стремленія быть руководителемъ на той открытой аренѣ, гдѣ такъ много значатъ люди власти, и гдѣ сталкиваются страсти, интриги и разнообразныя живыя интересы времени. На все это онъ смотрѣлъ изъ-за стѣнъ своего монастыря, какъ на нѣчто чуждое ему могущее только помѣшать въ его любимыхъ занятіяхъ и увлечь его на чужую дорогу. При такомъ холодномъ отношеніи къ общественности, внѣ книжной сферы онъ не оставилъ по себѣ яркаго слѣда въ исторіи. Но зато это нерасположеніе добиваться видныхъ ролей на общественной аренѣ помогло ему жить со всѣми въ мирѣ и всегда пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, не возбуждая противъ себя никакихъ непріятныхъ толковъ; оно еще помогло ему сохранить чистоту своихъ убѣжденій и намѣреній¹⁾.

Прибытіе въ Москву этого ученаго труженика какъ нельзя болѣе отвѣчало насущнымъ потребностямъ времени. Вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ, поднятый еще въ XVI в. Максимомъ Грекомъ, настоятельно требовалъ своего разрѣшенія, и горячо взявшійся за это дѣло знаменитый патріархъ Никонъ нашелъ въ Епифаніи незамѣнимаго помощника: безъ его обширныхъ богословскихъ и философскихъ знаній, безъ его ученой добросовѣстности русской церковной власти едва-ли-бы удалось справиться съ дѣломъ книжнаго исправленія. Образо-

¹⁾ Труды Кіевск. Духовн. Академіи. 1861 г. 3 часть. 410—411 стр.

валось цѣлое ученое братство, во главѣ котораго сталъ Епифаній. Изъ всѣхъ русскихъ монастырей были собраны въ Москву древнія славянскія рукописи. И вотъ съ 1655 г. начали выходить одна за другой исправленныя книги. Прежде всего былъ исправленъ и вновь напечатанъ *Служебникъ*. вмѣстѣ съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ Славинецкій предпринялъ великій трудъ исправленія текста Библии и переводъ свято-отеческихъ твореній. Въ первый разъ славянская Библия была напечатана, какъ извѣстно, въ 1580—1581 г. въ Острогѣ княземъ Константиномъ. При всѣхъ заботахъ и стараніи князя, это изданіе не могло выйти вполнѣ удовлетворительнымъ: не было ни исправныхъ списковъ, ни способныхъ къ изданію людей; поэтому въ текстъ вкрались неправильности въ переводѣ съ греческаго, а также нѣкоторыя ошибки писцовъ. Но Острожская Библия долго была неизмѣнна, хотя не могла быть признана совершенною. Въ 1663 году, по распоряженію патріарха Никона, Библия была вновь напечатана въ Москвѣ, но и это изданіе было далеко отъ совершенства, такъ какъ представляло собою точную копию Библии Острожской. Епифаній Славинецкій предпринялъ тщательную повѣрку славянскаго библейскаго текста по лучшимъ греческимъ спискамъ, но успѣлъ перевести только Новый Завѣтъ и Пятокнижіе Моисеево, да и тѣхъ не исправилъ окончательно (смерть остановила его работу). Кромѣ трудовъ надъ текстомъ Св. Писанія, Епифаній вмѣстѣ съ своими сотрудниками не мало времени посвящалъ на переводъ свято-отеческихъ твореній. Имъ переведены слова св. Аѳанасія александрійскаго противъ аріанъ и о Божествѣ, догматическія слова Григорія Назіанзина, слова о священствѣ Іоанна Златоуста, Шестодневъ Василя Великаго, слова св. Іустина Философа противъ Еллиновъ и изложеніе православной вѣры Іоанна Дамаскина. Затѣмъ, наши предки нуждались въ славянскомъ переводѣ церковныхъ правилъ,—Епифаній Славинецкій перевелъ имъ апостольскія правила и правила всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцовъ, принятыя Восточною Церковію, и Номоканонъ Фотія съ толкованіями. Предки наши любили читать житія святыхъ, и Епифаній съ своими переводчиками предложилъ

имъ нѣсколько житій святыхъ, болѣе извѣстныхъ на Руси: Иоанна Златоуста, Алексѣя—человѣка Божія, великомученицы Екатерины и др. Этими переводами дано было много достойныхъ и содержательныхъ книгъ по разнымъ частямъ духовнаго образованія; создана была, необходимая для назиданія въ православіи, богословская литература, долженствовавшая положить начало самостоятельному развитію ея на русской почвѣ. Славинецкій у современниковъ называется *искуснѣйшимъ въ еллиногреческомъ и славянскомъ діалектахъ*, и это титуло придано ему въ заглавіи печатнаго изданія его переводовъ ¹⁾. Переводная дѣятельность Епифанія не ограничивалась одною только областью церковной письменности. Между его переводами есть не мало свѣтскихъ сочиненій, по разнымъ отраслямъ знанія: по географіи, медицинѣ, исторіи, политикѣ и педагогикѣ, въ которыхъ онъ хотѣлъ подѣлиться съ русскимъ читающимъ міромъ занимавшими его вопросами, справедливо полагая, что никакое знаніе не пропадаетъ даромъ.

Изъ оригинальныхъ ученыхъ филологическихъ трудовъ Епифанія Славинецкаго нужно указать на два замѣчательныя его словаря: *Греко-славяно-латинскій лексиконъ* и *Филологическій словарь*. Первый, заключающій въ себѣ до 7000 словъ, особенно поражалъ современниковъ Епифанія массою ученаго труда. При оцѣнкѣ его ученыхъ заслугъ они особенно указывали на то, что онъ „великій лексиконъ триглоссонъ написа“. Выраженіе: *уже и великій лексиконъ триглоссонъ написа*,—прибавляется иногда къ заглавіямъ его сочиненій, какъ лучшая ихъ рекомендація. *Филологическій словарь* содержитъ объясненія смысла церковныхъ словъ и выраженій Св. Писанія на основаніи разныхъ мѣстъ изъ свято-отеческихъ твореній. Эта работа, хотя не такъ поражала современниковъ, требовала отъ автора еще больше труда, усидчивости и богословской учености. Тотъ и другой словарь должны были служить для переводчиковъ настольными книгами, какъ необходимыя и незамѣнимыя въ то время пособія при переводахъ св. Писанія и богословскихъ сочиненій съ греческаго и латинскаго языковъ на славянскій.

¹⁾ Тамъ же 420 стр.

Литературная дѣятельность Епифанія выразилась еще и въ *проповѣдническомъ* словѣ, съ которымъ онъ выступалъ передъ современнымъ обществомъ по официальному назначенію отъ патріарха Никона. Въ рукописяхъ встрѣчается болѣе 50 словъ и поученій Славинецкаго на разные церковные праздники и дни святыхъ. Между ними есть нѣсколько такихъ проповѣдей, которыя были написаны, вѣроятно, не для произнесенія съ церковной кафедры, а какъ образцы для руководства пастырямъ. На проповѣдяхъ Епифанія вполне отразился отвлеченный складъ его созерцательнаго ума. Онъ не зналъ жизни: вдали отъ житейской суеты, въ тишинѣ монашеской кельи ученый инокъ весь былъ погруженъ въ свои научныя занятія. Поэтому и проповѣди его имѣютъ не столько практическое, сколько созерцательное направленіе. Для Епифанія на первомъ планѣ стояла истина съ ея глубокими тайнами, а потомъ уже народъ, которому онъ говорилъ, причемъ и въ народѣ этомъ обращали на себя вниманіе проповѣдника потребности общехристіанскія, а не временныя его нужды. Въ словѣ на Пасху, напримѣръ, изъ устъ проповѣдника слышатся размышленія о томъ, какая слава возсіяла въ этотъ день, который сотворилъ Господь... „Днесъ, говоритъ онъ, мы растерзали тяжелое иго работы египетскія, не тѣлесныя, но душевныя, перешли Чермное море, чермнѣющее не водами, а кровію Христовою... днесъ побѣди левъ отъ Іуды мрачнаго начальника тьмы и всѣ мощныя враги адскія... Въ праздникъ Рождества Христова, заговоривъ о тѣхъ благахъ, какія принесло въ міръ это великое событіе, Славинецкій переходитъ къ объясненію древнихъ пророчествъ о рожденіи Спасителя, говоритъ о скимнахъ рыкающихъ, о перукотворенномъ отсѣченіи камня отъ горы, о волѣ, который позналъ стяжавшаго его, объ ослѣ, познавшемъ ясли господина своего и т. п., изъясняя внутренній смыслъ пророческихъ сказаній. Нравственныя приложенія къ слушателямъ у Епифанія есть почти въ каждой проповѣди; но эти приложенія большею частію общаго характера. Такъ напр. слово *На страсть Христову* онъ заканчиваетъ такимъ увѣщаніемъ: „раздеремъ жестокое сердцецъ нашихъ каменіе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катапетасму, неплодную ума нашего истрясемъ землю, и злосмрадна

душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныхъ, отвержемъ страсти, да отъ смерти грѣховныя свободимся и воскреснемъ со Христомъ воскресшимъ, побѣдителемъ смерти побѣдоноснымъ, Ему же слава“¹⁾. Воспитанный на схоластическихъ образцахъ, Славинецкій обнаруживаетъ сильную склонность къ метафорическому выраженію мыслей, что дѣлаетъ его проповѣди слишкомъ искусственными и витіеватыми. „У Епифанія, говоритъ проф. Пѣвницкій, льется иногда цѣлый потокъ образныхъ выраженій, и къ одной метафорѣ онъ подбираетъ много другихъ, чтобы украсить свое слово разными узорами. Онъ напр. приглашаетъ своихъ слушателей „изсѣчь душевредное стволіе богоизоцреннымъ сѣчивомъ покаянія, искоренить изъ сердець пагубный волчець лукавства, сожечь умовредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождить мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ Евангельскаго ученія, наводнить ее слезными водами, возрастить на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсить благовонными цвѣтами всякихъ добродѣтелей и воздать благой плодъ правды“²⁾. Вліяніе схоластики сказалось и въ томъ, что у Славинецкаго нерѣдко приводятся свидѣтельства изъ языческихъ писателей и примѣры изъ естественной исторіи. Таковъ общій характеръ проповѣдей Епифанія. Исключеніе составляютъ очень немногія слова, и то преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя не были назначены для произнесенія съ церковной кафедры. Такъ, въ одномъ поученіи отъ іерея дѣтямъ духовнымъ, онъ помѣщаетъ такое наставленіе, которое священникъ долженъ давать послѣ исповѣди: „пецйся и промылай всѣмъ сердцемъ и душею, елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія, еже устроити училища вездѣ ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши оставленіе“. Здѣсь говоритъ учитель и ученый, для котораго образованіе было выше и дороже всего и который заведеніе училищъ считалъ насущною потребностію для Россіи³⁾. Весьма также интересны слова Епифанія о милосердіи,

1) Тамъ-же, 4 часть. 141—142.

2) Тамъ-же, 152.

3) Тамъ-же 138.

представляющія обширное изслѣдованіе объ этой добродѣтели, въ которомъ много глубокихъ и свѣтлыхъ мыслей. Между прочимъ онъ возстаетъ здѣсь противъ обычая подавать милостыню всѣмъ безъ разбора. „Если ты видишь просителя здороваго и не состарѣвшагося и даешь ему милостыню, то самъ дѣлаешься сообщникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ скитающіеся гуляки, обманщики, такъ много таскается по улицамъ здоровыхъ женщинъ съ малыми дѣтьми, а еще болѣе дѣвицъ. Иные за деньги нанимаютъ малыхъ дѣтей и чрезъ нихъ собираютъ милостыню, а ночи проводятъ во всякомъ безчинствѣ“. По примѣру юго-западныхъ братствъ Славинецкій предлагаетъ для призрѣнія бѣдныхъ и для устранения безчинства составить братство или общество милосердія. „Кто будетъ давать деньги, а кто помогать своимъ трудомъ. Каждое воскресенье будутъ братья сходиться для разсужденія между собою и выберутъ изъ среды своей десять распорядителей. Посторонніе посягатели будутъ приходить и извѣщать братію о человѣческихъ нуждахъ. Братія будетъ обсуждать: кому, чѣмъ и сколько помочь, смотря по надобности: инымъ бѣднымъ можно давать временное пособіе, другимъ постоянное до самой смерти. Женщины могутъ составить свое общество милосердія“ и т. и. ¹⁾). Такія слова просты и жизненны, но они, какъ сказано, составляютъ исключенія среди отвлеченно-схоластическихъ проповѣдей Епифанія.

Симеонъ Полоцкій. Послѣ Епифанія Славинецкаго самымъ виднымъ представителемъ юго-западнаго образованія въ Москвѣ былъ іеромонахъ Симеонъ Петровскій-Ситіановичъ (1629—1682), прозванный Полоцкимъ. Онъ не имѣлъ ни такихъ блестящихъ дарованій, ни такихъ глубокихъ научныхъ знаній, какими обладалъ Епифаній, но практически - направленный умъ его, живой и бойкій характеръ, способность угадать потребности времени и принять просвѣщенное участіе въ текущихъ событіяхъ, неутомимая литературная дѣятельность создали ему выдающееся положеніе среди московскихъ ученыхъ дѣятелей XVII вѣка. Родиной Симеона была Бѣлоруссія и, по

¹⁾ Тамъ-же. 168—171.

всей вѣроятности, городъ Полоцкъ или, по крайней мѣрѣ, Полоцкая область. Изъ какой среды происходилъ онъ, кто были родители Симеона, какое было первоначально его имя, какъ прошло дѣтство его,—обо всемъ этомъ не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣнй. Извѣстно только, что отца его звали Емельяпомъ. Первоначальное обученіе Полоцкаго, согласно общераспространенному обычаю того времени, нужно думать, основывалось, послѣ букваря на изученіи Часослова и Псалтири. Конечно, этимъ не ограничилось его образованіе. Онъ самъ говоритъ, что „двѣ седмины лѣтъ языкомъ учился и даже дидаскаломъ (учителемъ) быти сподобился“¹⁾. Уже изъ этого можно заключить, что по окончаніи элементарнаго образованія, Полоцкій прошелъ высшую школу. Такою школою для него была прежде всего знаменитая въ то время Кіево-Могилянская collegія, послѣ которой Полоцкій, по обычаю кіевскихъ воспитанниковъ того времени, посѣтилъ для пополненія своего образованія, нѣсколько польскихъ католическихъ и въ томъ числѣ іезуитскихъ collegій. Въ 1656 году онъ принялъ монашество, съ именемъ Симеона, въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ и сдѣлался дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ этого монастыря. Въ томъ же году ему удалось привѣтствовать въ Полоцкѣ царя Алексѣя Михайловича. Полоцкій предсталъ предъ лицомъ государя въ качествѣ дидаскала съ двѣнадцатью отроками братскаго училища и въ лицѣ ихъ привѣтствовалъ царя торжественными стихами своего сочиненія. Скоро Симеону представился счастливый случай побывать въ Москвѣ и блеснуть своимъ стихотворнымъ искусствомъ при дворѣ. Въ февралѣ 1660 года Алексѣй Михайловичъ созвалъ многочисленный соборъ архіереевъ и архимандритовъ для разсужденія о дѣлѣ патріарха Никона, оставившаго патріаршій престолъ „своею волею“. Для участія въ соборѣ былъ вызванъ и архимандритъ Полоцкаго Богоявленнаго монастыря Игнатій, который прибылъ въ Москву въ сопровожденіи многочисленной братіи. Въ составѣ этой братіи находился и Симеонъ съ двѣнадцатью отроками Богоявленскаго братскаго училища, ко-

¹⁾ Симеонъ Полоцкій (его жизнь и дѣятельность). I. Татарскаго. 1886 г. 30 стр.

торые, по примѣру прежняго времени, должвы были привѣтствовать царя панегирическими стихами Симеона. Въ потокѣ льстиваго воодушевленія Полоцкій въ этихъ стихотвореніяхъ сравниваетъ Россію съ небомъ, причемъ царя и его семейство уподобляетъ различнымъ свѣтиламъ небеснымъ ¹⁾. Въ продолженіе этого пребыванія въ Москвѣ Симеономъ было написано нѣсколько стихотвореній подобнаго рода, которыя произносили тѣ же отроки на различныхъ придворныхъ торжествахъ. На этотъ разъ однако Полоцкій не остался въ Москвѣ, но возвратился въ Богоявленскій монастырь къ своему учительскому званію. Вскорѣ, впрочемъ, взятіе Поляками Полоцка побудило его навсегда переѣхать въ Москву „къ праведному солнцу востока“, которое не разъ уже являло ему свои милости. Въ 1672 г. Алексѣй Михайловичъ, всегда цѣпившій ученаго инока, назначилъ его наставникомъ своего сына, царевича Феодора. Занявъ такое высокое положеніе, Симеонъ такъ умѣлъ имъ пользоваться, что ему долго не могла вредить противная партія приверженцевъ старины и даже патріархъ Іоакимъ, подозрѣвавшій его въ приверженности къ латинству. Занимаясь воспитаніемъ царевича, Симеонъ Полоцкій въ то же время не устанно заботился объ умственномъ и религіозно-нравственномъ просвѣщеніи Россіи. Онъ много хлопоталъ, какъ извѣстно, объ основаніи Московской академіи, писалъ богословскія сочиненія, боролся съ расколомъ, говорилъ проповѣди, писалъ стихи и сочинялъ духовныя драмы для домашняго дворцоваго театра. Въ царскомъ дворцѣ онъ устроилъ себѣ особую, такъ называемую, верхнюю типографію, гдѣ и печаталъ свои сочиненія.

Къ *богословскимъ* сочиненіямъ Симеона Полоцкаго принадлежитъ его книга „*Вънѣшъ вѣры*“, первый опытъ систематической догматики въ московской литературѣ. Христіанское ученіе изложено здѣсь въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, по порядку членовъ, такъ называемаго, апостольскаго символа вѣры. Сочиненіе это показываетъ въ Полоцкомъ большую начитанность, но нельзя сказать, что бы оно отличалось особенною основательностію. Кромѣ отцевъ Церкви, въ немъ приводятся

¹⁾ Тамъ-же. 56 стр.

взгляды разныхъ западныхъ богослововъ и даже мнѣнiя, заимствованныя изъ разныхъ апокрифическихъ сочиненiй. Особенно въ немъ много помѣщено разныхъ мелкихъ и хитроумныхъ вопросовъ, какiе обыкновенно любили помѣщать въ своихъ системахъ западные богословы, на которыхъ воспитался Полоцкiй, напр.: „Зачѣмъ Иисусъ Христосъ родился въ декабрѣ? въ какой часъ дня совершилось Благовѣщенiе и Рождество Христово? Могъ-ли Иисусъ Христосъ говорить тотчасъ послѣ своего рожденiя? Зачѣмъ Спасителя пригвоздили ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями?“ Въ отдѣлѣ о сотворенiи и паденiи человѣка Полоцкiй приводитъ разныя мнѣнiя о томъ, сколько времени пробылъ Адамъ въ раю, и болѣе склоняется къ мнѣнiю тѣхъ, которые полагали, что Адамъ и Ева пробыли только три часа и согрѣшили въ шестой часъ дня, почему и Спаситель былъ распятъ также въ шестой часъ дня. Въ отдѣлѣ о воскресенiи мертвыхъ предлагаются самые странные вопросы, каковы напр.: воскреснутъ ли мертвые съ волосами и ногтями, такъ какъ у человѣка, который въ теченiи своей жизни обрѣзывалъ ихъ, могло накопиться ихъ очень много? могутъ ли разнovidныя части тѣла при воскресенiи соединиться?“ При разсужденiи о кончинѣ мiра, Полоцкiй особенно останавливается на антихристѣ и приводитъ мнѣнiе о Гогѣ и Магогѣ, что подъ этими именами разумѣются народы, заключенные въ Каспiйскихъ горахъ, но что по другимъ толкованiямъ, это названiя антихристовыхъ ратныхъ людей: Гогъ—дѣйствующiе тайно, а Магогъ—дѣйствующiе открыто... Воскресенiе мертвыхъ произойдетъ весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время Пасхи, ровно въ полночь, тогда, когда и Христосъ воскресъ. Нѣкоторые говорятъ, что воскресенiе должно послѣдовать утромъ на зарѣ, такъ какъ Иисусъ Христосъ воскресъ, по ихъ мнѣнiю, съ появленiемъ денницы... Полоцкiй старается согласить эти два мнѣнiя: онъ говоритъ, что Иисусъ Христосъ воскресъ въ полночь, но въ то время солнце нарочно тремя часами ранѣе обыкновеннаго восходило, а потому правы и тѣ, которые говорятъ, что воскресенiе будетъ утромъ на зарѣ; въ день воскресенiя всѣхъ умершихъ, вѣроятно, будетъ такъ же, какъ было въ день воскресенiя Господня... Страшный судъ будетъ происхо-

дѣть въ Иосафатовой долинѣ, близъ Иерусалима, подъ Елеонскою горою. Вопросъ: какъ такое множество воскресшихъ людей можетъ помѣститься на такомъ маломъ пространствѣ?—рѣшается тѣмъ, что часть судимыхъ будетъ стоять на воздухѣ ярусами, одни надъ другими, а низшіе на землѣ... Страшный судъ будетъ продолжаться три часа, съ шестого часа дня до девятого, въ тѣ часы, когда Иисусъ Христосъ висѣлъ на крестѣ. Кромѣ богословскихъ предметовъ, по примѣру западныхъ богословскихъ системъ, въ „Вѣнецъ вѣры“ Полоцкій внесъ много и такихъ предметовъ, которые собственно не относятся къ Богословію, таковы напримѣръ астрономическія представленія о небѣ: „существуетъ трое небесъ: эмпирейское, неподвижное, самое высшее; кристалльное, движущееся съ неизреченною скоростію, и твердъ, раздѣляющаяся на два пояса—поясъ звѣздъ неподвижныхъ и поясъ планетъ. Планетное небо раздѣляется на семь круговъ или поясовъ, по числу планетъ... Звѣзды описываются такимъ образомъ: „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дольныхъ вещей родительны (имѣютъ вліяніе на перемѣны въ воздухѣ)... Земля представляется круглою, черною, тяжелою, холодною; она центръ всего міра, мрачна и содержитъ адъ. Землетрасеніе происходитъ отъ терзанія заключенныхъ въ ея вѣдрѣ духовъ ¹⁾. Подобные странные вопросы и мнѣнія вызвали на это сочиненіе справедливыя нареканія со стороны патр. Іоакима. Къ этому же отдѣлу относится полемическое сочиненіе Симеона „Жезлъ правленія“, книга, написанная противъ раскольниковъ, собственно въ опроверженіе челобитныхъ, поданныхъ царю Алексѣю Михайловичу расколу учителями Лазаремъ и Никитою. Разбирая заблужденія раскольниковъ и опровергая возводимыя ими противъ православныхъ обвиненія, Полоцкій приводитъ свидѣтельства изъ отеческихъ твореній, исторій и древнихъ рукописей. „Жезлъ правленія“ изданъ отъ имени патріарха Іоасафа и одобренъ соборомъ 1667 года. Заглавная виньетка изображаетъ архіерейскій жезлъ, чѣмъ и объясняется названіе сочиненія. Тонъ обличе-

¹⁾ Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. 661—662 стр.

ній рѣзкій и грубый, вызванный еще болѣе грубыми нападками на православіе со стороны ярыхъ приверженцевъ раскола.

Проповѣди Симеона Полоцкаго изданы въ двухъ сборникахъ: „Обѣдъ душевный“ (1681 г.) и „Вечеря душевная“ (1683 г.). Первый сборникъ содержитъ поучительныя слова на воскресные дни цѣлаго года, къ нимъ присоединены слово на Страсти Христовы въ Великій Пятокъ и два слова въ Великую субботу; во второмъ собраны проповѣди на господскіе и богородичные праздники и на дни нѣкоторыхъ святыхъ. Сборники эти получили такія метафорическія названія отъ того, что они объясняютъ слово Божіе, которое есть пища для души. Внутренняя связь между ними объясняется такимъ сравненіемъ: „Обычай есть странствующимъ въ мірѣ человѣкомъ общій, еже не точію обѣдомъ плоти своя учреждати, но къ тому и вечерами насыщати, дабы имъ чрезъ нощное поприще не притти во ослабленіе. И убо азъ въ прошедшее лѣто представивъ вамъ, православнымъ христіанамъ, обѣдъ душевный, судихъ въ настоящее лѣто предложить вечерю душевную“. Правило, какъ пользоваться первымъ сборникомъ, Симеонъ выражаетъ въ такой метафорической формѣ: „яждь обѣдъ, взямая руками ума твоего, прежуй зубами разсужденія и поглощай въ стомахъ памяти твоея“. Эти искусственныя метафоры и сравненія уже съ перваго раза обличаютъ въ проповѣдяхъ Полоцкаго вліяніе юго-западнаго схоластическаго стиля. Воспитанникъ схоластической школы, Симеонъ Полоцкій, разумѣется, не чуждъ былъ этого вліянія: кромѣ склонности къ символизму и метафорѣ, замѣтна у него иногда и нѣкоторая искусственность въ построеніи проповѣдей, и стремленіе блеснуть изреченіями языческихъ философовъ и поэтовъ; встрѣчаются у него также фантастическія свѣдѣнія изъ естественной исторіи ¹⁾, мифологическіе рассказы и апокрифическія

¹⁾ Въ словѣ на день Обрѣзанія Господня проповѣдникъ убѣждаетъ слушателей заботиться объ обрѣзаніи сердца и обновляться духомъ, подражая орлу. „О царѣ рода птицъ, орлѣ, говоритъ онъ, естествословцы предаша писанія, яко внигда ему зѣло состарѣтися и немощну быти пареніе дѣяти препятанія ради, собравъ силу, возлетаетъ превысоко, выше облакъ, идѣже отъ воздушныя теплоты періе его зажигается и огараетъ на немъ; онъ же, тако избывъ перія ветхаго, падаетъ на источники нѣкіе чистые, ихъ же силою новымъ обростае періемъ

сказанія ¹⁾),—но все это далеко не въ такой рѣзкой формѣ, какъ у другихъ схоластическихъ проповѣдниковъ. Практически настроенный умъ Полоцкаго не могъ довольствоваться отрѣшенными отъ жизни схоластическими теоріями. Сухимъ отвлеченностямъ онъ предпочитаетъ описанія и рассказы, которые наглядно представляютъ мысль и сообщаютъ проповѣди изобразительность. Не видно также у Симеона Полоцкаго излишней заботливости украсить „душевныя брашна хитростями витійственными, какъ иностранными приправами“. Онъ сознавалъ необходимость безыскусственнаго изложенія: „простое слово въ писаніи разумѣется удобнѣе, нежели слово, покрытое красотами художественными; ядро удобнѣе съѣдается вылущенное, нежели въ скорлупѣ содержащееся“ ²⁾. Существенная заслуга Полоцкаго, какъ проповѣдника, заключается въ томъ, что онъ тѣсно сблизилъ церковное слово съ задачами и потребностями современной ему русской жизни. Нѣсколько проповѣдей у него посвящены, на примѣръ, важному житейскому вопросу о воспитаніи и обученіи дѣтей. Въ словѣ на недѣлю о блудномъ сынѣ проводится мысль, что такъ какъ дѣтей воспитываетъ примѣръ, жизнь ихъ родителей и вообще окружающая среда, то поэтому родители и воспитатели должны быть чисты во всемъ: „отецъ

и силу стяжаетъ паренія, и тако обновляется ему юность его. Аще то истинно есть, не утверждаю, но отъ сей повѣсти того вамъ научиться желаю, да аще кто обѣтша во грѣсѣхъ нѣкихъ и тѣхъ ради не можетъ летати, еже бы духовнѣ препитатися, той да собравъ силу свою, устремится возлетѣти превысого выше облакъ суетствій міра сего и тамо огнемъ любви Божія восплавився, да падаетъ на источянки воды покаянія святого, ихъ же бы силою, яко въ новое періе по сожженіи стараго, по совлеченіи ветхаго челоуѣка въ новаго обещися и тако пакы сильну пищама насыщатися духовными, таянь божественныхъ, слова Божія и благодати Его“.

¹⁾ Въ словѣ на недѣлю 27-ю по Пятидесятницѣ, Полоцкій, объясняя, почему празднуется Церковію день недѣльный, приводитъ слѣдующія причины, указанная въ одномъ апокрифическомъ сказаніи: „день недѣльный празднуется потому, что въ этотъ день созданъ свѣтъ и положено начало творенія; въ этотъ день ковчегъ Ноевъ остановился на горахъ араратскихъ, израильяне перешли чрезъ Черное море; манна начала падать въ пустынь; въ этотъ день Христось родился, звѣзда явилась волхвамъ, Господь крестился во Иорданѣ, сотворено чудо въ Канѣ галилейской, пять тысячъ насыщены пятью хлѣбами, Христось вошелъ въ Иерусалимъ на жребяти осли, воскресъ изъ мертвыхъ и явился апостоламъ; въ этотъ день, наконецъ, имѣетъ быть и второе пришествіе Христово“.

²⁾ Голаховъ. Истор. Русск. Слов. I ч. 381 стр.

долженъ быть въ дому какъ солнце, мать какъ луна“, тогда и „чада“ будутъ какъ „звѣзды“. Въ „Вечери душевной“ часто прославляются святые, которые заботились о воспитаніи дѣтей своихъ и своею жизнію подавали имъ добрые примѣры. Воспитывая дѣтей примѣромъ собственной жизни, родители въ то же время должны учить ихъ молитвѣ Господней, символу вѣры, заповѣдямъ Божиимъ, заставляя ходить къ церковнымъ службамъ, исповѣдываться и причащаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Въ то-же время должно учить дѣтей рукодѣлію или какому нибудь честному занятію, чтобы, оставаясь въ праздности, дѣти не привыкали къ худымъ дѣламъ, ибо „праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ“. Эти совѣты и взглядъ Полоцкаго на воспитаніе дѣтей очень напоминаютъ правила Домостроя. Въ словѣ на день св. Марѣы, къ примѣру собственной жизни, при воспитаніи дѣтей, онъ совѣтуетъ прилагать и наказаніе жезломъ: „снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возъмеша хлѣба и ядра, не приѣмеша, сытости и сладости, чады же аще не біеши, не сподобиши радости“. Воспитаніе и ученіе дѣтей должно начинаться съ малыхъ лѣтъ: „что будетъ написано жезломъ на молодыхъ деревьяхъ, говоритъ онъ въ первомъ словѣ на день святителя Николая, то яснѣе и сильнѣе обозначается въ старыхъ; такимъ деревьямъ подобны юноши: что примутъ въ себя, какъ сѣмя, въ юности, то покажутъ, какъ плодъ, въ старости ¹⁾“. Какъ передовой человекъ своего времени, образованный представитель его нуждъ и потребностей, Полоцкій идетъ дальше совѣтовъ Домостроя: въ своихъ проповѣдяхъ онъ напр. умоляетъ царя позаботиться объ устройствѣ и умноженіи училищъ „греческихъ, славянскихъ и иныхъ“ и о взысканіи своими милостями *спудеовъ* (учениковъ) и учителей; говоритъ о томъ, что учиться должны не только *духовные*, но и *міряне*, что чтеніе Божественнаго Писанія полезно не только *мужчинамъ*, но и *женщинамъ*. Недостатки и темныя стороны современной дѣйствительности нашли у Полоцкаго живое и яркое изображеніе и строгое себѣ обличеніе. Напр. въ словѣ о

1) Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. 686 стр.

почитаніи для недѣльнаго, изложивъ основанія, по которымъ надобно посвящать Богу дни воскресные и праздничные, проповѣдникъ изображаетъ, какъ эти дни обыкновенно у насъ проводятся, и между прочимъ говоритъ: „увы мнѣ! вижу много званыхъ, слышу же въ Божественномъ Евангеліи, яко мали суть избранніи. Все званіемъ православни есмы, дѣлы же негли и невѣрныхъ худшіи въ собраніи нашемъ христіанскомъ обрѣтаемся... Разсудимъ всякъ себе совѣстію: почитаемъ ли сей день Господень достойнѣ, Богу ли работаемъ, а не мамонѣ, Его ли закону поучаемся, а не паче житейскими суетами, страстьми плотскими и душегубными помрачаемся похотьми? Увы намъ, любиміи братія, друзи, чада! Беззаконніи осудятъ насъ іудеи, обетшавшую свою субботу многочестнѣ почитающіи, нежели мы новое наше воскресное упокоеніе... Мы всякое руководѣніе безвозбранно работаемъ и купли дѣемъ безблагодечно, плотскими дѣлы исповѣдующе міра и мамы себе рабы быти... Мы наипаче во дни Господни всѣмъ душегубнымъ плотскимъ страстямъ свободно и охотно работствуемъ: ибо когда пьянствомъ умы себѣ наипаче помрачаемъ? Токмо въ день воскресный или во иной нѣкоторый праздникъ. Когда пиршество, бесѣды, когда всенощная при полныхъ чашахъ бдѣнія? Токмо въ день воскресный. Порочится же день сей не токмо дѣлы скверными и нечистыми, но и скаредными и безмѣстными словеса, ими же ни въ послѣднихъ варварѣхъ тако, яко въ нашей странѣ и въ родѣ, правовѣріемъ освященномъ, честная ушеса яко копіями прободаются и самый воздухъ ихъ мерзостію оскверняется“¹⁾. Съ особенною силою нападаетъ Симеонъ Полоцкій на разные суевѣрные обычаи, на вѣру въ колдовство, ворожбу и чародѣйство, на разныя игры, скаканія и плясанія. Изображеніемъ этихъ недостатковъ русскаго народа особенно богато слово „О суевѣріи или суечестіи“. Здѣсь указываются многія суевѣрія и „богомерзкіе обычаи“, напр. если двое идутъ рядомъ, и между ними случится быть камню, или пробѣжить песь, или пройдетъ дитя,—суевѣры попираютъ камень, какъ растерзателя дружества, ударя-

¹⁾ Истор. Хр. Покровскаго III ч. 534 стр.

ють невинное дитя въ заниту и бьютъ пса: иной, чихнувъ въ то время, какъ началъ обуваться, снова ложится въ постель, споткнувшись при выходѣ изъ дому, возвращается домой; платье, изъѣденное мышами, заставляеть его болѣе страшиться будущаго зла, нежели жалѣть о настоящей потерѣ. Сувѣры обѣщаютъ человѣку благоденственную или злополучную жизнь по дню его рожденія; предсказываютъ по звону въ ушахъ, по встрѣчѣ съ волкомъ, зайцемъ, инокомъ и женщиной; безъ всякихъ свидѣтельствъ вѣрятъ чудесамъ неправеднымъ или не бывшимъ и проповѣдуютъ о нихъ изустно или письменно. Изъ „богомерзкихъ обычаевъ“ въ городахъ, селахъ и весяхъ три особенно возмущаютъ Полоцкаго, какъ остатки языческихъ вѣрованій. Первый обычай—„поставлять нѣкія висѣльницы, простѣе именуемая рѣлями (качелями), на которыхъ и малые и большіе привыкли качаться, съ опасностью для здоровья, а иногда и для жизни, и всегда со грѣхомъ, ибо то самое творили древніе идолослужители въ честь своихъ лжебоговъ“¹⁾. Второй обычай—нелѣпое скаканіе и плясаніе съ неблагопристойными припѣвами. Проповѣдникъ сравниваетъ пляшущихъ съ Израильтянами, плясавшими вокругъ золотого тельца, и съ Иродіадой. Третій обычай—наканунѣ рождества Іоанна Предтечи разводять огонь и прыгаютъ черезъ него, называя это торжество „купало“; язычники точно такимъ же образомъ чествовали своихъ боговъ. Сочинивъ въ обличеніе раскола цѣлую книгу: „Жезль правленія“, Полоцкій дѣйствовалъ противъ него и проповѣдью. Въ одномъ поученіи онъ уподобляетъ слово Божіе водному потоку, котораго не могъ перейти пр. Іезекииль (гл. 47). Начальники еретиковъ, покушаясь перейти его, терпѣли кораблекрушеніе и отъ глубины писаній божественныхъ низвергались въ адскую глубину. „Неискусившемуся въ плаваніи нельзя искать въ пучинѣ бисеровъ: такъ и невѣгласу не подобно взимать тайные бисеры премудрости. Людямъ малоученымъ довольно, стоя на брегѣ рѣки, утолять жажду... Не тако ли у насъ нынѣ дѣется? разглагольствуютъ нынѣ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, препираются

¹⁾ Странно, что образованный и развитой проповѣдникъ причисляетъ къ богомерзскимъ обычаямъ и невинную народную забаву—качели.

и на торжищехъ скотопродателіе, да не реку: въ корчемницахъ піаніи. Напослѣдокъ и буія женища словопреніе дѣють безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе“¹⁾... Въ другомъ словѣ—къ іереямъ на день сошествія Св. Духа, Полоцкій обличаетъ ихъ за то, что „веліимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о чадѣхъ духовныхъ премнози несмысленніи людіе, аки безсловесніи овцы, отъ пути праваго житія заблудивша и въ пропасть погибельвья жизни уклонишася... Мнози невѣгласи, пикогда же и нигдѣ же учениками бывше, учителя нарицатися дерзають“. Такимъ образомъ, проповѣди Симеона Полоцкаго близко стоятъ къ современной дѣйствительности и потому къ числу ихъ достоинствъ нужно отнести также ихъ историческое значеніе, какъ источника для изученія русской жизни XVII вѣка. Языкъ проповѣдей церковнославянской, очищенный отъ полонизмовъ и малорусскихъ словъ, которыми загромождены сочиненія многихъ юго-западныхъ ученыхъ. Понятный и доступный для современниковъ Полоцкаго, онъ легко понимается и теперь, не смотря на перемѣны, которымъ литературная рѣчь подверглась съ того времени.

Стихотворство было самымъ любимымъ литературнымъ занятіемъ Симеона Полоцкаго; оно же принесло ему и житейскую пользу: стихами онъ началъ свою придворную карьеру, стихами старался и закрѣпить свои связи съ царской семьей, естественно возникшія изъ учительства царскимъ дѣтямъ. Рѣдкое придворное торжество обходилось безъ стихотворнаго украшенія музой Полоцкаго. Въ случаяхъ же особенно важныхъ онъ составлялъ цѣлую стихотворную „книжицу“ со всею *хитростію* піитического ученія, и преподносилъ ее государю въ изящномъ спискѣ съ различными эмблематическими изображеніями. По случаю объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича наследникомъ престола, Симеонъ представилъ Алексѣю Михайловичу обширное панегирическое привѣтствіе въ стихахъ, подъ заглавіемъ: „Орелъ Россійскій, въ солнцѣ представленный“. Вскорѣ послѣ этого Симеонъ поднесъ государю другое свое, не менѣе обширное, стихотворное произведеніе. Это

1) Галяховъ. Истор. Русск. Слов. I ч. 384 стр.

были: „Орены, или плачи всѣхъ сановъ и чиновъ православно-россійскаго царства о смерти благовѣрныхъ и христіолюбивыя государыни царицы и великія княгини Маріи Илиничны“. Когда же отъ второго брака царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной родился царевичъ Петръ Алексѣевичъ, Полоцкій въ день его крещенія выступилъ предъ государемъ съ радостнымъ стихотворнымъ привѣтствіемъ, замѣчательнымъ различными предсказаніями о судьбѣ новорожденнаго младенца, впоследствии великаго императора:

Радость велию мѣсяцъ май нынѣ явилъ есть:
 Яко намъ царевичъ Петръ явѣ ся родилъ есть.
 Вчера преславный Царьградъ отъ турковъ плѣнился:
 Нынѣ избавленіе преславно явился.
 Побѣдитель приде и хоцетъ отмстити,
 Царствующій оный градъ нынѣ свободити.
 О Константине граде! Зѣло веселися!
 И Святая Софія церкве, просвѣтися!
 Православный нынѣ родися намъ царевичъ,
 Великій князь московскій Петръ Алексѣевичъ;
 Тщится благочестіемъ васъ украсити.
 И всю бусурманскую мерзость низложити.
 И ты, царствующій граде Москво, просвѣтися:
 Ибо радость велія въ ты вселися.
 Укрѣпи твоя стѣны окрестъ ограждены,
 Багряпородный царскъ сынъ, Богомъ возжеланный!
 Петръ бо нарицается—камень утвержденный.
 Утвердити врата царевичъ нарощенный, -
 Храбръ и страшень явится врагомъ сопротивнымъ;
 Обаменованъ въ вѣрѣ именемъ предивнымъ,
 Украшеніе царско, утѣха родися;
 Родителемъ похвала вѣчно утвердися...

За это стихотворное поздравленіе Симеонъ въ тотъ же день, послѣ крестиннаго стола во дворцѣ государя, удостоился отъ него особеннаго благосклоннаго вниманія. Въ современной росписи различныхъ сластей, поднесенныхъ почетнѣйшимъ лицамъ въ заключеніи обѣда, значится: „учителю старцу Симеону четыре головы сахару, вѣсомъ по три фунта голова; сахаровъ—леденцовъ и конфектовъ два блюда, по полуфунту; сахаровъ зеренчатыхъ блюдо; ягодъ винныхъ, финиковъ по фунту на блюдѣ; трубочку корички, вѣсомъ противъ блюдъ Троицкаго и Чудовскаго архимандритовъ. Всего восемь блюдъ; да съ Сыт-

наго полоса арбузная, другая дынная“¹⁾). Кончину Алексѣя Михайловича Полоцкій оплакалъ въ обширныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ: драматической элегіи и двѣнадцати плачахъ. Въ элегіи умирающей царь ведетъ разговоръ со всѣми членами своего семейства, съ патріархомъ и другими духовными лицами, съ воинствомъ и прочими подданными, а въ „плачахъ“ каждое лицо выражаетъ свою скорбь. Воцареніе Ѳеодора Алексѣевича было воспѣто Симеономъ въ стихотвореніи „Гусли добродѣтельная“. Въ его царствованіе стихотворное искусство Полоцкаго достигаетъ своего высшаго развитія. Это въ значительной степени объясняется особенною близостію Симеона къ царю, своему бывшему питомцу. Въ это время особенно развивается отдѣлъ его религіозныхъ стихотвореній. Царь Ѳеодоръ отличался необыкновенною религіозностію и принималъ даже личное участіе въ пѣніи и чтеніи церковномъ. Такая набожность царя въ связи съ его чрезвычайнымъ уваженіемъ къ стихотворному искусству подали Симеону поводъ къ сложенію стихотвореній религіозныхъ, которыя онъ потомъ даже приносилъ въ церкви при богослуженіи въ личномъ присутствіи государя. Стихи эти большею частію представляли собою очень значительныя по своимъ размѣрамъ произведенія, состоящія изъ четырехъ, восьми и даже двѣнадцати отдѣльныхъ стихотвореній. Но указанными видами стихотвореній не ограничивалась муза Полоцкаго; его любовь къ просвѣщенію, страсть къ стихотворству и приносимая имъ практическая польза создали въ общемъ огромную массу стихотворныхъ произведеній, самыхъ разнообразныхъ по своему характеру и содержанію. Собранныя вмѣстѣ силлабическіе стихи Полоцкаго составили два обширныхъ сборника: „*Вертоградъ многоцвѣтный*“ и „*Риѣмологіонъ*“. Первый содержитъ размышленія о разныхъ предметахъ и нравственныя сентенціи, расположенныя „по чину славянскаго алфавита“, подъ такими напр. заглавіями: благородіе, вѣжество, гордость, дѣва и т. п. Содержаніе ихъ большею частію заимствовано изъ иностранныхъ сборниковъ. Въ составъ второго сборника вошли преимущественно при-

1) Симеонъ Полоцкій. I. Татарскаго. 126—128.

дворныя стихотворенія Полоцкаго, одно изъ которыхъ (на рожденіе Петра Великаго) приведено выше. Вотъ образецъ изъ „Вертограда многоцвѣтнаго“:

Вѣжество.

Вѣждеству образъ древній даяху,
Зрящую въ ночи сову писааху:
Яко бо она во тьмѣ созерцаеть:
Тако въ трудностяхъ вѣжда дѣла знаетъ.

Богатство.

Еллиномъ богатствъ богъ бѣ нареченный Плутонъ,
Азь его именую: во истину плутъ онъ,—
Плутаетъ бо излнха и зѣло вллетаетъ
Въ сѣти діавольскіи, юже уловляетъ.

Съ работой по составленію „Вертограда многоцвѣтнаго“ тѣсно связано происхожденіе важнѣйшаго и обширнѣйшаго изъ всѣхъ стихотворныхъ произведеній Симеона Плоцкаго, такъ называемой „Псалтири Риѣмотворной“. Располагая матеріалъ сборника въ порядкѣ славянскаго алфавита, онъ подошелъ послѣдовательно къ буквѣ *пси* и написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній подъ названіемъ „Псаломъ“. Затѣмъ ему пришла мысль переложить стихотворнымъ размѣромъ покаянныя псалмы Давида, что онъ немедленно и исполнилъ. Занятіе это такъ понравилось Полоцкому, что онъ рѣшился взяться за стихотворное переложеніе всей Псалтири. Задачу эту онъ считалъ вполне цѣлесообразной: во первыхъ, еврейскій подлинникъ псалмовъ написанъ стихами; во вторыхъ, въ обществѣ сильно чувствовалась потребность въ риѣмотворной Псалтири, и грамотники XVII в., за неимѣніемъ славянскаго стихотворнаго переложенія псалмовъ, услаждались метромъ и риѣмой польскаго перевода. Работу эту Симеонъ исполнилъ съ необычайнымъ прилежаніемъ и изумительною быстротою: „Божіимъ пособіемъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ своему труду, въ немнозѣхъ мѣсяцѣхъ дѣло совершеніемъ увѣнчася... начяхъ бо труды сія полагати мѣсяца февруарія въ день 4-й, совершихъ же мѣсяца марта въ 28-й день“. Внизу страницъ Полоцкій даже приложилъ ноты для пѣнія. Первоначально стихотворная Псалтирь входила въ составъ „Вертограда многоцвѣтнаго“. Впо-

слѣдствіи, въ 1680 г., Полоцкій присоединилъ къ ней стихотворное переложеніе мѣсяцеслова и издалъ отдѣльною книгою. Псалтирь Симеона въ свое время пользовалась большимъ уваженіемъ и широкою извѣстностію. Въ числѣ двухъ-трехъ книгъ, которыя Ломоносовъ называлъ вратами своей учености, была и риѣмотворная Псалтирь Полоцкаго, и по ней преобразователь русской поэзіи впервые знакомился съ стихотворнымъ искусствомъ. Вотъ, для образца, переложеніе перваго псалма:

Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
 Ниже на пути грѣшныхъ человекъ стояше;
 Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сядѣти
 Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти;
 Но въ законѣ Господни волю полагаетъ,
 Тому днемъ и ношю себе поучаетъ.
 Будетъ бо яко древо при водахъ насажденно,
 Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
 Листъ его не упадетъ, и все, еже дѣетъ,
 По желанію сердца онаго успѣетъ.
 Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
 Яко прахъ, его же вѣтръ съ земли развѣваетъ.
 Тѣмъ же нечестивіи не смутъ востати
 На судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
 Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ,
 Путь паки нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.

Переложеніе мѣсяцеслова, иначе святцевъ, Полоцкій начинаетъ слѣдующими стихами:

Мѣсяцесловъ весь въ стісѣхъ полагаю,
 Бога и рабы его прославляю.
 Мѣсяць Септемврій, имѣя дни $\tilde{\Lambda}$
 $\tilde{\Lambda}$ Въ ново лѣто Столпника должно почитати
 Симеона, и Марѳа чтится его мати.
 $\tilde{\text{Б}}$ Маманта мученика нынѣ ублажаемъ,
 Постника Іоанна кунно прославляемъ.
 $\tilde{\Gamma}$ Анеѳима, епископа за Христа страдавша,
 Посемъ и Θεоктиста въ постѣ пребывавша и т. д.

Въ подобныхъ стихахъ перечисляются святые по порядку въ каждый день каждаго мѣсяца. Любовь къ стихотворству, воспитанная въ схоластической школѣ, не покидала Полоцкаго до послѣднихъ дней его жизни: за полтора дня до смерти онъ сложилъ стихи въ похвалу философіи ¹⁾.

¹⁾ Скончался Симеонъ Полоцкій 25-го августа 1680 года. Трогательную новѣсть его мирной христіанской кончины находимъ въ письмѣ его ученика Силь-

Въ Риѣмологіонѣ въ числѣ стихотворныхъ произведеній Симеона Полоцкаго помѣщены двѣ его духовныя драмы, составленныя по образцу тѣхъ школьныхъ драмъ, которыя сочиняли и разыгрывали въ Кіевской академіи. Одна: „*О царѣ Навуходносорѣ и о трехъ отрокахъ, сверженныхъ въ печь огненную*“, другая: „*О Блудномъ сынѣ*“. Первая не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ представленія въ лицахъ извѣстной библейской исторіи о трехъ отрокахъ, брошенныхъ, по повелѣнію Навуходносора, въ огненную печь. Вторая изображаетъ въ дѣйствіи евангельскую притчу о Блудномъ сынѣ, распространненную нѣкоторыми бытовыми подробностями. Драма эта состоитъ изъ шести дѣйствій, пролога и эпилога. Въ прологѣ заключается обращеніе къ зрителямъ, въ которомъ объясняется, почему притча представлена въ дѣйствіи:

Не тако слово въ памяти держатся,
 Якоже аще что дѣломъ явится.
 Христову притчу дѣйствомъ проявити
 Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
 О Блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
 Аки вещь живу узрѣть мвлость ваша.

вестра Медвѣдева къ своему „приятелю“, нѣкому „Іоанну Дмитриевичу“. Разсказъ излагается отъ лица „самовида“. „Протекшаго лѣта отъ созданія міра 7188, пишетъ Медвѣдевъ, послѣ небольшого риторическаго вступленія,—августа въ 15 и 16 дни, со исповѣданіемъ у отца духовнаго своихъ грѣховъ, безкровную жертву Симеонъ совершаше. Ибо онъ никакоже святяя литургіи безъ исповѣди служити дерзаше. Подъ осьмый же на десять день въ ночи, скорбь къ нему приступиша пача по малу день-двое возрастати и здравіе его растлѣвати. Но обаче опъ весьма крѣпляетеси и правила своего и въ Церковь хожденія не оставляше, даже до 24 дни. Въ двадесять же пятый день, аще и крѣплѣ нача изнемогати, обаче не весьма себе вдаше на одрѣ лежанію. И во осьмому того дня часу тяжкѣ нача изнемогати. И во оно время посѣщающу его отцу Филарету Твердикову, въ бесѣдѣ своей ко отцу Симеону, нача съ жалостію о краткости жизни челоувѣчскія предлагати; ему же пречестный господианъ отецъ Симеонъ, уже на одрѣ лежай, отвѣща: отче святой, вѣмъ азъ и о семидесятихъ и осмидесятихъ лѣтахъ. Но аще и семьдесятъ или и осмьдесятъ лѣтъ доживше и тогда умрати же. Воли Господни во всемъ да будетъ, яко тогда, тако и нынѣ умирати же. И по бесѣдѣ, отходящу отцу Филарету, возставъ отъ одра своего, отца Филарета проводи даже до дверей келліи, и другъ друга благословивше и поцѣловавшеся, простимася. И потомъ, мало посидѣвъ въ креслахъ, возляже на одрѣ свой, и абіе къ нему прииде отецъ его духовный. И соверша же подобаетъ къ очищенію челоувѣчскія совѣсти, отъ него изъ чулана изыде къ намъ въ келлію. Таже вскорѣ прииде и Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, архимандритъ Амвросій.

Въ 1-мъ дѣйствиіи отецъ бесѣдуетъ съ сыновьями. Благословляя Бога за дарованные ему благой разумъ и богатство, онъ даетъ сыновьямъ наставленія, какъ слѣдуетъ имъ жить, и въ заключеніе вручаетъ все свое имѣніе. Старшій сынъ обѣщаетъ полное повиновеніе волѣ отца и хочетъ жить съ нимъ неразлучно; младшій проситъ отца отпустить его на волю, чтобы видѣть чужія страны, куда влечетъ его будто бы жажда знанія и славы. Отецъ одобряетъ его желаніе искать славы и посѣщать чужія страны:

За славу люди главу полагають,
Морскія волны съ бѣдствомъ преплавають;

но указываетъ ему на его молодость и неопытность, наконецъ уступаетъ его просьбѣ и отпускаетъ на свободу. Во 2-мъ дѣйствиіи изображается жизнь Блуднаго на свободѣ. Оказывается, что онъ ушелъ изъ родительскаго дома не для славы и знанія, а потому, что ему не нравились у отца строгіе домашніе порядки:

Видяще же мы его (аще оному глаголющу, яко онъ въ себѣ тяжкія къ смерти болѣзни не чувствуетъ) зѣло въ лицѣ измѣняема, послахомъ по священники и діакони, ради елеемъ святымъ освященія. Онъ же, лежа на одрѣ, по малой бесѣдѣ съ племянникомъ своимъ Михаиломъ, перекрестися трижды. Мы же надѣющеса, яко онъ хошетъ сну вдатися, покой ему дахомъ. И егдаже собрахуся ко малосвятію, азъ же начахъ его звати: отче Симеоне, до трижды; онъ же вичтоже отвѣща, точію очима зреть прямо. Видяще мы, яко кончина жизни его пріиде, отецъ духовный его нача молитвы ко исходу души читати и канопъ на исходъ души. И егда она вся совершишася, абіе мнѣ ему присѣдащу, испусти духъ. И тогожде дне тѣло его изнесохомъ въ храмъ“. Погребеніе Симеона Полоцкаго совершалось на другой день послѣ его смерти въ трапезной церкви Заиконоспасскаго монастыря и, какъ видно, происходило весьма торжественно. „Въ 26 день (августа), сообщаетъ Медвѣдевъ, погребохомъ его честно, а на погребеніи быша суздальскій владыка Маркелль, и архимандриты, и игумены, и священники и діакони“. Самъ патріархъ Іоакимъ имѣлъ желаніе быть на погребеніи Симеона и не участвовалъ въ немъ только по особымъ обстоятельствамъ. Царь Феодоръ Алексѣевичъ, горячо любившій своего наставника, былъ глубоко тронутъ его кончиною и пожелалъ почтить память усопшаго надгробнымъ надписаніемъ, соответствующимъ его заслугамъ. Сильвестромъ Медвѣдевымъ была составлена, по порученію царя, пространная стихотворная эпитафія, въ которой ярко отразился взглядъ государя на характеръ и значеніе личности и трудовъ почившаго, какъ незамѣнимаго учителя, „праваго“ богослова, хранителя церковныхъ догматовъ и благовѣрнаго мужа, „потребнаго церкви и государству“.—Сим. Полоцкій. I. Татарскаго. 317—318. 327.

Бѣхъ у отца яко рабъ плѣнный,
 Во предѣлахъ домовыхъ яко въ тюрмѣ замѣнный.
 Не что блже свободно творити,
 Ждахъ обѣда, вечера, хотѣи асти, пити.
 Не свободно играти, въ гости не лущано,
 А на красныя лица зрѣти запрещано,
 Во всякомъ дѣлѣ указъ, безъ того ничто же.
 Ахъ, коликы неволя, о мой святыи Боже!
 Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
 Ничесо же творити по воли далше.
 Нынѣ, слава Богови! отъ узъ свободихся,
 Едва въ чуждую страну едва отмолихся,
 Яко птенецъ изъ кѣтки на свѣтъ испущенный.
 Желая погуляти, гѣмъ быти блаженный.

И вотъ на свободѣ Блудный сынъ набираетъ множество слугъ, даетъ каждому по сто рублей, пачинаетъ съ ними пить и играть въ азартныя игры. Слуги обираютъ и обыгрываютъ Блуднаго; въ концѣ сцены онъ, пьяный, отправляется спать: „и тако блудный сынъ пойдетъ словаяся, а за нимъ вси“, замѣчается въ драмѣ. Въ 3-мъ дѣйствіи Блудный представленъ нищимъ; однако онъ хочеть еще продолжать пиршество и игру со слугами, но тѣ отказываются и смѣются надъ нимъ. Въ 4-мъ дѣйствіи Блудный, томимый голодомъ и одѣтый въ рубище, нанимается въ слуги къ одному богатому господину. Богатый господинъ посылаетъ его пасти свиней; но по неумѣнью онъ разгоняетъ все стадо, и его бьютъ за это плетми. Въ послѣднихъ дѣйствіяхъ изображается возвращеніе Блуднаго домой къ отцу, который принимаетъ его съ радостію. Въ эпилогѣ снова заключается обращеніе къ зрителямъ, въ которомъ объясняется право-учительная цѣль драмы:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
 На младый разумъ свой не уповати.

Такимъ образомъ, драма „о Блудномъ сынѣ“ есть представленіе въ лицахъ и дѣйствіяхъ евангельской притчи. Не прибавляя къ притчѣ ничего особеннаго, она только распространяетъ ее нѣкоторыми подробностями, въ которыхъ выражаются русскія понятія того времени. Въ рѣчахъ отца о пользѣ посщенія чужихъ странъ для приобрѣтенія мудрости выражается, конечно, взглядъ самого Полоцкаго и другихъ образован-

ныхъ людей того времени. Поведеніе же Блуднаго на свободѣ показываетъ, какъ грубо понимали воспитанные въ рабствѣ и невѣжествѣ люди идеаль свободной жизни.

Драмы Симеона Полоцкаго были интересною новинкою для Москвы, гдѣ образованными и приближенными къ царю Алексѣю Михайловичу боярами, Матвѣевымъ, Ордыномъ Нащокинымъ и Милославскимъ только что начали устраиваться театральныя зрѣлища. Первое начало театральныхъ представленій въ Москвѣ собственно относится къ 1672 г. и тѣсно связано съ именемъ проживавшаго здѣсь нѣмецкаго пастора, Іоганна Готфрида Грегори, который хорошо зналъ театральное дѣло. При его дѣятельномъ участіи, бояринъ Матвѣевъ устроилъ театральное представленіе для двора въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою: „того же году, сказано въ дворцовыхъ записяхъ, было у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедіе: тѣшили его великаго государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла (т. е. какъ Олоферну царица Юдифь голову отсѣкла), и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые Артемона Сергѣевича Матвѣева“. Готфриду приказано было потомъ „еще учинить комедію и на комедіи дѣйствовать книгу Эсфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь“¹⁾. Такъ положено было основаніе русскому придворному театру, на которомъ въ началѣ ставились пьесы преимущественно духовнаго содержанія и въ томъ числѣ драмы Симеона Полоцкаго.

Н. Протопоповъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Порфирьевъ. Истор. Русск. Слов. 701—702 стр.

Отношенія христіанина къ неразумной природѣ.

Христіанская нравственность состоитъ не изъ мелочныхъ предписаній и правилъ, но вся сводится къ одному повелѣнію: *возлюбими*. Но это ни мало не значить, что христіанинъ въ своей обыденной жизни и въ тѣхъ поступкахъ, которые принято считать маловажными, можетъ руководиться не вѣрой, не Евангелиемъ, а обычаемъ и произволомъ. Совершенно напротивъ. Несвязанный внѣшними правилами, христіанинъ всѣ свои дѣйствія, слова и мысли, въ которыхъ участвуетъ свободная воля, подчиняетъ вѣрѣ. „Все, что не по вѣрѣ, грѣхъ“ (Рим. XIV, 23). Онъ привыкъ все дѣлать *во славу Божію*, даже и при такихъ естественныхъ дѣйствіяхъ, какъ принятіе пищи и питія (1 Кор. X, 31).

Поэтому не будетъ ничего законническаго и несогласнаго съ Евангелиемъ свободы, если христіанинъ спросить себя: какъ я долженъ *по вѣрѣ* относиться къ животнымъ и къ природѣ?

Несомнѣнно и весьма велико превосходство человѣка надъ остальными тварями. Это указано Спасителемъ, когда Онъ, говоря о промышленіи Божіемъ о птицахъ, внушалъ слушателямъ, что человѣкъ дороже, лучше птицъ (Луки XII, 7, 24). Цѣлый міръ не стоитъ души человѣческой! (Мѡ. XVI, 26). Но это превосходство человѣка предъ остальнымъ міромъ не только не освобождаетъ насъ отъ обязанности относиться къ животнымъ съ милосердіемъ, съ жалѣніемъ, но даже обязываетъ насъ относиться къ животному покровительственно, милостиво. Немилосердіе къ животнымъ умаляетъ наше превосходство надъ ними и препятствуетъ намъ имѣть тѣ же *чувствованія*, то же настроеніе, *что и во Христѣ* (Филип. II, 5).

Справедливо, что природа и животныя служатъ для чело-вѣка не цѣлью, а средствомъ. Но добрый чело-вѣкъ и къ ору-діямъ своей дѣятельности, и къ средствамъ своей жизни отно-сится бережно, любовно. При отсутствіи такихъ отношеній сердце чело-вѣка можетъ испортиться, огрубѣть. Одинъ русскій князь, въ дѣтствѣ для забавы мучившій собакъ и кошекъ, въ зрѣломъ возрастѣ сталъ играть жизнію людей. Св. Василій Великій, изъясняя Моисеевы заповѣди о милосердіи къ жи-вотнымъ, говоритъ: „я, сколько понимаю сіе, скажу, что здѣсь законъ имѣетъ цѣлю отъ милосердія къ тварямъ малозначу-щимъ возвести насъ къ милосердію совершеннѣйшему и важ-нѣйшему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловес-нымъ быть милостивы, то сколь же велика должна быть лю-бовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства“? (Слово о любви къ бѣднымъ).

Итакъ, жалѣніе животныхъ и обереганіе природы служатъ средствомъ для душевнаго совершенствованія чело-вѣка. Но чувство любви, составляющее основу нравственныхъ отноше-ній чело-вѣка къ тварямъ разумнымъ и неразумнымъ, побуж-даетъ чело-вѣка относиться и къ послѣднимъ не какъ къ сред-ствамъ, а какъ къ цѣлямъ. Св. отецъ Исаакъ Сиріанинъ на вопросъ: что такое сердце милующее?—отвѣчаетъ: „возгорѣніе сердца у чело-вѣка о всемъ твореніи, о чело-вѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о дѣмонахъ и о всякой твари. При воспо-минаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ очи у чело-вѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлю-щей сердце, и отъ великаго страданія сжимается сердце его и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварью. А по-сему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣляющихъ ему вредъ ежечасно со слезами приносятъ молитву, чтобы сох-ранились они и были помилованы, а также и о естествѣ прес-мыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семъ Богу ¹⁾).

¹⁾ Слова подвижническія. М. 1858 стр. 299. Въ житіяхъ пустынниковъ и аскетовъ находится на мало примѣровъ сострадательнаго отношенія не только къ прирученнымъ животнымъ, но и къ дикимъ звѣрамъ, которыхъ укрощали сво-ею добротою эти земные ангелы и небесные чело-вѣки.

Это чувство любви къ твари имѣетъ несомненную связь съ любовію къ Богу, какъ истинному Хозяину живыхъ тварей. Жизнь есть таинственное дѣло Божіе, даханіе его могущества. „Земная жизнь представляетъ одну органически полную и цѣлостную систему. Въ этой системѣ есть и самыя низшія формы жизни, которыя едва замѣтны для изслѣдователей, есть и самыя высшія. Длинный промежутокъ между тѣми и другими наполненъ безконечно разнообразными формами бытія и жизни, поднимающимися и возвышающимися со ступени на ступень, не отрывочно и одиовоко стоящими, но тѣсно связанными одно съ другой и съ цѣлымъ рядомъ существъ,—наполненъ такъ, что нѣтъ нигдѣ скачка или пустоты... Исполненный любви, Богъ желалъ, чтобы Его совершенства, составляющія предметъ Его любви, оставили свои слѣды во внѣбожественномъ бытіи, то есть, въ мірѣ, чтобы они хотя отчасти, хотя въ малой мѣрѣ сдѣлались удѣломъ живыхъ существъ, насколько это совмѣстимо съ ихъ тварной природой. Слава Божія есть всевозможное проявленіе божественныхъ совершенствъ въ существахъ конечныхъ, она неразрывно соединена съ блаженствомъ тварей. Слава Божія въ природѣ есть ея красота и благосостояніе. Неразумная тварь въ своихъ красотахъ и совершенствахъ, носитъ на себѣ отраженіе совершенствъ Божіихъ, хотя и безсознательно“¹⁾).

Не одни поэты, но и богодухновенные писатели Библии любили природу, одушевляли ее и обращались къ ней съ такими словами: *Хвалите Господа съ небесъ... Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, всѣ звезды свѣта. Хвалите Господа отъ земли, великія рыбы и всѣ бездны, огонь и градъ, снѣгъ и туманъ, бурный вѣтеръ, исполняющій слово Его, горы и всѣ холмы, деревья плодоносныя и всѣ кедры, звѣри и всякій скотъ, пресмыкающіяся и птицы крылатыя, цари земныя и всѣ судьи земныя, юноши и дѣвицы, старцы и отроки—да хвалятъ имя Господне... Все дышущее да хвалитъ Господа! Алмилуя. (Пс. XLVIII, 1, 3, 7—13; L, 6). Какъ возжеланны всѣ дѣла Его! Всѣ они живутъ и пребываютъ*

¹⁾ Проф. А. Бѣляевъ. „Любовь Божественная“, изд. 2-е. Стр. 129 и 122.

во вѣкъ для всякихъ потребностей, и всѣ повинуются Ему... Ничего не сотворилъ Онъ несовершеннымъ: одно поддерживаетъ благо другаго,—и како насытятся зрѣніемъ славы Его? (Сирахъ XLII, 23—26). Вселенная и всѣ твари не суть дѣло Божіе, оставленное, забытое своимъ Творцемъ, не суть только воспоминаніе о Немъ. но невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы (Рим. 1, 20). Въ православныхъ молитвахъ образно раскрывается, что Господа воспѣваетъ „солнце, славитъ луна“, Его „восхваляютъ звѣзды“, Его „слушаетъ свѣтъ и трепещутъ бездны“, что и водное естество вѣдаетъ своего Творца, знаетъ своего Владыку и, видя Его гнѣвающимся на людей, служитъ орудіемъ наказанія, а, видя Его смиловавшимся, уготовляетъ милость людямъ ¹⁾).

Любовное отношеніе человѣка къ природѣ и животнымъ не должно ограничиваться одною бесполезною чувствительностію, но должно отражаться въ дѣятельности. По сотвореніи первыхъ людей, Богъ сказалъ имъ: *наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ рыбами морскими и надъ звѣрями, и надъ птицами небесными и надъ всякимъ скотомъ и надъ всею землею, и надъ всякимъ животнымъ пресмыкающимъ на землѣ* (Быт. 1, 28). Природа живетъ и развивается, поэтому человѣкъ долженъ содѣйствовать полному развитію ея силъ, оберегать землю отъ опустошенія, насаждать лучшими растеніями, осушать болота, противодѣйствовать движеніямъ песка; всѣ эти дѣйствія не только полезны для человѣка, но и нравственны, такъ какъ представляютъ собою исполненіе заповѣди, данной Богомъ еще въ раю (Быт. II, 15). Господственное положеніе человѣка на землѣ не только долгъ, но и дѣйствительность. „Человѣкъ, обличенный столь малымъ и немощнымъ тѣломъ, владычествуетъ надъ природой и держитъ въ своей власти животныхъ, несравненно сильнѣйшихъ“ ²⁾. „Человѣческаго взора даже и при настоящемъ грѣховномъ состояніи трепещутъ огромныя животныя“ ³⁾. „Въ глазахъ каждой твари есть какое то смутное отраженіе чело-

1) См. первую водоосвятительную молитву при таинствѣ Крещенія и четвертую молитву въ послѣдованіи во время бездождія.

2) „Премудрость и благодать Божія“. Прот. Ѳ. А. Голубинскаго. Изд. 2, стр. 42.

3) „Любовь божественная“, стр. 142.

вѣщества, искра какого-то непонятнаго свѣта, въ которомъ ска- зывается ихъ (тварей) внутренняя жизнь, полная желанія постичь великую тайну нашего господства и превосходства надъ ними“¹⁾).

Изъ того труда, который человѣкъ употребляетъ для приоб- рѣтенія пищи скоту, для защиты его отъ переменъ погоды, отъ хищныхъ звѣрей,—вытекаетъ право собственности чело- вѣка надъ скотомъ, право на трудъ скота, на полученіе отъ него продуктовъ, на пользованіе имъ въ качествѣ жертвеннаго животнаго и, наконецъ, наиболѣе отвѣтственное право употреб- лять мясо животныхъ въ пищу. Въ этомъ послѣднемъ правѣ нель- зя не видѣть нѣкотораго частичнаго противорѣчія задачѣ чело- вѣка оживлять и обогащать природу. Убивая животныхъ для пищи, человѣкъ обращаетъ живое въ мертвое и при томъ тамъ, гдѣ жизнь достигаетъ наибольшей силы у теплокровныхъ жи- вотныхъ. Корень этого противорѣчія лежитъ въ грѣховности че- ловѣка, бремя которой несетъ вся тварь, но право остает- ся правомъ. Самъ Богъ облекъ первыхъ людей въ одежды ко- жанья при изгнаніи Адама и Евы изъ рая. Противорѣчіе че- ловѣка своей задачѣ быть охранителемъ жизни на землѣ пра- вославная Церковь ослабляетъ тѣмъ, что назначаетъ для дней поста пищу растительную.

Охранительный характеръ господства человѣка надъ при- родою и бессловесными ясно сознавался еще въ Вѣтхомъ За- вѣтѣ. Во Второзаконіи (XX, 19) читаемъ: *если долгое время будешь держать въ осаду городъ, чтобы завоевать и взять его, то не порти деревь его, отъ которыхъ можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не чело- вѣкъ, чтобы могло уйти отъ тебя въ укрѣпленіе.* Итакъ, са- мая беззащитность растений обязываетъ человѣка бережно от- носиться къ нимъ даже въ ужасное время войны. Есть въ Моисеевомъ законѣ правила, охраняющія безпомощныхъ жи- вотныхъ. Сказано тамъ: *Если найдешь вола враги твоего или осла его заблудившагося, приведи его къ нему; если увидишь осла врага твоего упавшимъ подъ ношею своею, то не остав-*

¹⁾ Слова Ресквяна у О. Смайлса: „Долгъ“, Спб. 1882. Стр. 353. Въ житі- яхъ святыхъ есть примѣры Божескаго наказанія за неосторожное обращеніе со скотомъ. Такъ св. Ефремъ былъ наказанъ за то, что выпалъ изъ загона не- праздную корову.

ляей его: развѣючь вмѣстѣ съ нимъ (Исх. XXIII, 4—5). Скота твоего не своди съ иною породю, поля твоего не засѣвай двумя родами сѣмянъ (Исх. XIX, 19). Если попадется тебѣ на дорогу птичье гнѣздо на какомъ либо деревѣ или на землѣ, съ птенцами или яйцами, и мать сидитъ на птенцахъ или на яйцахъ, то не бери матери вмѣстѣ съ дѣтьми: мать пусти, а дѣтей возьми себѣ, чтобы тебѣ было хорошо, и чтобы продлились дни твои. Не паши на волъ и осла вмѣстѣ (Второз. XXII, 6, 7, 10). Не вари козленка въ молоко матери его (Исх. XXIII, 19). Цѣлесообразность этихъ правилъ для охраненія жизни на землѣ очевидна: ни скотъ, ни полезныя растенія не должны подвергаться уничтоженію отъ вражды между людьми, не должно ослаблять животныхъ и растеній черезъ скрещиваніе разныхъ породъ, не должно убивать птицъ въ періодъ дѣторожденія, не должно пахать на парѣ животныхъ разной силы. Эта ветхозавѣтная точка зрѣнія не устарѣла и теперь, и ее не худо примѣнить къ вопросамъ объ охотѣ и объ убійствѣ животныхъ для научныхъ цѣлей, т. е. о вивисекціяхъ.

Охота допустима только для уничтоженія вредныхъ животныхъ или для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но убивать птицъ и животныхъ для пренровожденія времени или ради потѣхи—двойной грѣхъ: праздность и жестокость. Люди, не совсѣмъ загрубѣлые, способны чувствовать мученія совѣсти при видѣ послѣднихъ судорогъ убитыхъ ими тварей. Одинъ англійскій писатель признавался на закатѣ своихъ дней: „Хотя я прежде былъ хорошимъ стрѣлкомъ, но въ нѣкоторомъ отношеніи я чувствовалъ себя при этомъ удовольствіи не совсѣмъ хорошо. У меня было всегда непріятно на душѣ, когда я убивалъ какую нибудь бѣдную птицу, которая, когда я подымалъ ее, устремляла на меня свой умирающій глазъ, какъ будто желая упрекнуть меня въ убійствѣ ея ¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустый неодобрительно относился къ псовой охотѣ ²⁾. Это же замѣчаніе вполне приложимо къ травлѣ пѣтуховъ, боямъ быковъ и другимъ грубымъ удовольствіямъ.

¹⁾ Слова Вальтеръ Скотта у Маргенсена: „Христ. уч. о нравственности“. Т. II-й, ч. 1-я, стр. 121.

²⁾ У С. Смайльса. „Долгъ“, 361.

Что же касается вивисекцій, то онѣ допустимы только тогда, когда отъ нихъ ожидается весьма вѣроятная польза для науки.

Но на разумномъ лежатъ и положительныя обязанности по отношенію къ неразумнымъ. Человѣкъ долженъ заботиться о чистотѣ, объ удобствѣ помѣщенія животныхъ, о ихъ здоровьѣ, лѣчить ихъ болѣзни, уменьшать ихъ страданія при перевозкѣ, при убиваніи, при работѣ, кормить ихъ, заботиться объ удобствахъ сбруи и ковки, о сохраненіи птичьихъ гнѣздъ. Эти обязанности настолько важны, что несоблюденіе ихъ служитъ признакомъ нравственной распущенности, нечестія. Премудрый сказалъ: *Праведный печется о жизни скота своего, сердце же нечестивыхъ жестоко* (Притчи Солом. XII, 10).

Существуютъ два міра: настоящій и уповаемый. Если и настоящій не вполнѣ познанъ нами, то будущій совершенно скрытъ отъ насъ и только при помощи слова Божія мы можемъ разсматривать черты будущаго, какъ бы сквозь тусклое стекло (1 Кор. XIII, 12). Знаемъ только, что и небо, и земля обновятся, настанетъ царство правды (2 Петр. III, 13). Еще не открылось, что будетъ тогда съ нами (1 Иоан. II, 3). Ап. Павелъ, вознесенный до третьяго неба, слышалъ тамъ неизреченныя слова, но на плотяномъ языкѣ человѣческомъ онъ не могъ повѣдать слышаннаго и видѣннаго въ раю (2 Кор. XII, 2—4). Мало постигая будущую судьбу человѣчества, мы еще менѣе постигаемъ судьбу неразумныхъ твореній. И ничего мы не могли бы сказать о чаяніи твари, если бы не открылъ намъ часть таинственной завѣсы тотъ же богодухновенный естествовѣдъ міра грядущаго, апостоль Павелъ. Онъ оставилъ намъ слѣдующее значительное извѣстіе: *думаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славой, которая откроется въ насъ. Ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ; потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по воли покорившаго ее въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стонаетъ и мучится до нынѣ; и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стонаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего* (Рим. VIII, 18—23).

Въ этихъ словахъ, глубокое значеніе которыхъ мы не въ

силахъ исчерпать, указана связь человѣка и остальной твари въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Въ прошедшемъ тварь потерпѣла измѣненіе своей участи вслѣдствіе грѣхопаденія господина своего, которому она теперь покоряется не добровольно, но по волѣ Творца. Въ первобытномъ мірѣ и для твари жизнь была иная, жизнь мира, а не суеты, не вражды, не борьбы за существованіе. Твари не истребляли другъ друга, но *всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и всѣмъ птицамъ небеснымъ, и всякому пресмыкающемуся по землѣ далъ Господь зелень травную въ пищу* (Быт. 1, 30). По весьма правдоподобному мнѣнію проф. протоіерея Ѡ. А. Голубинскаго, пр. Исаія при изображеніи обновленнаго міра, когда *волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ, и корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому* (Ис. XI, 6—7, при изображеніи этого будущаго пр. Исаія бралъ черты первобытнаго состоянія. Какъ измѣнились отношенія тварей между собою подъ вѣяніемъ проклятія, навлеченнаго на землю грѣхомъ человѣка!

Въ продолженіи остального періода времени и въ настоящее время человѣкъ только увеличивалъ и увеличиваетъ свой долгъ твари. Самъ грѣшный,—онъ мучаетъ и себя, и ближнихъ, и тиранствуетъ надъ безсловесною тварью, безжалостно истребляетъ полезныхъ животныхъ, прихотливо и неразсчитливо опустошаетъ землю, истощая ея силу, уменьшая на ней растительность. Даже и дѣти заражаются этимъ духомъ хищничества, разоряя гнѣзда, мучая насѣкомыхъ и домашній скоть. Иногда человѣкъ прямо дѣлаетъ подневольный скоть участникомъ своего грѣха, какъ это бываетъ при войнахъ, при разбоѣ, при охотѣ. Если скоть не понимаетъ раздѣльно и ясно человѣческаго беззаконія, то все же онъ *стенаетъ и мучится* отъ смутнаго чувства господства безправія и насилія. Справедливо животныя называются безсловесными. Но былъ одинъ исключительный случай, когда Господь отверзъ уста ослицѣ. Что же повѣдала эта тварь своему господину? Она, какъ бы отъ лица всѣхъ незаконно мучимыхъ тварей, такъ укорила еловѣка: *что я тебя сдѣлала, что ты бьешь меня вотъ уже*

третій разъ? Не я ли твоя ослица, на которой ты ѣздилъ сначала до сего дня? (Числ. XXII, 28, 20).

Въ будущемъ тварь съ надеждою ожидаетъ освобожденія отъ рабства тлѣннѣю и суетѣ. Это весьма важная истина. Означаетъ она, что нашъ Искупитель искупилъ вмѣстѣ съ человѣкомъ *всю тварь поднебесную* (Колос. I, 23), наше Евангеліе есть Евангеліе *всей твари* (Марка XVI, 15), наше чаяніе избавленія отъ суеты есть чаяніе всей вселенной. Вся тварь воспѣваетъ явленіе Господа ¹⁾.

Могутъ возразить, что ожиданіе *откровенія сыновъ Божіихъ* въ твари есть темное безсознательное чувство. Это справедливо, но это не умаляетъ значенія ожиданія. Психологія и самонаблюденіе свидѣтельствуютъ, что и въ человѣкѣ важнѣйшіе душевные процессы совершаются безсознательно. Кромѣ того ожиданіе Царства правды и въ человѣческомъ сознаниі не всегда принимаетъ форму правильнаго понятія, согласнаго съ указаніями слова Божія.

Одни, стесняя и мучаясь отъ рабства тлѣннѣю, ожидаютъ освобожденія отъ внѣшнихъ политическихъ и социальнo-экономическихъ перемѣнъ общежитія, т. е. повторяютъ роковую ошибку Израиля предъ пришествіемъ Мессіи. Другіе ищутъ свободы въ измѣненіи личныхъ, тоже внѣшнихъ, условій существованія своего, своей семьи и потомства, и такимъ образомъ, вмѣсто свободы, еще болѣе порабащаютъ себя суетѣ и ненужной борьбѣ. Третьи совершенно отчаялись за себя и за человечество въ возможности обновленія и предаются пессимизму, проповѣдуютъ *toedium vitae*, тьету бытія. И только меньшинство людей съ большей или меньшей силою желанія, глубиною чувства и ясностью сознанія желаютъ, предчувствуютъ и сознаютъ приближеніе Царства Христова, водворенія правды Его и обновленія всей вселенной.

Относится къ міру внѣшнему *по вѣрѣ*, сообразно чаянію будущей славы, жалѣтъ и щадитъ невольныхъ соучастниковъ нашего рабства тлѣннѣю—и значитъ проповѣдать Евангеліе безсловесной *твари*.

Прот. Ст. Остроумовъ.

¹⁾ „Вся тварь воспѣваетъ Тя являшагося“—изъ первой молитвы на освященіе воды при св. Крещеніи.

ГАДАНИЯ УЧЕНЫХЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ МІРА.

(Окончаніе *).

II.

Общая мысль, заключающаяся во всѣхъ гипотезахъ о происхожденіи міра, состоитъ въ томъ, что вселенная образовалась изъ первоначальнаго хаоса, изъ того, что Библия называетъ *tohu wabohu*. Процессъ этого образованія ученые пытались представлять по отношенію только къ солнечному міру, но у всѣхъ у нихъ само собою предполагается, что и другіе міры образовались аналогичнымъ образомъ. Фай такъ формулируетъ свой взглядъ на образованіе міровъ. Въ началѣ вселенная сводилась къ общему хаосу, крайне разрѣженному, состоящему изъ всѣхъ элементовъ земной химіи болѣе или менѣе смѣшанныхъ. Эти матеріалы, подчиненные, кромѣ того, взаимнымъ притяженіямъ были съизначала одушевлены различными, движеніями, которыя производили ихъ раздѣленіе въ клочья или облака. Эти послѣднія сохраняли свое быстрое перемѣщеніе и внутреннія чрезвычайно медленныя вихревыя движенія. Эти міриады хаотическихъ клочьевъ породили, путемъ прогрессивнаго сгущенія, различные міры вселенной¹⁾. Лигондэ формулируетъ свой взглядъ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Въ началѣ вселенная, говоритъ онъ, сводилась къ общему хаосу, крайне разрѣженному, образованному изъ различныхъ элементовъ, двигавшихся во всевозможныхъ направленіяхъ и подчиненныхъ силѣ взаимнаго иригтяженія. Этотъ хаосъ раздѣлился на хлопья, которыя произвели путемъ послѣдователь-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 19, за 1897 г.

¹⁾ Фэйе, Происхожденіе міра, русск. перев. 1890. стр. 176.

наго сгущенія всѣхъ міровъ вселенной“¹⁾. И Фай, и Лигондэ эту мысль о первоначальномъ хаосѣ заимствуютъ у Лапласа²⁾. У Канта тоже первоначальное состояніе вселенной представляется хаотическимъ, но онъ отличается отъ названныхъ астрономовъ во взглядѣ на взаимоотношеніе міровъ, возникшихъ изъ этого хаоса. Лапласъ, Фай, Лигондэ представляютъ системы міровъ, возникшія изъ первоначальнаго хаоса совершенно обособленными и самостоятельными. Кантъ спрашиваетъ: „почему этимъ звѣзднымъ мірамъ, разсѣяннымъ въ безконечномъ пространствѣ въ видѣ туманностей, не образовать въ свою очередь одного цѣлаго—системы высшаго порядка, системы, въ которой всѣ эти туманности—въ томъ числѣ и наша—медленно вращались бы вокругъ общаго центра?“³⁾.

У Канта, такимъ образомъ, первоначальное единство вселенной сохраняется во все время ея существованія, послѣдующіе авторы космогоній не признаютъ существованія такого единства для настоящаго, но и они существующее множество возводятъ къ первоначально единому хаосу. Откуда возникъ этотъ хаосъ? Заглавіе книжки Канта, въ которой онъ вторично воспроизвелъ свою космогоническую гипотезу, ясно показываетъ его мнѣніе относительно этого предмета. Заглавіе это таково: *Der einzig Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseyns Gottes*. Мы привели выше анекдотъ о Лапласѣ, изъ котораго вытекаетъ, что Лапласъ будто бы былъ атеистомъ, и правдивость котораго отрицается Фаемъ. Въ „изложеніи системы міра“ Лапласа есть страница, которая заставляетъ думать, что Фай болѣе правъ, чѣмъ его противники. Подвергая критикѣ взглядъ Ньютона на устройство нашей солнечной системы, будто бы столь неустойчивое, что она отъ времени до времени должна быть приводима въ порядокъ руками Творца, Лапласъ пишетъ: „Сказанное устройство планетъ развѣ не можетъ быть слѣдствіемъ законовъ движенія и Вѣчный Разумъ, къ которому прибѣгаетъ Ньютонъ для поправленія недостатковъ созданія,

¹⁾ R. du Ligondés op. cit. p. 14.

²⁾ Лапласъ, изложеніе системы міра. Перев. Хоминскаго. 1861 г. т. 2. Книга V, глава VI.

³⁾ Kant, Allgemeine Naturgeschichte und Theorie d. Himmels. 1755.

развѣ не можетъ поставить все это устройство въ зависимость отъ явленія болѣе общаго? Таково, по нашимъ умозаключеніямъ, предположеніе туманной матеріи, разсѣянной различными скопленіями въ безконечности небесъ. *Развѣ можно утверждать, что сохраненіе планетной системы не было въ виду у Создателя?* Взаимное притяженіе тѣлъ этой системы не можетъ нарушить ея прочности, какъ то предполагаетъ Ньютонъ. Но если бы даже въ небесномъ пространствѣ не было другой жидкости кромѣ свѣта, то его сопротивленіе и уменьшеніе въ массѣ солнца, происходящее отъ его истеченія, должно бы по истеченіи долгаго времени, разрушить устройство планетной системы, которая для поддержанія своего потребовала бы тогда необходимость преобразованія. Безчисленные виды исчезнувшихъ животныхъ, открытыхъ рѣдкимъ гениемъ Кювье, успѣвшимъ отыскать ихъ организмы въ многочисленныхъ ископаемыхъ остаткахъ имъ описанныхъ, развѣ не указываютъ на стремленіе къ измѣненію въ вещахъ повидимому самыхъ неизмѣнныхъ? Величина и значеніе солнечной системы не должны исключать ее изъ этого общаго закона, потому что они таковы только относительно нашей собственной малости и незначительности, а вся названная система, не смотря на свою для насъ обширность, есть только незначительная точка въ неизмѣримости вселенной. Пробѣгая исторію уснѣховъ и заблужденій ума человѣческаго, мы вездѣ видимъ конечныя причины постоянно на крайнихъ предѣлахъ нашихъ знаній. Эти причины, перенесенныя Ньютономъ на предѣлы солнечной системы, въ его же время помѣщались въ атмосферѣ для объясненія метеоровъ. Поэтому въ глазахъ философа онѣ представляють только наше незнаніе истинныхъ причинъ“ ¹⁾. Изъ этой тирады Лапласа мы видимъ, что онъ только склоненъ конечныя причины отодвинуть къ самому началу существованія міра, но вовсе не обнаруживаетъ стремленія отрицать, что этими конечными причинами является Высшій Разумъ, т. е., Богъ. Нѣкоторыя строки разсужденія Лапласа напоминають Вольтера, но не нужно забывать, что Вольтеръ никогда не былъ без-

¹⁾ Лапласъ, *op. cit.* стр. 342—343, т. 2.

божникомъ. О томъ, чтобы Фай или Лигондэ своими теоріями о прошломъ нашего міра хотѣли дать опору безбожію, не можетъ быть и рѣчи. Ихъ книги рѣшительно отрицаютъ такое предположеніе, точно также какъ отрицаетъ это то сочувствіе, которое встрѣтили эти книги со стороны католической печати.

Но мало того, что эти теоріи не являются солидарными съ матеріалистической или атеистической философіей. Подобныхъ научныхъ или будто научныхъ теорій, не затрагивающихъ ни религіи, ни философіи, появляется много, и богословъ имѣетъ право оставаться къ нимъ совершенно равнодушнымъ; дѣло въ томъ, что изложенныя теоріи вовсе безразлично могутъ совмѣщаться съ исповѣданіемъ всякой религіи или философіи, въ основѣ ихъ, несомнѣнно, лежитъ мысль о твореніи, слѣдовательно, признанія существованія премірнаго Творца—Бога. Этими теоріями отрицается вѣчность, а слѣдовательно, и самобытность вселенной. При предположеніи вѣчности міра нельзя говорить о всеобщемъ первоначальномъ хаосѣ. Если міръ вѣченъ, то въ прошедшемъ онъ всегда долженъ былъ быть такимъ, каковъ въ настоящемъ и какимъ будетъ въ будущемъ. Возникновенію міровъ въ одномъ мѣстѣ эквиваленты должны быть разрушенія въ другомъ и изъ обломковъ разрушенныхъ звѣздныхъ системъ должны зарождаться и возникать новые міры, все равно какъ въ старой легендѣ фениксъ возрождался изъ пепла. Если міръ вѣченъ, то его бытіе не должно представлять процесса роста или разрушенія, но однообразный круговоротъ. Вотъ, съ этимъ представленіемъ бессмысленнаго круговорота и не мирится мысль французскихъ астрономовъ, какъ съ нимъ не могъ примириться и нѣмецкій философъ. Вселенная представлялась имъ не скучнымъ и въ сущности никому не нужнымъ *perpetuum mobile*, но сложнымъ организмомъ, вызваннымъ къ жизни творческимъ „да будетъ“ и долженствующимъ пройти всѣ тѣ фазы, которыя проходитъ въ своей жизни всякій организмъ. Разсматриваемый съ механической точки зрѣнія, процессъ жизни вселенной, по ихъ представленію, состоитъ въ томъ, что матерія изъ состоянія крайней диссоціаціи (разрѣженности, разсѣянія) переходитъ постепенно въ теченіе вѣковъ въ состояніе агрегаціи (сплоченности). *Обратный про-*

цессъ невозможенъ. Такимъ образомъ, наблюдаемая нами жизнь въ мірѣ не повторится, міръ одинъ разъ пройдетъ свой жизненный путь до конца и не вернется къ своему началу.

Но если процессъ міровой жизни не представляетъ собою круговорота, а движеніе отъ опредѣленнаго начала къ опредѣленному концу, то возникаетъ вопросъ—для чего? Для какой цѣли вызвано къ бытію это движеніе? Мысль съ необходимостью приводится къ убѣжденію, что этотъ процессъ долженъ быть телеологиченъ, долженъ имѣть разумную цѣль. Эта цѣль не можетъ лежать въ этомъ мірѣ, какой мы знаемъ, ибо онъ имѣетъ окончиться, слѣдовательно, цѣль его существованія лежитъ въ мірѣ иномъ. Разъясненіе и подтвержденіе этого вывода даетъ намъ религія. На первый вопросъ, откуда явились матерія и силы, обнаруженіе которыхъ представляетъ собою этотъ видимый міръ, религія говоритъ: ихъ сотворилъ Богъ. На послѣдній вопросъ, что произойдетъ въ концѣ концовъ съ этимъ міромъ, ибо предоставленный самому себѣ онъ придетъ въ такое состояніе, когда всѣ его элементы будутъ находиться въ устойчивомъ равновѣсіи, и хотя количество матеріи и силы въ немъ останется неизмѣннымъ, въ немъ не будетъ и не можетъ быть никакихъ проявленій жизни, на этотъ вопросъ религія отвѣчаетъ: Богъ преобразуетъ этотъ міръ, и явятся новое небо и новая земля.

Такъ, въ основѣ изложенныхъ космогоническихъ теорій лежатъ, по нашему мнѣнію, предположеніе о разумной Причинѣ и разумной цѣли бытія міра. Но могутъ сказать и повидимому эта мысль представлялась многимъ умамъ, что эти теоріи предполагаютъ деизмъ, а не теизмъ, т. е., признаютъ бытіе Бога, но отрицаютъ вмѣшательство Его въ міровую жизнь, отрицаютъ Промыслъ, чудеса, откровеніе. Мы на это замѣтимъ прежде всего, что слишкомъ узко понимаютъ деизмъ тѣ, которые связываютъ его съ представленіемъ о невмѣшательствѣ Божества въ жизнь міра. Это невмѣшательство упорно отстаивали только немногіе и притомъ сравнительно менѣе извѣстные изъ деистовъ. Глава англійскихъ деистовъ Гербертъ Чербери и за нимъ другіе англійскіе деисты вовсе не отрицали ни чудесъ, ни откровенія (Гербертъ о себѣ утверждалъ, что онъ свою книгу *De veritate* рѣшилъ напе-

чатать только по особому откровенію), они отрицали только историческое откровеніе и сохраненіе его въ опредѣленной церкви. Канта называютъ деистомъ, но въ своемъ сочиненіи о „религіи въ границахъ простаго разума“ онъ является готовымъ признать и изначальное откровеніе, и значеніе церкви, и высшей помощи въ борьбѣ съ радикальнымъ зломъ. Хотя онъ какъ бы неохотно дѣлаетъ эти успѣхи положительной религіи, однако, дѣлая ихъ, онъ думаетъ, тѣмъ свидѣтельствуетъ, что его космогоническіе взгляды не стоятъ въ противорѣчій съ теистическими убѣжденіями. О Лапласѣ мы выше сказали, что отъ нѣкоторыхъ его строкъ вѣетъ духомъ Вольтера. Вольтера тоже называютъ деистомъ. Мы не знаемъ—сочувствовалъ ли вообще Лапласъ возрѣніямъ фернейскаго философа, но думаемъ, что если бы Лапласъ жилъ во времена Ньютона, то онъ весьма вѣроятно утверждалъ бы относительно устойчивости планетной системы то же, что утверждалъ Ньютонъ, и если бы Ньютонъ жилъ во времена Лапласа, онъ опровергъ бы свою прежнюю теорію и, полемизируя противъ нея, не нашелъ бы ничего предосудительнаго обратиться за оружіемъ къ остроумію Вольтера. Чисто механическую задачу объ устойчивости солнечной системы Ньютонъ призналъ неразрѣшимой не только для человѣчества, но и для Самаго Бога и высказалъ мнѣніе, что Богъ отъ времени до времени долженъ чудеснымъ образомъ возстановлять готовую поколебаться устойчивость. Лапласъ показалъ, что Премудрость Божія создала міръ такимъ, что въ немъ никакъ не можетъ возникнуть тѣхъ нестроений, которыя предполагалъ Ньютонъ, и что неразрѣшимая задача Ньютона вполне разрѣшима человѣческимъ разумомъ. Ньютонъ судилъ съ точки зрѣнія знаній своего времени, но, благодаря Ньютону, развитіе математическихъ, механическихъ и физическихъ знаній въ XVIII столѣтіи пошло очень быстро и въ концѣ вѣка можно уже было разсѣять и опровергнуть многія изъ тѣхъ заблужденій, которыя существовали въ его началѣ. Къ концу XVIII столѣтія премудрость и простота естественнаго міропорядка были выяснены человѣчеству. Лапласъ попытался представить, что простое устройство системы міра должно было явиться естественнымъ и простымъ слѣдствіемъ немногихъ началъ, ко-

торыя были положены Творцомъ въ основу бытія. Теорія Лапласа, въ своемъ развитіи несомнѣнно, несостоятельна, но принципы ея оспорить не легко, да и нѣтъ нужды оспаривать, ибо принципы эти, предполагая собою важнѣйшія религіозныя истины (бытіе Божіе, телеологическій строй міра), находятся въ полномъ согласіи съ религіею богооткровенной. Лапласъ говоритъ о принципахъ естественнаго міропорядка, но не касается міропорядка нравственнаго. Естественный міропорядокъ Лапласъ хочетъ истолковать лишь изъ естественныхъ началъ, но такъ, безъ сомнѣнія, смотря на дѣло и всѣ богословы настоящаго времени. Другое дѣло—міропорядокъ нравственный. Въ нравственныхъ законахъ, взятыхъ самихъ по себѣ, премудрость ихъ Творца открывается еще яснѣе и болѣе, чѣмъ въ законахъ естественныхъ, но нравственные законы могутъ быть нарушаемы тѣми, кому они даны, а естественные законы природою нарушаемы быть не могутъ. Поэтому естественные законы не нуждаются въ измѣненіи и поправленіи, но въ сферѣ нравственной міропорядокъ можетъ разстраиваться не по винѣ Творца и по Его благодати можетъ быть исправляемъ. Это исправленіе должно быть постояннымъ и оно носитъ имя Промышленія. Его особенными видами являются чудеса, пророчества, откровенія. Этой сферы бытія не касаются ни теорія Лапласа, ни теорія Фая, ни Лигондэ, но ихъ теоріи утверждаются на предположеніи, что есть Творецъ, Который можетъ совершать чудеса, возвѣщать пророчества, давать откровенія.

Не рѣшили ли эти теоріи проблему образованія міра. Дали ли онѣ несомнѣнно истинную исторію неба—хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ? Фай внесъ поправки въ теорію Лапласа, Лигонде руководился Лапласомъ и Фаемъ. Несомнѣнно ли правдива теорія Лигонде и непоколебимо ли прочны тѣ основанія, на которыя она опирается? На эти вопросы мы должны отвѣтить рѣшительно отрицательнымъ образомъ. Космогоническія гипотезы говорятъ объ исторіи неба, но человечество, живущее уже тысячелѣтія, жадно всматривающееся въ небесныя высоты, доселѣ еще не увидало и не открыло, что небо имѣетъ исторію. Поэмы Гомера и индійскія веды ука-

зываютъ намъ тѣ же созвѣздія и на тѣхъ же мѣстахъ, какія и гдѣ мы наблюдаемъ и нынѣ. Исторія можетъ быть лишь у того, что измѣняется, но небо по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ человѣчество стало предавать свои наблюденія письмени, остается неизмѣннымъ. Говорятъ о возстановленіи исторіи солнечной системы при помощи аналогій. Ботаникъ описываетъ намъ исторію жизни растенія, которой не наблюдалъ, египтологъ представляетъ намъ исторію IV и V династій фараоновъ, которая не была написана современниками и никѣмъ послѣ нихъ. При руководствѣ аналогій, подобныхъ тѣмъ, которыя служатъ путеводною нитью для ботаника и египтолога, пишется и исторія неба. На самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ никакого сходства. Ботаники наблюдали исторію жизни безчисленнаго количества видовъ растеній въ долгій періодъ времени и знаютъ общій ходъ растительной жизни. Египтологъ знаетъ жизнь многихъ народовъ, судьба которыхъ отъ начала до конца свершалась при свѣтѣ исторіи, и знаетъ общій ходъ и послѣдовательность исторической жизни. Но тѣ, которые предлагаютъ нашему вниманію исторію солнечной системы, наблюдали ли жизнь какого нибудь звѣзднаго міра или получили ли свѣдѣнія объ этой жизни отъ какихъ-либо достовѣрныхъ наблюдателей? Авторы космогоній должны отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Въ туманностяхъ хотятъ видѣть эмбрионы міровъ и ихъ распознаютъ въ определенной послѣдовательности по степени ихъ развитія, предполагая, что одиѣ изъ нихъ близки, а другія далеки отъ того, чтобы образовать изъ себя звѣздныя системы. Такое предположеніе было бы въ высшей степени вѣроятнымъ, если бы астрономическій опытъ показалъ, что хотя бы одна туманность преобразовала свой видъ изъ той фазы развитія, которая считается низшею, въ непосредственно высшую. Но этого нѣтъ: всѣ туманности неба имѣютъ теперь такой же видъ, какой имѣли, когда впервые телескопъ открылъ ихъ человѣческому взору. Усовершенствованные телескопы разрѣшили многія туманности въ звѣздныя кучи. Это подало поводъ нѣкоторымъ думать, что и всѣ туманности въ сущности представляютъ собою скопленіе звѣздъ, свѣтъ отъ которыхъ вслѣдствіе ихъ громадной отдаленности сливается въ одно

общее мерданіе. Спектральный анализъ опровергъ это предположеніе. Спектральный анализъ есть приемъ, посредствомъ котораго опредѣляется химическая природа небесныхъ свѣтилъ. Сущность этого приема очень проста. Всякое жидкое или твердое тѣло, доведенное до бѣлаго каленія, даетъ своими лучами сплошной спектръ, т. е., если мы примемъ его лучи на призму, то они разложатся на экранѣ въ извѣстную непрерывную семицвѣтную ленту (какъ разлагается солнечный спектръ на красную, оранжевую, желтую, зеленую, голубую, синюю и фіолетовую ленты). Но раскаленные газы не даютъ сплошнаго спектра. Лучи ихъ, встрѣченные призмою, отбрасываютъ на экранъ только одну или нѣсколько узкихъ свѣтлыхъ полосъ того или другаго цвѣта. Каждый химическій элементъ, доведенный до раскаленнаго газообразнаго состоянія, даетъ свои специфическія свѣтлыя линіи, отсюда по спектру газа всегда можно опредѣлить его химическую природу. Но если разложить спектръ твердаго или жидкаго раскаленнаго тѣла, окруженнаго раскаленною газообразною оболочкою, то тогда на сплошномъ спектрѣ, полученномъ отъ перваго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны бы помѣщаться свѣтлые лучи газообразной оболочки, явятся темныя (фраунгоферовы) линіи. Происходитъ это отъ того, что газъ поглощаетъ тѣ лучи, идущіе отъ тѣла, одноцвѣтные съ которыми испускаетъ самъ, но такъ какъ самъ онъ испускаетъ лучи слабѣйшіе сравнительно съ тѣми, которые испускаетъ раскаленное тѣло, то его лучи въ блестящемъ сплошномъ спектрѣ и представляются темными полосами. Такъ какъ каждый газъ даетъ свои специфическія темныя линіи, то по нимъ всегда и можно опредѣлить химическую природу газообразной оболочки. Звѣзды (и наше солнце), какъ показываетъ анализъ, состоятъ изъ раскаленнаго (твердаго или жидкаго) ядра, окруженнаго газообразной оболочкой. Такъ какъ эта оболочка образуется отъ испареній ядра, то по ея темнымъ линіямъ и опредѣляютъ химическій составъ свѣтила. Многія изъ неразрѣшенныхъ въ телескопѣ туманностей дали тоже сплошной спектръ, какъ и звѣзды, что показываетъ, что онѣ представляютъ собою скопленія звѣздъ, но многія дали въ спектроскопѣ только нѣсколько свѣтлыхъ линій, принадлежащихъ 3 или 4 химиче-

скимъ элементамъ, очевидно, онѣ представляютъ собою только первичное скопленіе разрѣженной газообразной матеріи, туманности въ истинномъ смыслѣ слова. Нужно признать, что изученіе этихъ туманностей не дало доселѣ ни малѣйшихъ основаній въ пользу гипотезы образованія изъ нихъ міровъ. Во 1) туманности крайне бѣдны по своему химическому составу, и совершенно непонятно, откуда у нихъ явятся новые химическіе элементы, входящіе неизбѣжно въ составъ звѣздъ и планетъ. Здѣсь приходится прибѣгать къ такимъ химическимъ гипотезамъ, которыя доселѣ не имѣютъ для себя никакихъ основаній въ химіи. Во 2) нѣкоторыя изъ туманностей оказались переменными, т. е., свѣтъ ихъ то ослабѣвалъ, то становился ярче (это единственный процессъ измѣненій, который наблюдался доселѣ въ туманностяхъ), но эти переменныя стоятъ въ несогласіи съ гипотезами образованія міровъ.

Небо въ общемъ остается неизмѣннымъ. Иногда на немъ появлялись новыя звѣзды и затѣмъ исчезали, въ цвѣтѣ и блескѣ его нѣкоторыхъ звѣздъ происходятъ переменныя, но все это, несомнѣнно,—не процессы мірообразованія или разрушенія міровъ. Явленія эти загадочны, Лигонде не понимаетъ ихъ также, какъ ихъ не понимали его предшественники и только. Теперь констатировано съ несомнѣнностію, что неподвижныя звѣзды на самомъ дѣлѣ движутся. Это выяснило прежде всего сравненіе старыхъ (отъ временъ Гиппарха) и новыхъ картъ неба, которое показало, что нѣкоторыя звѣзды на градусъ или на два измѣнили свое положеніе на небѣ. Въ послѣдніе годы вопросъ о движеніи звѣздъ стали рѣшать спектральнымъ анализомъ (начало Допплера). Известно, что если звучащее тѣло приближается къ намъ, то его звукъ кажется выше, а если удаляется, то ниже, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Въ скалѣ цвѣтовъ есть свои, такъ сказать, низкіе и высокіе цвѣта. Самый низкій—красный, самый высокій—фіолетовый. Въ направленіи отъ краснаго къ фіолетовому цвѣта повышаются, въ обратномъ понижаются (въ первомъ случаѣ усиливается, во второмъ уменьшается преломляемость лучей). Если бы тѣло краснаго цвѣта изъ отдаленныхъ пространствъ устремилось бы къ намъ съ страшною быстротою (свѣтъ проходитъ въ секунду 300 тысячъ ки-

дометровъ и измѣненіе цвѣта луча можетъ быть замѣчено въ самые совершенные инструменты, только при скорости движенія тѣла болѣе, чѣмъ 50 километровъ въ секунду), то оно могло бы намъ показаться оранжевымъ. При сплошномъ спектрѣ тѣла движеніе не измѣнитъ его, только весь спектръ перемѣстится, красные лучи, которые при приближеніи тѣла должны бы были исчезнуть, возмѣстятся невидимыми ультра—красными, которые станутъ видимыми красными лучами, при удаленіи тѣла исчезнувшіе фіолетовые лучи точно такимъ же образомъ возмѣстятся ультрафіолетовыми. Но при сплошномъ спектрѣ движущагося тѣла будетъ замѣтно перемѣщеніе фрауэнгоферовыхъ линий: онѣ передвинутся къ фіолетовому концу при приближеніи или къ красному при удаленіи (такъ какъ спектръ, окружающій ихъ, перемѣнитъ свой цвѣтъ). По этому перемѣщенію и по размѣрамъ его и опредѣляютъ скорость и направленіе движенія звѣздъ. Этотъ приемъ показалъ, что существуютъ необычайно быстро движущіяся звѣзды. Такъ, 1830 звѣзда Грумбриджа ¹⁾ движется со скоростью болѣе 300 километровъ въ секунду. Такая скорость дѣлаетъ невозможнымъ вліяніе на нее притяженія всей извѣстной намъ звѣздной вселенной, скоростью звѣзды Грумбриджа побѣжденъ законъ тяготѣнія, она является несвязанной ничѣмъ съ остальными свѣтилми звѣзднаго міра. Такимъ образомъ, во вселенной исчезаетъ единство. Подобно звѣздѣ Грумбриджа и нѣкоторыя другія звѣзды повидимому устремляются въ безпредѣльность. Къ какому же выводу должны привести эти явленія, наблюдаемыя при помощи спектральнаго анализа? Расходятся ли міры вселенной въ разныя стороны или можетъ быть ихъ, двигающихся съ такою быстротою, какая нибудь намъ доселѣ неизвѣстная таинственная сила приведетъ къ мѣсту исходнаго пункта? Откуда и какъ началось ихъ движеніе? Что сообщило имъ столь изумительную скорость? Мы стоимъ здѣсь предъ рядомъ загадокъ, ни одна изъ которыхъ еще не рѣшена. Такимъ образомъ, мы не знаемъ даже современнаго механизма вселенной, знаемъ

¹⁾ Находится въ созвѣздіи Большой Медвѣдницы. Прямое восхожденіе—11 ч. 46 м., склоненіе +38° 35'. См. звѣздный Атласъ Мессера, 1891. Карту VI и текстъ къ ней.

только, что онъ теперь таковъ же, какимъ былъ тысячи лѣтъ назадъ, когда халдеи слагали гимны богинямъ Синъ (Луна) и Истаръ (Венерѣ), а арійцы думали, что молнія рождается отъ звѣздъ. Что было съ небомъ раньше, чѣмъ на землѣ жили наблюдатели, оставившіе намъ свои наблюденія, мы не знаемъ. Нужно думать пожалуй только, что и тогда оно не отличалось наклоностію къ измѣнчивости. Что же мы можемъ сказать объ исторіи и происхожденіи міровъ этого неба, настоящее которыхъ для насъ является непонятнымъ и загадочнымъ, а на прошедшее ихъ мы не находимъ нигдѣ ни малѣйшаго намека.

Но говорятъ, что нѣкоторые опыты, которые удобно и легко произвести на землѣ, объясняютъ намъ прошедшее неба. Указываютъ на опытъ Плато. Если изъ спирта и воды сдѣлать смѣсь, удѣльный вѣсъ которой равенъ удѣльному вѣсу масла, и затѣмъ въ смѣсь опустить масло, то оно, повинаясь взаимному притяженію частицъ и не испытывая на себѣ дѣйствія земнаго притяженія, приметъ форму шара. Если затѣмъ заставить этотъ шаръ вращаться около своей оси, то онъ сплющится у полюсовъ, растянется у экватора, будетъ отдѣлять отъ себя кольца, которыя въ свою очередь будутъ преобразовываться въ шары. Думаютъ, что этотъ опытъ Плато воспроизводитъ намъ исторію солнечной системы. Мы отрицаемъ это. Во 1) опытъ Плато, какъ сознаются и ссылающіеся на него, не даетъ въ своемъ результатѣ системы тѣль, подобной солнечной, и въ своихъ частностяхъ расходится съ предположеніями космогоническихъ теорій. Въ сущности онъ является только грубой демонстраціей теоріи Лапласа, но теорія эта, какъ мы видѣли, опровергается неоспоримыми фактами, для теорій Фая и Лигондэ опытъ Плато не даетъ ни разъясненій, ни основаній. Во 2) ссылающіеся на опытъ Плато, равно какъ и вообще авторы исторіи прошедшаго міровъ упускаютъ изъ вида, что они пытаются объяснить прошедшее міра изъ условій настоящаго, каковыя, несомнѣнно, не существовали въ томъ отдаленномъ прошедшемъ. Для нашихъ авторовъ что особенно видно у Лигондэ—вопросъ объ образованіи міра есть механическая задача относительно движенія газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ тѣль подъ воздѣйствіемъ различныхъ условій. Но спрашивается, могла ли

матерія солнечной туманности, плотность которой была въ 250 милліоновъ разъ менѣе плотности воздуха, разрѣженнаго въ пневматической машинѣ до 0,001 нормальной плотности, могла ли такая матерія имѣть свойства газовъ? Уже давно Круксъ выступилъ съ своею теоріею четвертаго (лучистаго) состоянія матеріи. Сущность этой теоріи заключается въ томъ, что газы, будучи доведены до извѣстной степени разрѣженности, переходятъ въ иное состояніе, которое такъ же отличается отъ газообразнаго, какъ газообразное отъ жидкаго. Свѣченіе разрѣженнаго воздуха въ гейслеровыхъ трубкахъ подъ воздѣйствіемъ электричества, полярныя сіянія, солнечная корона, зодіакальный свѣтъ повидимому подтверждаютъ эту гипотезу. Въ космическихъ туманностяхъ, о которыхъ говорятъ намъ авторы космогоній, мы имѣемъ дѣло съ такими степенями разрѣженности матеріи и съ такими высокими температурами, о которыхъ имѣющіяся на землѣ средства не могутъ дать понятія. Прилагать къ матеріи, находящейся въ такихъ условіяхъ, добытые эмпирическимъ путемъ законы о газахъ имѣется такъ же мало основаній, какъ касающійся газовъ законъ Мариотта и Бойля объ обратномъ отношеніи объема и упругости прилагать къ твердымъ тѣламъ. Имѣются положительныя основанія утверждать, что условія, при которыхъ происходятъ явленія на небесныхъ свѣтилахъ, иныя, чѣмъ тѣ, которыя мы наблюдаемъ на землѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ солнце, физическая природа котораго нѣсколько доступна нашимъ телескопамъ. На солнцѣ мы находимъ и крайнюю разрѣженность матеріи и крайне высокія температуры и все происходитъ тамъ не такъ, какъ предполагаютъ космогоническія гипотезы. Такъ, около солнца мы видимъ солнечную корону—несомнѣнно, нѣчто матеріальное, она простирается отъ солнца въ пространство болѣе, чѣмъ на 300 тысячъ километровъ. Относительно нея извѣстно, что она не уплотняется по направленію къ центру и часто радикальнымъ образомъ мѣняетъ свой видъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній. Все это нѣсколько не согласуется съ космогоническими предположеніями о периферическихъ частяхъ первичной туманности или центрального свѣтила. Такъ, ни явленія неба, ни опыты земли не даютъ основаній, во имя

которыхъ авторы космогоническихъ гипотезъ могли бы настаивать на истинѣ своихъ предположеній.

Но относительно солнечнаго міра нужно признать, что наши авторы по крайней мѣрѣ знаютъ современную механику системы и, говоря о происхожденіи солнечнаго міра, они, значитъ, говорятъ о происхожденіи того, что знаютъ. Этого нельзя сказать относительно ихъ разсужденій о происхожденіи вообще звѣзднаго міра. Мы уже указывали, что быстрое движеніе нѣкоторыхъ звѣздъ совершенно не согласуется съ представленіемъ о единствѣ системы. Должно еще прибавить, что общее строеніе этой системы совершенно неизвѣстно. Еще Гершель пытался нарисовать общую картину міра. По его представленію главная масса звѣздъ вселенной распределѣна по всѣмъ направленіямъ въ обширной плоскости, опредѣляемой млечнымъ путемъ или вблизи нея. Міры вселенной по Гершелю какъ бы заключены въ какомъ то цилиндрическомъ пространствѣ, причемъ діаметръ основанія этого цилиндра болѣе, чѣмъ въ восемь разъ больше его высоты. Но туманности не заключаются въ этомъ пространствѣ. Затѣмъ и законъ распределенія звѣздъ въ сущности неизвѣстенъ, картину Гершеля дополняли и поправляли, но и компетентнѣйшіе астрономы настоящаго времени сознаются, что ихъ представленія о строеніи вселенной имѣютъ характеръ догадокъ весьма сомнительной достовѣрности. „Мы, говоритъ Ньюкомбъ по вопросу о вѣроятномъ строеніи видимаго міра, можемъ лишь высказывать болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, основанныя на фактахъ, сравнительно все еще скудныхъ, и на гипотезахъ, внутренняя вѣроятность которыхъ отнюдь не можетъ считаться очень большою“¹⁾. Но понятно, что если нѣтъ данныхъ для выясненія строенія міра, то еще менѣе имѣется данныхъ для возстановленія исторіи этого строенія.

Вотъ—соображенія, на основаніи которыхъ, по нашему мнѣнію, должно признать, что предложенныя космогоническія гипотезы далеки отъ того, чтобы воспроизводить дѣйствительную исторію прошедшаго нашего міра. Но глубоко ошибутся и тѣ,

1) Ньюкомбъ, Астрономія. Перев. Дрентельна В. IV. 1896 стр. 552.

которые захотятъ увидѣть въ этихъ гипотезахъ только праздныя гаданія досужихъ людей. Въ каждой изъ этихъ гипотезъ ошибочныхъ въ общемъ—высказано много частныхъ истинъ и обобщеній, которыя представляютъ несомнѣнный вкладъ въ науку, и въ каждой послѣдующей гипотезѣ такихъ истинъ высказывается больше, чѣмъ въ дредыдущей, и обличается больше и больше ошибокъ предыдущихъ космогоническихъ построеній. Приведемъ для поясненія одинъ примѣръ такого значенія космогоническихъ гипотезъ. Въ 1766 году виттенбергскій профессоръ Титіусъ предложилъ законъ, которымъ опредѣляется разстояніе планетъ отъ солнца, если взять геометрическую прогрессию 3, 6, 12, 24, 48 и т. д., прибавить къ ея началу 0 и затѣмъ къ каждому члену полученнаго ряда приписать по 4, то получатся величины, выражающія разстояніе планетъ отъ солнца, принимая разстояніе земли за 10. Рядъ будетъ слѣдующій

		Дѣйствит. разстоян.
Меркурій	$0+4= 4$	3,9
Венера	$3+4= 7$	7,2
Земля	$6+4= 10$	10
Марсъ	$12+4= 16$	15,2
Малыя планеты	$24+4= 28$	21—43
Юпитеръ	$48+4= 52$	52
Сатурнъ	$96+4=100$	95,4
Уранъ	$192+4=196$	191,9

Бодѣ этотъ законъ или вѣрнѣе эмпирическое обобщеніе сдѣлалъ общезвѣстнымъ. Какъ видимъ, оно близко подходитъ къ дѣйствительности; нѣкоторые, исходя изъ гипотезы Лапласа, пытались дать этому закону теоретическое основаніе. Открытіе Нептуна (по теоріи его разстояніе должно быть равно 388, на дѣлѣ оно равно 300,6) должно было поколебать справедливость формулы Титія, но ее продолжали защищать уже и во имя теоретическихъ основаній ¹⁾). Лигондѣ своими соображеніями относительно рас-

¹⁾ Несогласіе чиселъ, получающихся по закону Титія—Бодѣ, съ дѣйствительностію объясняютъ тѣмъ, что планета теперь находится уже не на томъ разстояніи отъ солнца, на которомъ онѣ были вначалѣ. Полагаютъ, что вслѣдствіе тренія, производимаго сопротивленіемъ междупланетной среды (ее не считаютъ абсолютно пустою), планеты приблизились къ солнцу и у наиболѣе отдаленныхъ пла-

предѣленія плотности въ туманности, можно сказать, сокрушилъ эти теоретическія основанія. Приведенный примѣръ показываетъ, какъ космогоническая гипотеза опровергла заблужденіе, но можно привести примѣры и того, что космогоническія гипотезы предсказывали истину. Такъ, по гипотезѣ Лапласа представлялось весьма вѣроятнымъ во многихъ случаяхъ, что небесныя тѣла, обращающіяся вокругъ какого-либо центральнаго тѣла въ извѣстный періодъ времени, въ такой же періодъ обращаются и вокругъ своей оси. При жизни Лапласа справедливость этого была извѣстна по отношенію къ лунѣ. Въ первую половину XIX столѣтія выяснили, что это справедливо по отношенію къ Меркурію и Венерѣ. Изысканія въ 70-хъ годахъ Энгельмана и Бюртона показали, что такъ же обращается четвертый спутникъ Юпитера (Каллисто) и, можно сказать, почти на дняхъ Дугласъ показалъ, что таково же обращеніе и третьяго спутника этой планеты ¹⁾. Лапласъ въ своемъ предположеніи исходилъ изъ ошибочныхъ началъ, но онъ вѣрно угадалъ, что всегдашнее обращеніе Луны къ Землѣ одной стороною не есть случайность, едва ли онъ ошибся, предположивъ, что причину этого нужно искать въ происхожденіи Луны и мы видимъ, что онъ былъ правъ въ предположеніи, что, такъ какъ происхожденіе Луны не было исключительнымъ, то и примѣры движенія, обусловленные такимъ происхожденіемъ, должны неоднократно встрѣчаться на небесномъ сводѣ.

нетъ это приближеніе было наиболѣе значительнымъ (разстоянія этихъ планетъ сравнительно болѣе отступаютъ отъ чиселъ Титія—Бодэ). Законъ Бодэ пытаются обобщить, прилагая его и къ спутникамъ планетъ (см. Wolf'a, Hypoth. cosmogon. 1886. Chapitre IV), его пытаются и развить, и исправить. Такъ Вурмъ, принявъ разстояніе земли отъ солнца за тысячу, выразилъ разстоянія планетъ въ слѣдующей формулѣ.

$$387 + 2^{n-2} \cdot 293$$

Вмѣсто 400 Бодэ у него 387 и вмѣсто 300 Бодэ у него 293. Число и обозначаетъ порядокъ свѣтилъ, для Меркурія и считается равнымъ 2, для Венеры 3 и т. д. Эта формула выражаетъ современныя разстоянія планетъ. Нѣсколько измѣняя ее, предлагаютъ формулу для выраженія ихъ первоначальныхъ разстояній.

$$387 + 2^{n-2} \cdot 336$$

См. Клейна, ⁶ Прошлое, настоящее и будущее вселенной, перев. Пятницкаго. 1896. Письмо 7.

¹⁾ Revue scientifique. 19 Juin 1897. La période de rotation du troisième satellite de Jupiter.

Лапласъ затѣмъ еще предположилъ, что всѣ планеты и ихъ спутники должны двигаться въ прямомъ направленіи. Множество открытій, сдѣланныхъ послѣ его смерти, подтвердило это предположеніе. Но затѣмъ въ отдаленныхъ мѣстахъ солнечнаго міра открылись движенія, несогласныя съ гипотезою Лапласа. Фай первый и Лигондэ потомъ предположили, что къ изначала дѣйствовавшему фактору и направлявшему движеніе небесныхъ тѣлъ по прямому пути по истеченіи времени постепенно сталъ присоединяться другой, дѣйствовавшій въ обратномъ направленіи. Пусть всѣ эти астрономы ошибаются въ опредѣленіи факторовъ, но несомнѣнно, что они вѣрно опредѣлили и число, и послѣдовательность появленія этихъ факторовъ. Несомнѣннымъ намъ представляется, что если космогоническія гипотезы и не нашли истинныхъ причинъ, создавшихъ современный строй солнечнаго міра, то они нашли путь къ отысканію этихъ причинъ: постепенно классифицируя, обобщая и подводя подъ законы факты солнечнаго міра, они тѣмъ самымъ постепенно и послѣдовательно готовятъ матеріалъ для опредѣленія истинныхъ причинъ, произведшихъ эти факты. Ни гипотеза Лапласа, ни Фая, ни Лигондэ не представляютъ собою истины, но онѣ являются ступенями лѣстницы, ведущей къ истинѣ.

Однако, этимъ значеніе ихъ не ограничивается. Онѣ нужны не только ученымъ для будущихъ построеній, но и учащимся для знанія дѣйствительности. Онѣ имѣютъ важное мнемоническое значеніе. При изученіи астрономіи трудно запомнить наклоненіе осей къ орбитамъ, разстояніе планетъ, ихъ размѣры, потому что вообще трудно запоминать факты, съ которыми не соединяется никакой идеи и которые не имѣютъ связи съ другими фактами. Еще труднѣе, чѣмъ ихъ запоминать, возстановлять ихъ въ памяти, разъ они забудутся, какимъ методомъ, какимъ путемъ можно вызвать ихъ изъ забвенія въ поле сознанія? Космогоническія гипотезы являются въ этомъ случаѣ важнымъ мнемоническимъ приѣмомъ: онѣ приводятъ въ связь разрезанные факты, даютъ возможность при помощи математическихъ вычисленій возстановлять забытые факты. Самою большою планетою въ солнеч-

ной системѣ является Юпитеръ. Для изучающаго астрономію не представляется ни какихъ препятствій къ допущенію того, что самая большая планета двигается по орбитѣ Урана или Марса и поэтому легко наибольшую величину можетъ приписать какой-либо изъ этой планетъ. Но гипотеза Лигондэ съ своими разсужденіями о плотности солнечной туманности и объ образованіи наибольшей планеты въ области наибольшей плотности матеріи навсегда вѣдритъ въ память изучающаго цифровыя данныя о величинѣ планетъ. Точно также эта гипотеза заставитъ запомнить наклоненіе осей планетъ, характеръ движенія ихъ спутниковъ. Гипотеза даетъ нѣкоторые математическіе и механическіе принципы, изъ которыхъ современный строй солнечнаго міра (въ общемъ) вытекаетъ съ необходимостію и поэтому достаточно запомнить эти принципы, чтобы навсегда запомнить устройство солнечной системы. Эти принципы въ сущности ошибочны и это доказывается тѣмъ, что нѣкоторые факты не объясняются ими и опровергаютъ ихъ. Эти немногіе факты не трудно запомнить, связавъ съ ними представленіе какъ объ отрицательныхъ инстанціяхъ для гипотезы Лигондэ. Гипотеза тогда, сохраняя выше указанное значеніе для ученыхъ, явится полезной фикціей для учащихся.

Имя мнемоническое значеніе для нашей памяти, космогоническія гипотезы имѣютъ еще экономическое значеніе для нашего мышленія. Наше мышленіе любитъ порядокъ, намъ трудно мыслить о предметахъ, между которыми мы не можемъ установить соотношенія, мы стремимся мыслить въ системѣ. Космогоническія гипотезы даютъ намъ возможность мыслить о всемъ физическомъ мірѣ, какъ системѣ. Онѣ даютъ возможность философу съ наименьшей затратой силъ размышлять о сущности, первопринципѣ и цѣли бытія нашего міра, ибо гораздо легче размышлять о благоустроенномъ, чѣмъ о томъ, что представляетъ собою хаосъ.

На человѣческое чувство небо всегда производило сильное впечатлѣніе. Культурная жизнь человѣчества получила начало на югѣ сѣвернаго полушарія. Темно-синія звѣздныя ночи тамъ должны были сильно плѣнять воображеніе юныхъ народовъ, и

мы видимъ, что въ ихъ безыскусственныхъ гимнахъ и пѣсняхъ изливаются восторги предъ величіемъ и красотою звѣзднаго неба. Они обожествовали небо и стали возносить ему молитвы. Но они не знали ни безмѣрнаго пространственнаго величія небесъ, ни простоты ихъ устройства. Имъ не приходило въ голову, что эти таинственные блестящія точки, сіяющія надъ ихъ головами, громадныя міры, отдѣленныя отъ насъ разстояніемъ, которое нельзя выразить числами. Они не догадывались также, что эти стройныя движенія звѣздъ, непонятныя движенія планетъ, таинственное появленіе кометъ—все это обуславливается чрезвычайно простыми и немногими механическими законами. Они благоговѣли передъ небомъ, но они совсѣмъ не понимали его. Философія, лишь только она возникла, стала удѣлять вниманіе небу, но такъ какъ она только размышляла о немъ, но не изучала его, то ея соображенія и не дали міру никакого плода. На смѣну философамъ явились ученые, они наблюдали, вычисляли, простуживались и слѣпли, и плодомъ ихъ работъ и страданій явились изумительныя открытія. Первыя изъ этихъ открытій нанесли сильный ударъ гордости человѣческой. Земля, возвѣстили людямъ ученые, только ничтожная точка, плавающая въ безпредѣльномъ океанѣ пространства среди міровъ, которые во столько же больше земли, во сколько она больше ничтожныхъ песчинокъ, лежащихъ на рѣчномъ берегу. Люди, не умѣвшіе понять, что умъ, обнимающій своимъ духовнымъ взоромъ вселенную, на какомъ бы маломъ пространствѣ онъ ни помѣщался, больше ея, какъ бы велика она ни была, люди возмущились и оскорбились этимъ открытіемъ. Но прать противъ истины долго нельзя и ее пришлось призвать. Спокойное размышленіе объ открытыхъ истинахъ показало, что въ нихъ нѣтъ ничего оскорбляющаго достоинства человѣка, но есть многое, назидающее его умъ. Небо, которое человѣкъ зналъ только прекраснымъ, оказалось великимъ и простымъ, тогда умы смѣлые начали пытаться представить, что и происхожденіе этого неба, будучи премудрымъ, было чрезвычайно просто. Ихъ собственныя попытки нарисовать картину этого происхожденія доселѣ являются неудачными. Но

ихъ догадка, что все великое просто, несомнѣнно истинно. Эта догадка въ сущности была изначала постулатомъ, которымъ человѣчество руководилось въ своихъ изысканіяхъ. Руководясь имъ, люди стали изучать и великое, и прекрасное небо и чѣмъ больше и дальше идетъ это изученіе, тѣмъ яснѣе и больше открываются чловѣку величіе, красота и премудрость созданія, призывающія славить Создателя, и несомнѣнно, что лучшіе люди будущаго никогда не перестанутъ повторять того, что сказалъ одинъ изъ лучшихъ людей въ прошедшемъ: „небеса повѣдаютъ славу Божію“ (Псал. XVIII, 2).

С. Глаголевъ.

„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Окончаніе *).

XXVI. 67—69.

Иствъ-же ты тѣхъ избѣгай, кои названы и въ „очищеньяхъ“.

И въ „разрѣшеніи духа“, и самъ обо всемъ поразмысли,

Власть надъ всѣмъ здравому разуму въ руки давь, какъ бы возницѣ.

Разумное существо, воплощенное въ тѣлѣ, такимъ образомъ Творцомъ создано, что оно, не будучи тѣломъ, не можетъ существовать безъ тѣла, но будучи само въ себѣ безтѣлеснымъ, оно заканчиваетъ цѣлость своего образа въ тѣлѣ. Подобнымъ образомъ и въ звѣздахъ то, что составляетъ высшее въ нихъ, есть сущность безтѣлесная, а то, что составляетъ низшее, есть сущность тѣлесная, да и само солнце состоитъ изъ безтѣлесной и тѣлесной сущности, но не такъ, что эти сущности сначала были раздѣлены, и потомъ уже соединены, ибо въ такомъ разѣ они и опять могли бы быть раздѣлены, а такъ, что, бывъ созданы вмѣстѣ, онѣ тутъ-же и соединены были разъ навсегда другъ съ другомъ такъ, чтобъ одна изъ нихъ была правящею, господствующею, а другая подчиненною, повинующеюся. То же самое имѣетъ мѣсто и въ слѣдующихъ родахъ разумныхъ существъ—въ родѣ героевъ и людей: всякій герой есть не что иное, какъ разумная душа, облеченная въ свѣтоносное тѣло;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 20.

точно также и человѣкъ есть разумная душа, соединенная съ бессмертнымъ тѣломъ. Таково было ученіе Пифагорейцевъ, котораго позднѣе и Платонъ держался, уподобляя всякую божественную душу, въ томъ числѣ и человѣческую, соединенной силѣ крылатой колесницы и управляющаго ею возницы ¹⁾. Итакъ, для усовершенія души намъ пужны истина и добродѣтель, а для очищенія нашего тѣла и приведенія его въ первоначальное свѣтовидное состояніе требуются отложеніе всѣхъ плотскихъ сквернъ, употребленіе священныхъ *очищеній* и наконецъ вспомошествоющая сила свыше, которая бы возбуждала насъ воспарять отсюда въ горняя. Объ этомъ-то и говорятъ надписанные стихи, именно требуютъ отложенія плотскихъ сквернъ въ словахъ *„воздерживайся отъ указанныхъ яствъ*, потомъ рекомендуютъ *священныя очищенія* и обращеніе къ божественной силѣ въ не совсѣмъ ясныхъ словахъ: *„объ очищеніяхъ, объ освобожденіи души—обо всемъ самъ поразмысли“*, наконецъ полный образъ и цѣлостный составъ человѣческой природы показываютъ въ словахъ: *„власть надъ всемъ здравому разуму въ руки дай какъ бы возницю*. Эта послѣдняя фраза, въ самомъ дѣлѣ, и даетъ понятіе о цѣломъ существѣ человѣка, и указываетъ съ полною ясностію на порядокъ составляющихъ его частей, справедливо усвоая *судящей силѣ* роль возницы и правителя, а той стороны нашей природы, которая слѣдуетъ указаніямъ правителя, роль подчиненной, управляемой. Такъ вотъ что въ надписанныхъ стихахъ легко можетъ вычитать всякій, кто знакомъ съ доктриною и въ частности съ символическою пифагорейцевъ, именно, что кромѣ украшенія въ добродѣтели и служенія истинѣ, требуется отъ насъ еще особенная забота о нашемъ свѣтоносномъ тѣлѣ, которое въ ихъ изреченіяхъ называется иногда тонкимъ судомъ, колесницей. Забота же эта объ очищеніи должна простирается на пищу, питье и на все, относящееся къ нашему смертному тѣлу, въ которомъ находится то свѣтоносное тѣло, вносящее жизнь

¹⁾ Разумѣется тутъ имѣющее мнѣніескій характеръ изображеніе состава человѣческой природы—въ Федръ. Но оно не даетъ никакого основанія этому ученію объ особомъ свѣтоносномъ духовномъ тѣлѣ, которое составляетъ вѣчную, неотложную оболочку души.

въ бездушное тѣло и поддерживающая въ немъ гармоническую связь органовъ и функций, ибо жизнь есть какъ бы невещественное тѣло, которое производитъ жизнь въ веществѣ и которое созидаетъ наше смертное животное, состоящее изъ лишней разума жизни и вещественнаго тѣла, представляя собою образъ человѣка, который состоитъ изъ разумнаго существа и невещественнаго тѣла. Итакъ, поелику природа наша есть природа человѣка, состоящая изъ названныхъ частей, то мы должны заботиться объ *очищеніи* и совершенствѣ всѣхъ ихъ, прилагая къ каждой изъ нихъ особый ей именно свойственный способъ, ибо каждая изъ нихъ требуетъ иного очищенія, чѣмъ другая, какъ напризмѣръ для разумной души очищеніемъ ея разума служить истина, достигаемая путемъ научнаго изслѣдованія, а очищеніемъ ея способности мнѣнія и рѣшенія служить обдуманная добродѣтель, ибо такъ какъ мы по природѣ предрасположены созерцать высшее и господствовать надъ низшимъ, то намъ для перваго пужна истина, а для послѣдняго гражданская добродѣтель, чтобы мы были созерцателями вѣчнаго и практическими дѣятелями въ доступной намъ области возможнаго и измѣнчиваго. Въ томъ и другомъ случаѣ мы можемъ избѣгнуть суеты безумія лишь подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ свои дѣйствія будемъ сообразовать съ божественными правилами. Отъ нечистоты безумія, конечно, прежде всего должна быть очищаема наша разумная природа, такъ какъ и въ ней появляется эта нечистота вмѣстѣ съ рожденіемъ въ этомъ мірѣ; но и къ тѣлу нашему свѣтовосному присоединяется тѣло смертное, отъ сквернъ котораго поэтому тоже должно очищаться и отъ пристрастія къ нему освобождаться. Затѣмъ слѣдуетъ то очищеніе душевнаго тѣла, которое должно совершаться согласно съ священными уставами въ видѣ священныхъ обрядовъ: но которые все таки имѣютъ характеръ тѣлеснаго очищенія, такъ какъ и тутъ употребляются разныя вещества, имѣющія цѣлю врачевать это животворящее тѣло, освободить его отъ вещества и способствовать ему воспарить въ то эфирное мѣсто, которое оно занимало, когда наслаждалось первоначальнымъ блаженнымъ состояніемъ. Всѣ относящіяся сюда обрядовыя дѣйствія, если онѣ совершаются съ благочестивымъ

расположеніемъ души безъ всякаго лицемѣрія и фокусничества, нисколько не противорѣчатъ правиламъ истины и добродѣтели, какъ и наоборотъ очищеніе души съ своей стороны способствуетъ очищенію свѣтоноснаго тѣла, чтобы оно, при ея содѣйствіи окрыленное, не мѣшало ея воспаренію въ горняя. Утонченію же и окрыленію его болѣе всего способствуютъ—постепенное отрѣшеніе отъ всего земнаго, приученіе къ невещественному и отложеніе тѣхъ сквернь, которыми наполнялось оно вслѣдствіе связи со смертнымъ тѣломъ, ибо отъ всего этого оно какъ бы вновь оживаетъ, собираетъ себя, исполняется божественной мощи и ставится въ соотвѣтствіе съ духовнымъ совершенствомъ души. Но какое, спрашивается, можетъ имѣть тутъ значеніе воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ? А то, что желающимъ приучать себя къ отрѣшенію отъ всего вообще смертнаго, прежде всего въ особенности необходимо достигнуть очищенія воздержаніемъ отъ нѣкоторыхъ специальныхъ яствъ—особенно же такихъ, которыя доставляютъ усладу чувственности и утучняютъ смертное тѣло. По этой причинѣ символическими правилами пифагорейцевъ предписывалось совершенное воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ, причемъ на первомъ планѣ стоялъ болѣе широкій и общій смыслъ, и затѣмъ уже слѣдовало упоминаніе о чемъ-либо частномъ, специальномъ и запрещеніе его, каково напримѣръ правило: *„не вкушай утробы никакого животнаго“*. Это правило воспрещаетъ употребленіе въ пищу одной нѣкоей земной пищи, при томъ самой малой и ничтожной; но если ты вникнешь въ глубокій смыслъ пифагорейской доктрины, то усмотришь въ этомъ одномъ примѣрѣ предписаніе воздержанія отъ всего рождающагося; а кромѣ того, какъ въ пищу мы не должны употреблять этой вещи, такъ, ради очищенія нашего свѣтоноснаго тѣла, мы должны воздерживаться и отъ всего того, на что намекаетъ имя этой вещи. Подобнымъ образомъ правило: *„не вкушай сердца“* прежде всего и главнымъ образомъ воспрещаетъ предаваться гнѣву, и уже потомъ имѣетъ смыслъ запрещенія употреблять въ пищу этотъ органъ тѣла. Точно также правило *воздерживайся отъ мертвечины*, имѣетъ прежде всего общій смыслъ запрещенія всего смертнаго, и потомъ уже смыслъ

запрещенія употреблять въ пищу мяса, негодныя для жертвы и вообще нечистыя и противныя. Да и во всѣхъ символическихъ правилахъ должно быть соблюдаемо какъ то внѣшнее, что ими говорится прямо и явно, такъ и то внутреннее, которое въ нихъ подразумѣвается, ибо неуклонное выполнение внѣшняго подготавливаетъ къ должному соблюденію того, что болѣе важно. Поэтому и на надписанный стихъ мы должны смотрѣть какъ на такой, который въ краткомъ изреченіи содержитъ начала дѣйствій и поступковъ, имѣющихъ величайшую важность. *Воздерживайся отъ яствъ*, говоритъ онъ, что равносильно правилу: *воздерживайся отъ тлѣнныхъ тѣлъ*. Поелику же въ сей жизни невозможно отъ всѣхъ ихъ удерживаться, то стихъ прибавляетъ: *отъ тѣхъ, о которыхъ сказано*, а затѣмъ указываетъ, гдѣ именно это сказано, словами: *и въ очищеніяхъ и въ разрѣшеніяхъ духа* съ тою цѣлю, чтобы за воздержаніемъ отъ яствъ слѣдовала такая усердная забота о свѣтоносной тѣлесной оболочкѣ, какая свойственна душѣ, *очищающей и освобождающей* отъ вещественныхъ узъ. Затѣмъ въ качествѣ наблюдателя за такимъ поступаніемъ, стихъ ставитъ *критическій разумъ*, такъ какъ онъ именно можетъ это попеченіе о свѣтовидномъ тѣлѣ приводить въ согласіе съ чистотою души. Этотъ разумъ стихъ называетъ также *возницею* или *правлящимъ* разумомъ, по той причинѣ, что онъ самую природою поставленъ для управленія колесницей, частице, называетъ его разумомъ или *смысломъ*, такъ какъ онъ есть сила разумной души, а *возницею* потому, что онъ, будучи соединенъ съ тѣломъ, управляетъ имъ. Наконецъ, стихъ требуетъ, чтобы душа свой глазъ, свое зрѣніе всегда направляла *вверхъ*, туда, куда указываетъ возница на томъ основаніи, что хотя душа есть единая, нераздѣльная, но она разумомъ какъ бы глазомъ обзрѣваетъ и созерцаетъ поле истины, между тѣмъ какъ силою аналогичною силѣ руки она держитъ въ повиновеніи соединенное съ нею тѣло, ею же она и къ себѣ самой обращается и въ себѣ сосредоточивается, чтобы вся цѣликомъ могла созерцать божественное и стяжать богоподобіе.

Вотъ какой общій смыслъ имѣетъ это воздержаніе и вотъ какихъ благъ достиженіе оно имѣетъ въ виду. Что же касается

частныхъ правилъ, то объ нихъ въ стихотвореніи умалчивается, но объ нихъ можно сказать слѣдующее. Хотя каждое изъ нихъ предписываетъ воздержаніе отъ чего либо опредѣленнаго, какъ напр. въ царствѣ растительномъ воздержаніе отъ бобовъ, въ царствѣ живогномъ воздержаніе отъ мертвечины и падали, между рыбами запрещеніе сорочи или краснорыбицы, запрещеніе тѣхъ или другихъ пернатыхъ и непернатыхъ, наконецъ запрещеніе тѣхъ или иныхъ частей тѣла, наприм. головы и сердца и т. п., но всѣ онѣ вмѣстѣ и каждое порознь имѣютъ также въ виду вообще полноту и совершенство очищенія, такъ какъ онѣ во вниманіе къ той или другой физической особенноти, требуя такого или иного тѣлеснаго воздержанія, съ тѣмъ вмѣстѣ во всей своей совокупности имѣютъ основной смыслъ требованія очищенія отъ пристрастія ко всему вообще смертному и главною своею цѣлію имѣютъ приучить человѣка отъ всего отвращаться, въ себя самага возвращаться, отрѣшиться отъ мѣста происхожденія и исчезновенія и переселиться въ елисейское поле въ область свободнаго эфира. Поелику же онѣ предписываютъ въ порядкѣ воздержаніе отъ разнаго рода вещей, то въ нихъ многое можетъ показаться на первый взглядъ даже противорѣчивымъ, какъ напр. можетъ показаться, что правилу: *„не употребляй въ пищу животныхъ“* противорѣчитъ правило: *„не ѣшь сердца“*, если не принять во вниманіе, что послѣднее правило предназначено для начинающихъ, а первое для совершенныхъ, ибо понятно, что послѣ запрещенія употреблять въ пищу цѣлое животное, уже излишне запрещеніе относительно той или другой части животнаго. Потому-то, не излишне внимательно слѣдитъ за тѣмъ порядкомъ мыслей, который дастъ намъ стихъ, ибо онъ прежде всего говоритъ: *„воздерживайся отъ яствъ“* потомъ, какъ-будто кто спрашиваетъ. отъ какихъ же?—отвѣчаетъ: *отъ тѣхъ, о которыхъ сказано.* и опять какъ бы на второй вопросъ, гдѣ-же объ этомъ сказали пифагорейцы, въ какихъ путемъ преданія хранимыхъ дисциплинахъ изложили предписанія о воздержаніи отъ яствъ? отвѣчаетъ: *въ дисциплинѣхъ объ очищеніяхъ и объ освобожденіи души,* давая этимъ знать, что въ порядкѣ этого процесса очищенія предшествуютъ, а освобожденіе за ними слѣдуетъ, ибо

очищенія разумной души суть математическія науки, а еще выше идущее *разрѣшеніе* или *освобожденіе* ея есть діалектическое созерцаніе вещей истинно-сущихъ. По этой-то причинѣ и употреблено въ выраженіи: „въ освобожденіи души“ единственное число для показанія, что *освобожденіе* достигается одною наукою, между тѣмъ въ выраженіи „въ очищеніяхъ“ употреблено множественное число, потому что математика состоитъ изъ многихъ наукъ. Итакъ, къ дѣйствіямъ, имѣющимъ цѣлю *очищеніе и освобожденіе души*, должны быть присоединяемы аналогическія дѣйствія для очищенія свѣтоноснаго тѣла, то есть, къ математическимъ *очищеніямъ* должны быть присоединяемы и мистическія, а къ діалектическому *освобожденію души* должно быть присоединяемо и гіератическое ея воспареніе. Всѣ этого рода обрядовыя дѣйствія очищаютъ и усовершенствуютъ духовный сосудъ разумной души, освобождая его отъ вещественной безжизненности и дѣлая его способнымъ носиться вѣяніями чистаго ээира. Такъ и должно быть, потому что нечистое не можетъ находиться въ общеніи съ чистымъ. Итакъ, подобно тому какъ душу должно украшать наукою и добродѣтелію для того, чтобъ она могла войти въ общество существъ неизмѣнныхъ въ истинѣ и добрѣ, точно также и свѣтоносное тѣло ея должно очищать и освобождать отъ вещественности, чтобы оно было способно обитать между чистыми ээирными тѣлами, ибо все можетъ соединяться другъ съ другомъ только путемъ взаимоуподобленія, между тѣмъ какъ несходство, различіе, несогласіе раздѣляетъ даже то, что близко одно подлѣ другого находится. Такова была философія пифагорейцевъ, по нашему мнѣнію, самая совершенная, такъ какъ она направлена и принаровлена была къ совершенству чело-вѣка во всей цѣлости его существа. Въ самомъ дѣлѣ вѣдъ кто объ одной только душѣ печется, а о тѣлѣ не радитъ, тотъ въ себѣ не всего еще чело-вѣка *очищаетъ*, а еще болѣе погрѣшаетъ тотъ, кто полагаетъ, что слѣдуетъ лишь объ одномъ тѣлѣ заботиться, оставляя въ пренебреженіи душу, и что эта забота можетъ принести пользу и душѣ, хотя бы она сама и *не была очищаема*, и только тотъ весь въ цѣломъ существѣ своемъ усовершенствуется, кто равномерно прилагаетъ заботу о той

и другой сторонѣ его. На этомъ-то основаніи къ философіи непосредственно примыкаетъ гіератика—священная обрядность, которая имѣетъ цѣлю очищеніе свѣтоноснаго душевнаго тѣла и которая не должна быть отдѣляема отъ философствующаго ума, потому что иначе потеряетъ весь свой смыслъ, ибо изъ тѣхъ путей и средствъ, которыя ведутъ насъ къ совершенству, одни находятъ и указываютъ философствующій умъ, а другія тутъ же подсказываетъ нѣкая мистическая сила и дѣятельность, дѣйствующая въ согласіи съ философствующимъ умомъ; мистическою же силою и дѣятельностію я называю ту, которая имѣетъ свою цѣлю *очищеніе* свѣтовиднаго тѣла. Такимъ то образомъ въ составѣ цѣлой философіи теоретическая предшествуетъ, какъ разумъ, а за нею слѣдуетъ и ей подчиняется практическая, какъ сила и дѣятельность; въ ней слѣдуетъ различать два вида—гражданскую и мистическую, изъ коихъ первая имѣетъ свою задачу посредствомъ добродѣтелей очистить насъ отъ неразумія, а послѣдняя—посредствомъ священныхъ обрядовъ—освободить насъ отъ тѣлесныхъ сквернъ; живой образецъ политической философіи представляютъ собою законы, постановляемые и дѣйствующіе въ государствахъ, а образецъ мистической—существующіе въ государствахъ святилища и культы. Итакъ, вершину въ цѣломъ зданіи философіи занимаетъ умъ теоретическій, средину—умъ политическій, а третье мѣсто—умъ мистическій, причемъ роль пераго изъ нихъ по отношенію къ обоимъ остальнымъ можно уподобить глазу, роль обоихъ остальныхъ по отношенію къ первому можно сравнить съ дѣятельностію рукъ и ногъ, и въ то же время всѣ они стоятъ между собою въ той тѣсной связи и взаимной зависимости, что каждый изъ нихъ становится несовершеннымъ и даже недѣятельнымъ всякій разъ, когда онъ лишается содѣйствія со стороны обоихъ остальныхъ. Потому-то и наука, открывающая истину, и дѣятельность осуществляющая добродѣтели, и священная обрядность, производящая очищеніе, должны соединяться въ едино гармоническое дѣйствованіе, чтобы гражданская дѣятельность была согласною съ теоретическою дѣятельностію господствующаго и правящаго разума, а съ обѣими этими согласовалась дѣятельность священно-

обрядовая. Вотъ какую цѣль и задачу ставила себѣ пифагорейская доктрина и дисциплина, чтобы борцы на поприщѣ философской истины во всей цѣлости существа своего ставъ окрыленными, сподобились принятія божественныхъ благъ, чтобы, когда наступитъ часъ смерти, они, оставивши на землѣ смертное тѣло и совлечшись всего его вещества, препоясаны и вполне готовы были идти въ небесный путь, послѣ чего, какъ скажетъ слѣдующій стихъ, они и возстановлены будутъ въ первоначальное состояніе и богами стануть, насколько возможно людямъ стать богами.

XXVII. 70—71.

Тѣложь свое какъ покнишь, въ ээиръ воспаришь ты свободный и
Будешь безсмертенъ какъ богъ уже смерти и тѣлнѣя чуждый.

Это есть прекраснѣйшій конецъ трудовъ, это есть, какъ говоритъ Платонъ, великая побѣда и великая надежда, это совершеннѣйшій плодъ философіи. Къ тому и гѣратическая мистика стремится, чтобы тѣхъ, которые въ сей жизни шествовали вышеописаннымъ путемъ, привести къ обладанію истинными благами, освободить отъ тяжестей и трудовъ здѣшней жизни и, изведши отсюда, какъ изъ нѣкой пещеры тѣлесной жизни, возвести къ лучамъ ээирнаго свѣта и водворить на островахъ блаженныхъ. Имъ же предлежитъ также и награда обожествленія, такъ какъ ни кому невозможно вступить въ общество рода боговъ, какъ только тому, кто стяжалъ истину и добродѣтель въ душѣ и чистоту въ духовномъ ея сосудѣ, ибо только таковой, ставши здравымъ и цѣлымъ, возстановляетъ образъ первоначальнаго своего состоянія тѣмъ, что единеніемъ съ здравымъ разумомъ вновь обрѣлъ самага себя, позналъ весь порядокъ божественнаго міроустройства и обрѣлъ самага Создателя этой вселенной, насколько то возможно для человѣка. Сдѣлавшись же послѣ *очищенія*, насколько возможно, подобнымъ тѣмъ существамъ, которые не рождаются въ нашемъ мірѣ, онъ, благодаря своимъ познаніямъ, соединяется съ вселенною и къ самому Богу возносится; но такъ какъ онъ все же имѣетъ тѣлесную оболочку, то нуждается въ мѣстѣ для обитанія и ищетъ себѣ помѣщенія въ такомъ или иномъ звѣз-

доподобномъ тѣлѣ. Тѣлу такого рода приличествуетъ болѣе всего то мѣсто, которое лежитъ непосредственно подъ луною, такъ какъ тѣло это совершеннѣе тѣлнныхъ тѣлъ и въ то же время менѣе совершенно, чѣмъ тѣла небесныя—то мѣсто, которое пифагорейцы называютъ *свободнымъ эфиромъ*, *эфиромъ* потому, что это есть тѣло невещественное и вѣчное, а *свободнымъ* потому, что ему чужда измѣнчивость свойственная всему вещественному. Достигшій же этого мѣста чѣмъ инымъ будетъ, какъ не тѣмъ, чѣмъ называетъ его стихъ говоря: „*будешь безсмертнымъ богомъ*“, точнѣе, станешь подобенъ тѣмъ, которые въ началѣ (стихотворенія) названы безсмертными богами, хотя ты не по природѣ безсмертенъ. ибо развѣ можетъ существо лишь съ опредѣленнаго времени начавшее свое усовершенствованіе, и своею добродѣтелию заслужившее принятія въ сообщество божественныхъ существъ, быть совершенно равнымъ съ этими божествами, которые вѣчно и неизмѣнно были таковыми? Выражаетъ это и стихъ, прибавляя къ фразѣ: „*будешь безсмертнымъ богомъ*“ слова: „*уже смерти и тлѣнню чуждый*“, чтобы этимъ устраненіемъ тѣлнности и смертности (которымъ мы были прежде подвержены) ясно показать, какая собственно божественность наша тутъ разумѣется, именно, что она не принадлежитъ намъ по природѣ и существу, а пріобрѣтается путемъ усовершенствованія, какъ нѣкій придатокъ или даръ, потому, что совсѣмъ иной родъ *боговъ* составляютъ тѣ, которые то становятся *безсмертными* путемъ восхожденія или совершенствованія, то становятся *смертными* путемъ ниспаданія или порочности и которые поэтому стоятъ ниже даже рода блистающихъ героевъ, такъ какъ и эти никогда не отпадаютъ отъ Бога, а они иногда забываютъ Бога и отпадаютъ отъ него. По этой-то причинѣ этотъ третій родъ существъ, даже достигши самаго высшаго совершенства, не можетъ быть ни высшимъ средняго рода, ни равнымъ первому роду, но всегда остается тѣмъ же третьимъ родомъ, и хотя онъ можетъ стать богоподобнымъ даже первому роду, однако стоитъ ниже средняго рода, ибо то подобіе безсмертнымъ богамъ, которое достигается иногда людьми, уже прежде того есть и притомъ въ болѣе совершенномъ и натуральномъ видѣ въ герояхъ и во всемъ среднемъ

родѣ. Такимъ-то образомъ подобіе Богу творцу міра лишь въ томъ смыслѣ есть единое, что оно есть единое и общее совершенство всѣхъ разумныхъ существъ, ибо оно *всегда* и *неизменно* принадлежитъ только небеснымъ божествамъ, существамъ же эфирнымъ, занимающимъ опредѣленное мѣсто, оно принадлежитъ только всегда, но не неизмѣнно, или тождественно, а тѣмъ эфирнымъ существамъ, которыхъ природа такова, что они могутъ ниспадать изъ эфирной области и жить на землѣ, оно принадлежитъ и не неизмѣнно и даже не всегда. Однакожъ, первую и самую высшую степень богоподобія по справедливости можно принимать за образецъ для второй, какъ равно вторую за образецъ для третьей, ибо задача и цѣль нашего духовнаго развитія состоитъ въ томъ, чтобы мы не просто только старались стать подобными Богу Творцу, но также имѣли предъ собою, въ качествѣ канона и нормы, высшую или среднюю степень подобія. А когда мы не въ состояніи достигнуть и осуществить этихъ нормъ, тогда ничего болѣе намъ не остается, какъ достигать такой степени подобія, какая оказывается для насъ возможною и съ вашею природою сообразно и пожинать плоды добродѣтели изъ покорнаго и благодушнаго соблюденія той мѣры, которая лежитъ въ самой природѣ нашей, ибо высочайшая добродѣтель тутъ состоитъ въ томъ, чтобы мы пребывали въ тѣхъ границахъ, которыя положены самимъ Творцомъ и которыми всѣ существа разпределены по родамъ и видамъ. И въ то же время подчинялись законамъ провидѣнія, которыми все устроится и ведется къ общему благу всѣхъ существъ, сообразно со способностями и свойствами каждаго изъ нихъ.

Таково наше толкованіе „золотыхъ стиховъ“, представляющее собою краткій обзоръ доктрины пифагорейцевъ. Нельзя намъ было свое изслѣдованіе ни сзуть до краткости самихъ „стиховъ“,—ибо тогда осталась бы скрытою и непонятною красота многихъ правилъ, ни расширить до того, чтобы оно обнимало въ полнотѣ всю систему философіи, ибо это и не входило въ нашъ планъ; мы во всемъ, насколько возможно, со-

образовались со смысломъ и содержаніемъ самихъ стиховъ и лишь то въ нихъ и въ такой мѣрѣ изъясняли изъ цѣлой доктрины (пифагорейской), въ какой сами они того требовали, ибо стихотвореніе это на самомъ дѣлѣ представляетъ собою не что иное, какъ совершеннѣйшее начертаніе философіи и сокращенное изложеніе главнѣйшихъ ея основоположеній. Заключенное въ писмена восшедшими уже на божественную стезю, въ качествѣ элементарной пропедевтики для дальнѣйшихъ послѣдователей. Стихотвореніе это по всей справедливости можно считать прекраснѣйшимъ памятникомъ человѣческаго благородства тѣмъ болѣе, что оно есть плодъ мыслей не одного каково-либо изъ пифагорейцевъ, а всего священнаго собранія ихъ, или какъ сами они выразились бы, есть выраженія общаго убѣжденія всей ихъ аудиторіи, потому у нихъ было въ обычаѣ и утромъ одному читать, а всѣмъ слушать эти стихи, какъ нѣкія пифагорейскія заповѣди и вечеромъ, на сонъ грядуще, для того чтобы мысль, постоянно возбуждаемая ими на размышленіе, дѣлала все болѣе и болѣе ясными и живучими въ душѣ содержащейся въ нихъ истины,—что и намъ не излишне дѣлать, чтобъ раньше или позже проникнуться сознаніемъ ихъ благотворности.

Профес. Г. В. Малеванскій.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Г Л А В А XXIX.

Задача настоящаго и ближайшаго будущаго.

Быть истиннымъ человѣкомъ, по изреченію Аристотеля, переведенному Монтенъемъ; быть „соратникомъ Бога“ ¹⁾, по великому слову св. Ап. Павла: вотъ задача человѣка, одинаковая для всѣхъ временъ. Обстоятельства разнообразятъ не сущность, но лишь форму этой задачи. Потребности, нужды, затрудненія, вопросы, стремленія, всякаго рода ресурсы, общающіе нашему времени его опредѣленную фizioномію, его характеръ,—все это требуетъ отъ насъ особенныхъ усилій; разъ сегодняшній день именно таковъ, каковъ онъ есть, то на сегодня у насъ уже есть извѣстная задача, которую, мы должны выполнить, есть и извѣстный образъ ея выполненія, зависящій отъ этихъ именно обстоятельствъ. Но если справедливо, что для пониманія настоящаго, его необходимо ставить въ связь съ прошедшимъ; то не менѣе справедливо и то, что для того, чтобы употребить его съ пользой, необходимо умѣть заглядывать въ будущее,—по крайней мѣрѣ въ то близкое будущее, которое непосредственно слѣдуетъ за настоящимъ и называется „завтра“. Но „завтра“ принадлежитъ особенно подростяющему поколѣнію,—тѣмъ, которые сегодня вступають въ жизнь, полные еще нетронутыхъ силъ. И вотъ имъ-то хотѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 22.

¹⁾ I. Посланіе къ Коринтянамъ, III, 9...

лось-бы мнѣ сказать нѣсколько словъ о томъ употребленіи жизни, которое именно въ данную минуту имъ слѣдуетъ изъ нея сдѣлать. Я хотѣлъ бы опредѣлить, что, по моему мнѣнію, составляетъ какъ нашу, такъ и ихъ задачу въ настоящую минуту и особенно,—въ чемъ будетъ состоять ихъ задача въ ближайшее будущее.

У Массильона есть знаменитая проповѣдь объ *обязанностяхъ Великихъ людей*. Я могъ бы подобнымъ же образомъ озаглавить и настоящую главу. Великими людьми являются въ настоящее время тѣ, которые, благодаря своему воспитанію, образованію, культурѣ, въ какомъ бы слоѣ общества они ни находились, имѣютъ нѣкоторое направляющее вліяніе на остальныхъ людей, на общество. Особенно такъ могутъ быть названы люди *мыслящіе* или имѣющіе притязаніе мыслить, люди, обладающіе даромъ слова, пишущіе и т. д. Вотъ этимъ-то новаго рода „великимъ людямъ“ я и нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ: съ ними, мнѣ кажется, не бесполезно будетъ поговорить о той задачѣ, которую имъ предстоитъ выполнить.

I.

Прежде всего, я скажу имъ слѣдующее:

Жить жизнью однообразною, безцвѣтною, безъ крупныхъ ошибокъ и потрясеній, безъ мучительныхъ кризисовъ, жизнью бездѣятельною, праздною, бесполезною,—это зло. Такъ и слѣдуетъ знать, чувствовать и говорить себѣ и другимъ, что это зло. Не грѣшить или почти не грѣшить, конечно, хорошо. Но этого еще не достаточно и если люди вообразятъ себѣ, что одного этого уже достаточно, то это заблужденіе. Я хочу сказать, что кромѣ опредѣленнаго грѣха есть еще нѣкоторое общее грѣховное, достойное осужденія, состояніе или образъ жизни,—постоянный, „привычный“. Въ данномъ случаѣ мы имѣли бы предъ собою привычку *не употреблять, не пользоваться* жизнью. Но жизнь вялая, праздная, наполненная лишь обыденными житейскими мелочами,—такая жизнь, хотя бы даже она была съ виѣшной стороны корректна и, такъ сказать, невинна, несомнѣнно дурна. Такая жизнь есть жизнь недостаточная.

Необходимо, слѣдовательно, дѣлать какое нибудь дѣло, сообразно съ тѣмъ состояніемъ и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ мы находимся, необходимо сообразоваться со своимъ призваніемъ. При этомъ слѣдуетъ, конечно, стремиться къ достиженію возможно большаго совершенства въ томъ, что мы дѣлаемъ. Горе тому, у кого нѣтъ честолюбія! Ибо вѣдь существуетъ нѣкоторое особенное, похвальное и даже необходимое честолюбіе, заключающееся въ томъ, чтобы возможно лучше исполнить то, чему мы себя посвятили.

Это справедливо для всѣхъ временъ. Необходимость трудиться, работать, дѣйствовать сознавалась и признавалась во всѣ времена. Но не является ли она еще болѣе настоятельно въ настоящее время? Вѣдь никто ничего не имѣетъ и ничѣмъ не можетъ быть въ силу одного только своего происхожденія или наслѣдства.—Пусть человѣкъ обладаетъ самымъ огромнымъ состояніемъ въ мірѣ и громкимъ именемъ; но если онъ освободилъ себя и уклоняется отъ всякой дѣятельности, отъ всякихъ стремленій къ достиженію благородныхъ цѣлей, отъ всякаго труда, то тѣмъ самымъ онъ осуждаетъ себя на жизнь пустую, ничтожную, незначительную и добровольно идетъ къ гибели. Поэтому стократъ блаженна современная нужда и бѣдность, такъ какъ она предохраняетъ людей отъ лѣности и, такъ сказать, инертности, тѣмъ самымъ облегчая для нихъ ихъ задачу и даже принуждая выполнять человѣческое назначеніе. Опасности, насъ окружающія, не позволяютъ намъ дремать. Никто не можетъ похвалиться, что чѣмъ либо онъ обладаетъ безспорно. Такъ, напримѣръ, въ области мысли, сохранить непоколебимыя убѣжденія значить почти то же, что завоевать, вновь приобрѣтать ихъ,—такъ много приходится бороться ради ихъ защиты отъ всего, что угрожаетъ ихъ цѣлости извнѣ и даже изнутри. Да и во всемъ остальномъ мы видимъ тоже самое, нельзя никогда, нигдѣ и ничего сохранить, развить и улучшить, не умножая съ этою цѣлью своихъ усилій, трудовъ и борьбы. Если необходимо бороться и работать для того, чтобы сохранить здравую свою мысль, то точно также необходимо бороться и для того, чтобы укрѣпить и защитить общество, распатываемое столькими вредными вліяніями:

и здѣсь лишь путемъ непрерывной борьбы могутъ быть уничтожаемы злоупотребленія и производимы необходимыя реформы. Борьба, которая теперь болѣе, чѣмъ когда либо, необходима, точно также теперь болѣе, чѣмъ когда либо, касается каждаго, составляетъ личное дѣло каждаго. Если каждый будетъ надѣяться на другого или на всѣхъ другихъ и отъ нихъ будетъ ждать помощи, а самъ сложитъ руки,—то мы погибли. Нѣтъ, каждый долженъ дѣйствовать и трудиться самъ для себя, *pro virili parte*, какъ и свойственно человѣку ума и сердца. Вотъ почему уклоненія отъ всякой дѣятельности, вялость, лѣнь, безпечность насъ такъ отталкиваютъ, возбуждаютъ въ насъ такое непріятное и даже враждебное чувство. И чѣмъ важнѣе, серьезнѣе обязанности человѣка, тѣмъ виновнѣе онъ, если растрчиваетъ свои жизненныя силы понапрасну. Если бы все шло правильно, если бы ходъ соціальной жизни обезпечивалъ всѣмъ и каждому свободу отъ опасныхъ потрясеній и толчковъ, то еще можно было бы отнестись съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ людямъ празднымъ и бездѣтельными. Но когда все колеблется и подвержено опасности, когда еще далеко и далеко не все сдѣлано и впереди такъ много работы,—то не замѣчать этого, или замѣчать и ничего не дѣлать,—непростительное преступленіе.

II.

Итакъ, необходимо дѣйствовать. Добавимъ теперь къ этому, что необходимо еще имѣть мужество, умѣть быть смѣлымъ. Нравственная жизнь требуетъ мужества, какъ требуетъ его и жизнь христіанская. Это само собою разумѣется: скажемъ ли мы, что необходимо дѣйствовать, или же что требуется мужество,—въ сущности это будетъ одно и то же. Однако я здѣсь имѣю въ виду мужество нѣкотораго особаго рода.

Обращаясь къ образованнымъ и развитымъ молодымъ людямъ, я скажу имъ: имѣйте смѣлость *принадлежать къ меньшинству*. Я не хочу этимъ рекомендовать имъ какую-то, такъ сказать, аристократическую добродѣтель, годную лишь для избранниковъ. О, нѣтъ! Я измѣнилъ бы духу, которымъ проникнута вся настоящая книга, если бы, въ концѣ ея, у меня явилась подобная мысль. Могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, потворствовать столь

свойственной молодежи склонности уклоняться отъ общепринятаго пути, вслѣдствіе чего она не рѣдко выходитъ просто на просто на путь приключеній? Ни въ какомъ случаѣ, конечно. Напротивъ, вся эта книга является опроверженіемъ подобной идеи. Точно такъ же и въ другомъ своемъ сочиненіи ¹⁾ я открыто порицаю желаніе обособляться,—въ области мысли и философіи. Нѣтъ, я хочу сказать пѣчто совсѣмъ иное и именно вотъ что: нельзя думать, будто большинство людей мыслить и работать въ полномъ и серьезномъ смыслѣ этого слова; слѣдовательно, необходимо, прежде всего, имѣть смѣлость принадлежать къ меньшинству,—именно къ меньшинству тѣхъ людей, которые составили себѣ самое серьезное понятіе о жизни, сообразно съ которымъ они и стремятся ее устроить. Точно такъ же нельзя сказать про большинство, что оно понимаетъ настоящее время и знаетъ всѣ его потребности, больныя мѣста и ресурсы: а въ этомъ отношеніи опять также необходимо принадлежать къ тому меньшинству, которое старается узнать свое время и понять его,—принадлежать къ нему, конечно, не для того, чтобы стать рабомъ его, но для того, чтобы служить ему и приносить пользу. Наконецъ, не большинство избѣгаетъ рутинны или увлеченія новизною: слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи опять таки надо принадлежать къ меньшинству, къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые имѣютъ смѣлость признать, что необходимо покончить съ тѣмъ, что уже кончилось; что старое уже отжило свой вѣкъ; что необходимо поѣтому вносить въ свои взгляды на людей и на вещи, равно какъ и въ свои поступки духъ новизны,—безъ гордости, увлеченія, но и безъ слабости.

Добавлю еще, что въ извѣстныхъ минуты обычное уже не удовлетворяетъ болѣе человѣка ²⁾.

¹⁾ *Философія и настоящее время*. гл. II.

²⁾ Я заимствую эту мысль изъ слова Монсеньера *Ireland'a*, архіепископа Соединенныхъ Штатовъ,—изъ слова, озаглавленнаго: *Церковь и Вѣкъ* (the Church and the age) и произнесеннаго въ Балтиморскомъ соборѣ, 18 октября 1893 года по случаю двадцатипятилѣтія пребыванія въ епископскомъ санѣ кардинала Гиббона. Аббату Клейну пришла въ голову счастливая мысль собрать въ одну книгу пять словъ Монсеньера *Ейрланда*, изъ которыхъ одни переведены съ англійскаго, другія же были сказаны по французски. Эта книга, которая и на француз. яз. такъ же носитъ заглавіе: *Церковь и Вѣкъ* (*L'Eglise et le Siecle*, 1894), имѣла значительный успѣхъ.

Тогда надо умѣть думать, говорить и дѣлать нѣчто такое, что удивляло бы другихъ и при томъ все это слѣдуетъ дѣлать не изъ-за тщеславнаго желанія удивлять другихъ, но изъ-за полной и мужественной покорности истинѣ, которая идетъ и ведетъ далеко и, развитая до послѣднихъ своихъ слѣдствій, однихъ шокируетъ, другихъ приводитъ въ замѣшательство, иныхъ отталкиваетъ, но многихъ и привлекаетъ. И происходитъ все это именно отъ того, что истина, вполне раскрытая, приводитъ ихъ въ изумленіе, являясь имъ совершенно иною въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они ее себѣ представляли. Если же, такимъ образомъ, выступая вездѣ и всегда поборникомъ истины, человѣкъ кажется другимъ людямъ страннымъ и если, поступая такъ, онъ можетъ прослыть чудакомъ и оригиналомъ, то очевидно ему нужно мужество.

III.

Интеллигентнымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ молодымъ людямъ особенно предстоятъ двѣ слѣдующихъ задачи.

Прежде всего нужно много потрудиться надъ тѣмъ, чтобы успокоить умы, общество. И вотъ я хотѣлъ бы, чтобы каждый молодой человѣкъ, сознающій въ себѣ хотя какой нибудь талантъ, понималъ, что талантъ этотъ налагаетъ на него опредѣленную обязанность. Мало этого. Путь даже онъ не имѣетъ никакого особеннаго таланта; но если онъ воспитанъ, образованъ, усвоилъ себѣ извѣстныя знанія, культуру,—то и тогда чрезъ то самое предъ нимъ уже поставлена опредѣленная задача. И я хотѣлъ бы, чтобы, проникнувшись сознаниемъ, что такая задача или обязанность существуетъ, они постарались найти опредѣленный способъ ея исполненія. Неясныя и неопредѣленные желанія, благія, но черезчуръ общія намѣренія,—все это недѣйствительно. Необходимо разсѣять мракъ невѣжества, пополнить пробѣлы, исправить заблужденія, побѣдить иные предрасудки. Вообще, необходимо сдѣлать много завоеваній. Какія именно,—это уже личное дѣло cadaго. Каждому предоставляется свободный выборъ. И выбрать есть изъ чего: передъ нами науки о природѣ, историческія науки, критика, филологія и т. д., и т. д. И во всѣхъ этихъ областяхъ найдется извѣстное дѣло,—дѣло, кото-

рымъ именно мысль того или другого человѣка всего лучше можетъ завладѣть и воспользоваться. И вотъ, смотря по обстоятельствамъ, дѣлайте изъ этихъ штудій нѣкоторое, такъ сказать, дополненіе къ тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаются на васъ вашимъ положеніемъ; употребляйте на нихъ избытокъ вашей энергіи, или же, если вы обладаете какимъ нибудь особеннымъ талантомъ, или находитесь въ особыхъ условіяхъ,—сдѣлайте изъ этихъ штудій ваше главное дѣло, дѣло жизни, превратите ихъ въ свою профессію. Во всякомъ случаѣ старайтесь насколько отъ васъ зависитъ, успокоивать умы, распространяя вездѣ просвѣщеніе. И если вы хотите успѣть въ этомъ, то остерегайтесь углубляться въ какое нибудь одностороннее, спеціальное изученіе. Черезчуръ поспѣшныя обобщенія весьма опасны; но не менѣе опасна и недальновидная замкнутость въ слишкомъ ограниченной области человѣческаго знанія. Имѣя склонность ни на чемъ не останавливаться, ничѣмъ не успокоиваться, умъ нашъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно распространяетъ на все вообще тѣ заключенія, которыя онъ вывелъ для этой тѣсной, ограниченной области: вотъ почему опасность сдѣлать преждевременныя обобщенія тѣмъ болѣе, чѣмъ уже нашъ кругозоръ.

Во-вторыхъ, что бы вы ни дѣлали, умѣйте дѣлать такъ, чтобы вашъ разумъ стоялъ выше вашей работы. Что бы вы ни изучали, старайтесь господствовать надъ предметомъ вашего изученія. Не истощайте на него всѣхъ вашихъ силъ. Сохраните въ себѣ силу и способность мыслить,—мыслить въ собственномъ и истинномъ смыслѣ этого слова, т. е., улавливать отношеніе вещей между собой, подчинять частности цѣлому, возводить факты къ ихъ первоначалу, находить въ первоначальныхъ истинахъ высшее основаніе и окончательное объясненіе для всего,—не то объясненіе, которое только переходитъ отъ одной вещи къ другой точно такой же, какъ бы укладывая неизвѣстное въ извѣстную уже рамку, но то, которое идетъ, если можно такъ выразиться, отъ поверхности въ глубь вещей, отъ низшей ихъ точки къ самой высшей, которое связываетъ явленія съ подлинною дѣйствительностію, низшее съ высшимъ и такимъ образомъ проливаетъ на все болѣе ясный и болѣе

опредѣленный свѣтъ. Вотъ этими-то усиліями ума мыслящій или стремящійся мыслить человекъ и будетъ способствовать, съ своей стороны, интеллектуальному умиротворенію общества. Такимъ образомъ, я желалъ бы, чтобы каждый, кто только *умѣетъ* и *можетъ* по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время сосредоточивать свои мысли, стремился разобраться въ окружающей насъ путаницѣ словъ и идей, стремился выяснитъ ихъ истинный смыслъ, уничтожить безполезныя и необоснованныя формулы, вновь отыскать и овладѣть простыми, свѣтлыми и плодотворными идеями, безъ которыхъ умъ становится недѣятельнымъ и даже самое знаніе лишь увеличиваетъ рознь и разногласіе между людьми.

IV.

Другой рядъ вопросовъ, требующихъ нашего вниманія, составляютъ вопросы социальныя.

Теперь говорятъ о нихъ почти всѣ. Современную молодежь все болѣе и болѣе занимаетъ то, что было буквально неизвѣстно предшественникамъ. Тѣмъ лучше. Но надо *изучать* эти вопросы и умѣть ихъ изучать; надо такъ же и практически заниматься ими и умѣть дѣлать это.

Именно въ этой области особенно встрѣчаются разнаго рода опасности. Смотрѣтъ на все съ холоднымъ любопытствомъ, или же по всякимъ поводамъ волноваться; говорить и писать, не будучи компетентнымъ и безъ должной осторожности; толковать поверхностно объ основныхъ принципахъ: вотъ главнѣйшія изъ этихъ опасностей. Чтобы избѣжать этихъ опасностей, я могу рекомендовать два надежныхъ средства: во-первыхъ, основательное и точное изученіе социальной экономіи; во-вторыхъ какое нибудь опредѣленное дѣло.

Спеціальное, сознательное, усердное и добросовѣстное изученіе науки, помимо преимуществъ вѣрнаго и яснаго пониманія, которое оно можетъ доставить, и той, хотя бы и ограниченной компетентности, которая благодаря ему пріобрѣтается, — кромѣ всего этого даетъ еще намъ возможность ясно сознавать и понимать всѣ трудности дѣла. А это, какъ извѣстно, очень важно. Я не противорѣчу себѣ. Какъ я только что за-

мѣтилъ, слѣдуетъ особенно заботиться о томъ, чтобы не отрѣзать себѣ выходовъ изъ спеціальнаго изученія, равно какъ и о томъ, чтобы не дѣлать слишкомъ поспѣшныхъ и опрометчивыхъ обобщеній. Но при умѣннн взяться за дѣло, именно такое изученіе,—при томъ, если предметъ его опредѣленъ вполне ясно,—именно оно и является наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ различныхъ утопій, неосновательныхъ идей, безразсудныхъ, запутанныхъ и сбивчивыхъ утвержденій. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вникнемъ во всѣ детали предмета, съ надлежащею точностію и тщательностію, если станемъ усиленно работать надъ этимъ труднымъ предметомъ, то какъ можемъ мы не замѣтить, что остается еще много такого, что намъ нужно сдѣлать, много такого, чему мы должны учиться? Тогда мы убѣдимся въ этомъ сами собой, на опытѣ извѣдаемъ всю свою недостаточность, и все свое невѣдѣніе. Мы увидимъ тогда, что вопросы имѣютъ множество изгибовъ и осложненій, чрезвычайно запутаны и до безконечности развѣтвляются. Такимъ образомъ, мы узнаемъ по крайней мѣрѣ одно,—и при томъ узнаемъ положительно, научно,—что ни теоріи, ни средства поправить дѣло не составляютъ экспромптомъ и на удачу.

Съ другой стороны, всякая опредѣленная дѣятельность неизбежно приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ или инымъ социальнымъ бѣдствіемъ, съ затруднительными социальными положеніями: мы, такъ сказать, собственными глазами видимъ раны, руками своими дотрогиваемся до нихъ; мы видимъ множество страдающихъ людей, у которыхъ умъ постепенно ослабѣвалъ и наконецъ совершенно пересталъ работать,—людей у которыхъ душа очерствѣла, которые дошли до скотскаго состоянія, которые совсѣмъ потеряли или извратили нравственное чувство. Мы видимъ вокругъ себя невѣроятную духовную и матеріальную нищету, чрезъ которую лишь мгновеніями просвѣчиваютъ нѣкоторые скудные остатки и слѣды добра. И вотъ эти-то, едва замѣтныя искры добра намъ и предстоитъ возстановить въ ихъ прежней цѣлости и оживить. Само собою понятно, что ко всему этому намъ положительно невозможно относиться равнодушно или съ простымъ любопытствомъ: без-

смысленныя и пустыя фразы, бесполезныя и напыщенныя слова и рѣчи, которыя возбуждаютъ въ другихъ лишь призрачныя надежды обманчивыя ожиданія,—все это здѣсь не умѣстно. Нѣтъ, мы должны работать, трудиться для того, чтобы доставить людямъ хоть нѣкоторое облегченіе, нѣкоторое улучшение въ ихъ положеніи,—произвести или приготовить хотя-бы лишь нѣкоторыя полезныя реформы, вызвать хотя бы лишь по одному вопросу благотворное измѣненіе въ мысляхъ, нравахъ, учрежденіяхъ, а, если возможно, то и въ самыхъ законахъ. Такимъ образомъ, для насъ является возможность дѣйствительнаго сближенія съ людьми низшаго положенія и происхожденія,—съ людьми сострадающими. Является возможность дѣйствительно служить имъ и дѣйствительно для нихъ что нибудь дѣлать.

Изученіе, но,—повторяю,—лишь серьезное и основательное изученіе, и дѣятельность, но опять-таки лишь дѣятельность серьезная и опредѣленная: вотъ что, хотя и въ различныхъ формахъ и степеняхъ, но тѣмъ не менѣе необходимо обязанъ дѣлать каждый мыслящій и къ чему—либо способный человѣкъ. Пусть развитое и благородное, смѣлое молодое поколѣніе увеличить собою число людей, компетентныхъ въ соціальныхъ вопросахъ и занятыхъ какимъ нибудь опредѣленнымъ, спеціальнымъ дѣломъ: тогда господствующія въ современномъ обществѣ идеи будутъ менѣе спутанны и сбивчивы, стремленія менѣе неопредѣленны. Тогда будетъ сдѣланъ уже шагъ впередъ къ достиженію соціального мира. Первый шагъ на этомъ пути принадлежитъ меньшинству: оно же должно дѣлать и дальнѣйшія усилія. Не слѣдуетъ дожидаться, пока то или другое дѣло сдѣлается чѣмъ-то банальнымъ и обыкновеннымъ, чтобы лишь послѣ этого и самому приниматься за него: тѣ, которые не умѣютъ дѣйствовать и поступать иначе, какъ по общепринятому шаблону и заведенному порядку, годны лишь на то, чтобы увеличивать собою толпу, уже идущую по опредѣленному, не ею найденному пути. Нѣтъ, намъ нужны инициаторы, нужны вожди,—смѣлые, рѣшительные люди, которые бы положили начало, хотя бы лишь самымъ незамѣтнымъ и скромнымъ образомъ, но имѣя при этомъ ясное намѣреніе,

опредѣленную цѣль и непоколебимую вѣру въ свои силы и въ свое будущее. Такие люди идутъ далеко, увлекають за собою другихъ и указываютъ имъ путь, создаютъ движеніе въ области идей, направляютъ силы на новую дѣятельность,—тѣмъ болѣе прочную, чѣмъ скромнѣе было ея начало и чѣмъ опредѣленнѣе, специальнѣе были первыя усилія въ той ограниченной сферѣ, въ которой они совершались. Имѣтъ возвышенныя намѣренія, строить обширныя планы и при этомъ умѣтъ дѣлать какое нибудь опредѣленное, сначала хотя бы и незначительное дѣло.—вотъ въ чемъ тайна великихъ дѣлъ.

И разъ человѣкъ вступилъ на этотъ путь, у него должно хватить мужества не останавливаться предъ сомнѣніями. Есть люди, обладающіе такой деликатною и, такъ сказать, робкою душою, что страхъ сдѣлать ложный шагъ иногда осуждаетъ ихъ на полнѣйшее бездѣйствіе. Едва только они начали дѣйствовать, какъ страхъ этотъ уже охватываетъ ихъ и они спрашиваютъ себя: не напрасно ли они такъ поступили,—достаточно ли чисто то дѣло, которое они дѣлають? И достаточно ли хорошо они его дѣлають? И тотъ идеаль, о которомъ они мечтають, кажется имъ стоящимъ до того недостижимо высоко надъ ними, что всякое усиліе, всякую попытку достичь его они признають неумѣстными и поэтому отказываются отъ нихъ, отказываются изъ опасенія сдѣлать или слишкомъ мало или слишкомъ плохо. По ихъ мнѣнію, нужно или все сдѣлать или ничего не дѣлать: совершенство или ничто,—полное отсутствіе дѣятельности, усилій воли! Это весьма обычное и естественное искушеніе, которому подвергаются многія благородныя души. Есть, конечно, много основаній и доводовъ, которые мы могли бы привести, если бы захотѣли возражать имъ и оспаривать такое ихъ мнѣніе. Но это было бы совершенно бесполезно: они до такой степени упорно держатся своей точки зрѣнія, что не стануть и слушать этихъ доводовъ. А если бы даже и удалось убѣдить ихъ выслушать эти доводы, то они все равно не понравились бы имъ и не заслужили бы ихъ одобренія. По моему, самое лучшее, что можно было бы въ данномъ случаѣ сдѣлать, это—поставить подобныхъ людей лицомъ къ лицу съ какимъ нибудь опредѣленнымъ бѣдствіемъ, страданіемъ, которое нужно было бы тотъ-часъ же об-

легчить, съ какимъ нибудь опредѣленнымъ добрымъ дѣломъ, которое нужно было-бы тотъ-часъ-же сдѣлать: ужели они и тогда не увидятъ и не почувствуютъ, что въ жизни есть вещи, не терпящія отлагательства, и что, слѣдовательно, необходимо дѣйствовать по мѣрѣ силъ и насколько возможно лучше, не заботясь о той грязи, которая пристаётъ къ намъ на нашемъ пути, не смущаясь и тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое вѣдь всегда существуетъ между преслѣдуемымъ нами идеаломъ и совершаемымъ нами дѣломъ, между благородствомъ цѣли и тою долею несовершенства, которая, благодаря нашимъ страстямъ и слабостямъ, всегда примѣшивается къ мотивамъ, опредѣляющимъ даже самыя лучшія наши поступки.

Есть и еще одна опасность, которой намъ слѣдуетъ остерегаться: это страхъ, мѣшающій намъ иногда доводить наше намѣреніе до конца. Особенно онъ проявляется въ виду высокихъ требованій христіанства. Въ настоящее время многіе просвѣщенные люди поражаются соціальною силою христіанской религіи и признають ее въ высшей степени благотворною, спасительною религіею. Однако, хватаетъ-ли у нихъ мужества сдѣлать отсюда какія-нибудь опредѣленные заключенія? Пусть наибольшая сила христіанской религіи, даже для наименѣе внимательныхъ къ этому людей, всего яснѣе проявляется по поводу вопроса о соціальномъ злѣ; но развѣ этимъ христіанство исчерпывается? Нѣтъ, вопросъ, самъ по себѣ болѣе обширенъ: онъ затрогиваетъ всѣ основные интересы человѣка и, безъ сомнѣнія, стоитъ того, чтобы его обсудить вполне серьезно и основательно, сознать всю его важность и употребить всѣ старанія, чтобы придти къ какому нибудь ясному твердому и рѣшительному заключенію относительно столь важнаго предмета.

* * *

(Окончаніе будетъ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Путь вѣры и благочестія христіанскаго. По руководству слова Божія и свято-отеческихъ примѣровъ и наставленій. Протоіерея Сергія Модестова. Москва, 1898 г., цѣна 1 руб.

Кто слѣдилъ въ послѣднее время за литературною дѣятельностію нашихъ богослововъ, тотъ легко могъ замѣтить два направленія этой дѣятельности: *научно-богословское* и *популярно-назидательное*. Если первое направленіе старается дать отвѣты на глубочайшіе запросы вѣры и религіознаго знанія; то второе—стремится распространить и закрѣпить въ сознаніи читателей христіанскія воззрѣнія въ общедоступной формѣ. Если сочиненія перваго рода имѣютъ въ виду читателей болѣе или менѣе образованныхъ, или, такъ называемыхъ, *интеллигентныхъ*; то втораго рода сочиненія предназначаются для читателей малообразованныхъ или даже полуграмотныхъ. Первые сочиненія въ собственномъ смыслѣ суть сочиненія *ученныя*, а вторыя—*популярныя*.

Безъ сомнѣнія, не легко быть дѣйствительнымъ или надлежащимъ популяризаторомъ какой угодно отрасли человѣческихъ знаній. Никакая школа не можетъ дать да, конечно, и не даетъ несомнѣнныхъ или неизмѣнныхъ правилъ популярнаго изложенія тѣхъ или другихъ истинъ. Писатель, рѣшающійся быть популяризаторомъ той или другой научной отрасли, всегда пролагаетъ новый путь; а потому, кромѣ яснаго знанія своего предмета, яснаго изложенія его и умѣнья заинтересовать имъ, долженъ еще хорошо знать ту измѣнчивую среду, для которой пишетъ свое сочиненіе, чтобы такимъ образомъ разсѣять туманъ, окутывающій сознаніе его читателей, и пропустить сюда

струю свѣта сообщаемыхъ имъ знаній. Онъ долженъ какъ бы жить двойнымъ сознаниемъ, собственнымъ и своихъ читателей, чтобы оба эти сознанія привести къ высшему единству. Конечно, это дѣло не легкое. Здѣсь, кромѣ научныхъ знаній и таланта, требуется еще глубокая опытность и возможно полное знакомство съ тѣмъ кругомъ читателей, для которыхъ писатель предназначаетъ свое сочиненіе. Но еще труднѣе быть дѣйствительнымъ или надлежащимъ *популяризаторомъ*—*богословомъ*. Авторская задача богослова—популяризатора состоитъ не только въ томъ, чтобы сообщить читателю тѣ или другія богословскія свѣдѣнія, но и въ томъ, чтобы согрѣть его сердце свѣтомъ нравственно-религіозныхъ истинъ и дать то или другое практическое направленіе его нравственной свободѣ. Здѣсь, слѣдовательно, недостаточно простой житейской опытности; здѣсь требуются еще глубокія *психологическія* наблюденія и соображенія, всегда видоизмѣняющіяся и расширяющіяся съ историческимъ развитіемъ общественной жизни; здѣсь надобно знать существующія въ извѣстной средѣ благоприятныя и неблагоприятныя условія въ дѣлѣ сообщенія ей или утвержденія ея въ христіанскихъ истинахъ; здѣсь надобно знать ея господствующія предразсудки, предубѣжденія, заблужденія, пороки и т. п.; и все это надобно принять во вниманіе при написаніи популярнаго богословскаго сочиненія. Съ этой точки зрѣнія мы не особенно довѣряемъ нашей школьной гомилетикѣ и вполне соглашаемся съ тѣми писателями, которые отъ провозвѣстниковъ христіанскихъ истинъ, церковныхъ ораторавъ и писателей, кромѣ таланта, требуютъ еще умѣлаго развитія таланта, глубокаго знанія среды, гдѣ имъ приходится дѣйствовать и опытнаго, а не теоретическаго знакомства съ этою средою ¹⁾). Ко-

¹⁾ См. обстоятельное развитіе этой мысли въ сочиненіи преосвященнаго Амвросія, подъ названіемъ: „Живое слово“. Харьковъ. 1889 г. Къ этому убѣжденію, кажется, приходятъ теперь и наши молодые церковно-общественные дѣятели. Извѣстно, что при „Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ С.-Петербургѣ“ существуетъ кружокъ молодыхъ проповѣдниковъ, въ засѣданіяхъ котораго обсуждаются вопросы собесѣдованія съ народомъ не на основаніи школьной гомилетики, а на основаніи знакомства съ народомъ и его религіозныхъ потребностей. См. въ „Церк. Вѣстн.“ 1897 г. № 48 и 49 статью: *Послѣднія засѣданія собранія проповѣдниковъ*.

нечно, слово Божіе живо и дѣйственно; оно понятно и величайшему мудрецу, и самому простому христіанину. По словамъ Евангелія, божественная премудрость всегда оправдывается въ чудахъ премудрости (Мѡ. гл. II, ст. 19). Но еще не наступило то время, когда „всѣ познають Бога“ и „когда блуждающіе духомъ уразумѣють мудрость и непокорные научатся смиренію“ (Перем. гл. 31, ст. 39. Ис. 39, 24). И о нашихъ современникахъ въ большинствѣ случаевъ можно сказать тоже. что сказалъ Спаситель о своихъ слушателяхъ: „Кому угодно родъ сей? Онъ подобенъ дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ, и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, говорятъ: мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали, мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали“ (Мѡ. гл. II, ст. 16 и 17).

Книга, заглавіе которой мы выписали вначалѣ, тоже принадлежитъ къ числу популярныхъ богословскихъ сочиненій. О. протоіерей Модестовъ задается цѣлю общенароднаго учительства. онъ хочетъ преподавать свои уроки вѣры и благочестія читателямъ малообразованнымъ, а потому сочиненіе свое озаглавливаетъ „Путь вѣры и благочестія христіанскаго“. При этомъ онъ хочетъ преподавать эти уроки въ такомъ видѣ, чтобы самый неискусный, какъ выражается онъ, въ разумѣніи священныхъ писаній могъ уяснить себѣ высокія истины вѣры и нравоченія христіанскаго. Онъ самъ говоритъ о своемъ сочиненіи: „имѣя въ виду это (т. е. эту цѣль сочиненія), авторъ предлагаемаго сочиненія, при изъясненіи обязанностей христіанина относительно вѣры и благочестія, особенно обращаетъ вниманіе на то, чтобы свои объясненія подкрѣплять свято-отеческими примѣрами и наставленіями, заимствованными изъ Четыи Мисей, Пролога, Патериковъ и другихъ достопамятныхъ сказаній о святыхъ подвижникахъ, представляющихъ для нашего подражанія великій, преиспещренный разнообразными цвѣтами добродѣтели, лугъ духовный, среди котораго, ревнующая о своемъ спасеніи, душа христіанская можетъ живѣе восчувствовать благоуханіе и сладость добродѣтельнаго житія и отвращаться отъ смрада грѣховнаго“. Такимъ образомъ почтенный авторъ въ сочиненіи своемъ соединяетъ дидактическую цѣль съ воспитательною, наученіе съ путеводительствомъ.

Планъ сочиненія нашего автора очень простъ. Изъ обширной области богословскихъ предметовъ, онъ избираетъ или только то, что наиболѣе трудно для пониманія его читателей, что наиболѣе полезно въ ихъ христіанской жизни, или наконецъ только то, что наиболѣе превратно понимается среди современнаго намъ общества малопросвѣщенныхъ христіанъ. Весь обширный матеріалъ своихъ уроковъ и наставленій онъ излагаетъ въ десяти рубрикахъ и говоритъ: 1) о необходимости и способахъ Богопознанія и поученій въ законѣ Божіемъ; 2) о вѣрѣ христіанской; 3) о надеждѣ на Бога и Его Святой Промыслъ; 4) о святой православной Церкви и ея Божественныхъ установленіяхъ; 5) о внутреннемъ и внѣшнемъ Богочтеніи; 6) объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ; 7) объ обязанностяхъ христіанина въ отношеніи къ ближнимъ; 8) объ обязанностяхъ христіанина въ семейномъ отношеніи; 9) объ общественныхъ обязанностяхъ христіанина; и наконецъ, 10) о смерти и загробной участи человѣка. Уже изъ этого перечисленія главныхъ отдѣловъ сочиненія читатель видитъ, что нашъ почтенный авторъ не держится какого-либо общепринятаго или школьнаго дѣленія богословскихъ предметовъ знанія. Онъ говоритъ лишь о томъ, что признаетъ наиболѣе необходимымъ или наиболѣе полезнымъ для своихъ читателей. Это же еще съ большою ясностію открывается изъ разсмотрѣнія частныхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается въ томъ или другомъ отдѣлѣ своего сочиненія. Такъ, говоря о необходимости и способахъ Богопознанія и поученій въ законѣ Божіемъ, онъ въ то же время говоритъ о познаніи Бога изъ разсмотрѣнія видимой природы, о Божественномъ откровеніи, о слышаніи святаго Евангелія, о поученіи книжномъ, о происхожденіи славянской грамоты и пр. Ясно, что при своихъ разсужденіяхъ нашъ писатель не держится строго логическаго плана; онъ свободно бесѣдуетъ о предметахъ, имѣющихъ часто лишь косвенное отношеніе къ отдѣлу сочиненія, но важныхъ по степени умственнаго и нравственнаго развитія его читателей и ихъ научной подготовки. Очевидно, планъ для него дѣло второстепенное и не имѣетъ особеннаго значенія въ его сочиненіи.

Для автора какъ и для его читателей главное дѣло состо-

ить, конечно, въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію и въ томъ освѣщеніи, которое онъ даетъ имъ. Именно этимъ опредѣляется достоинство популярнаго сочиненія. Именно при этомъ популярный писатель долженъ являться духовнымъ врачомъ, который хорошо долженъ знать духовные недуги своихъ пасомыхъ и долженъ предлагать имъ наиболѣе цѣлебныя лекарства, сообразно съ состояніемъ ихъ здоровья, характеромъ, силою и развитіемъ ихъ духовныхъ недуговъ. И надобно сказать, что именно въ этомъ отношеніи о. протоіерей Модестовъ стоитъ на высотѣ своей задачи. Онъ всегда имѣетъ въ виду читателей не только не искусныхъ въ пониманіи св. Писанія, малообразованныхъ и малограмотныхъ, но именно отличающихся характеристическими особенностями въ наше время. Имѣя въ виду это, онъ всегда старается предохранить своихъ читателей, съ одной стороны, отъ неразумной пытливости, столь свойственной нѣкоторымъ личностямъ изъ простаго народа въ наше время, а съ другой—привести ихъ къ полному послушанію православной вѣры. Такъ, рассуждая о высокоумдріи, онъ между прочимъ говоритъ: „Богъ все открылъ намъ, что нужно для спасенія нашего—допытываться сокровеннаго и искать больше того, что предано намъ богоизбранными провозвѣстниками откровеннаго ученія, значитъ идти противъ воли Божіей, положившей границу нашему разумѣнію,—значитъ высоко думать о себѣ и не имѣть вѣрнаго понятія о слабости и даже ничтожности ума нашего относительно предметовъ высшихъ, пренебесныхъ. Это есть духовная гордость, богопротивная и гибельная для человѣка“. Отсюда у него получается выводъ, что „намъ должно съ глубокимъ смиреніемъ подчиниться вѣрѣ,—преклонить нашъ разумъ въ послушаніе ея и во свѣтѣ этой вѣры искать истиннаго просвѣщенія,—а не довѣрять блуждающему и обманчивому свѣту естественнаго нашего знанія“. Все это затѣмъ иллюстрируется у нашего автора повѣствованіемъ изъ жизни пр. Пимена Великаго и заключается слѣдующимъ назидательнымъ увѣщаніемъ: „мудрость безъ добродѣтели есть зло и высокоумныхъ Господь отвергаетъ, подавая благодать свою только смиренномудрымъ“ (стр. 41—43).

Не трудно догадаться о какой мудрости и о каких мудрецахъ говорить нашъ писатель. Это тѣ суемудрые искатели религіозной мудрости, которые, не довѣряя законнымъ пастырямъ, собственнымъ умомъ доходятъ до невѣроятныхъ нелѣпостей, или находятъ себѣ руководителей въ расколѣ и сектанствѣ. А ихъ въ послѣднее время является все больше и больше. Писатель говоритъ: „Къ величайшему прискорбію, это мы и видимъ у себя въ православномъ отечествѣ нашемъ среди раскольниковъ и многихъ сектантовъ, отдѣляющихся отъ церкви и отвергающихъ ея спасительное руководство. Посмотрите, кто въ этихъ противоцерковныхъ обществахъ заправляетъ всѣмъ строемъ религіозной жизни. Простыя, безграмотныя лица, неимѣющія никакого основательнаго образованія, не изучившія догматовъ вѣры и исторіи церкви, хотя много читавшія, но отрывочно, безъ плана и порядка. Что могутъ внушить такіе невѣжественные начетчики своимъ довѣрчивымъ слушателямъ, кромѣ ложныхъ понятій о вѣрѣ и церкви, тѣмъ болѣе опаснымъ, что они всегда бываютъ прикрыты хитросплетенными лжемудрованіями и толкованіями слова Божія“ (стр. 2).

Предохраняя своихъ читателей отъ высокоумдія, граничащаго съ суемудріемъ, и предостерегая ихъ отъ невѣжественныхъ начетчиковъ, нашъ писатель требуетъ однако же отъ своихъ читателей христіанскаго самообразованія, преподаетъ прекрасныя уроки этого спасительнаго дѣла и разсѣваетъ тѣ возраженія, которыя обыкновенно предлагаются по этому поводу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Кто умѣетъ грамотѣ, говоритъ онъ, тотъ пусть читаетъ священныя и душеполезныя книжки и братолюбиво да предлагаетъ свое чтеніе другимъ—неграмотнымъ. Прискорбно сознаться, что нѣкоторые изъ насъ мало заботятся о своемъ духовномъ просвѣщеніи. Много изучаютъ наукъ свѣтскихъ, много читаютъ книгъ ради временной своей житейской пользы и суетнаго развлеченія, но не только не прилежатъ чтенію книгъ религіозныхъ и нравоучительныхъ, но даже и въ домѣ не имѣютъ книгъ Священнаго Писанія, или такъ называемой Библіи“ (стр. 10). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „напрасно нѣкоторые воображаютъ, что они все сдѣлали, если въ урочное время сходили въ церковь, выстояли всѣ службы и исполнили

внѣшній обрядъ религіозный, а въ смыслъ богослуженія не вникнули и, уйдя изъ церкви, не вынесли съ собою въ душѣ никакого плодотворнаго руководства для совершеннаго, мирнаго и безгрѣшнаго проважденія дней своихъ“. Какъ же быть, — скажутъ нѣкоторые, когда мы многое не понимаемъ изъ того, что читается и поется въ церкви. „Правда, безъ привычки самый языкъ славянскій, на которомъ совершается церковная служба, сначала кажется многимъ труднымъ для пониманія. Но это трудно только для тѣхъ, которые сами не хотятъ узнать этотъ, хотя древній, но родной языкъ, и не стараются привыкать къ нему чтеніемъ книгъ славянскихъ или слушаніемъ поученій, объясняющихъ богослуженіе. Нынѣ всякій можетъ легко приобрѣсти для себя общедоступныя по цѣнѣ изданія Евангелія, апостола, псалтири на русскомъ общепонятномъ нарѣчїи, а также книжки и листики, содержащїе изложеніе и объясненіе службъ церковныхъ, литургїи, праздникоуъ и постовъ. „Желающіе просвѣщенія духовнаго найдутъ въ этихъ книжкахъ удовлетворительное для себя разъясненіе того, что имъ кажется непонятнымъ въ службѣ церковной. Да, наконецъ, нельзя сказать, чтобы въ нашихъ церковныхъ чтенїяхъ и пѣснопѣнїяхъ было очень много непонятнаго. Большая часть славянскихъ словъ и выраженій вполне могутъ быть уразумѣваемы даже людьми малограмотными. Причина непониманія службъ церковныхъ болѣе въ насъ самихъ, въ нашей холодности къ духовному просвѣщенію и въ разсѣянности при богослуженїи“ (стр. 15—16). Прекрасныя практическія наставленія! Они вполне примѣнены къ кругу извѣстныхъ читателей и дышатъ теплотою пастырской любви. Но нашъ писатель не ограничивается и этимъ; онъ преподастъ свои пастырскія наставленія и тѣмъ, которые признаютъ себя не только малограмотными, но и малоспособными. Онъ говоритъ: не могутъ быть правы въ уклоненїи отъ внимательнаго служенія душеспасительныхъ назиданій въ словѣ Божїемъ и тѣ изъ простыхъ, малограмотныхъ христіанъ, которые чувствуютъ себя неспособными къ пониманію и удержанію въ памяти того, что слушаютъ. Хотя ты мало понимаешь и мало помнишь, все таки слушай и получишь пользу. Вотъ какой наглядный примѣръ приводится о семъ въ отеческихъ сказанїяхъ: „Одинъ

иннокъ пришелъ къ старцу и съ прискорбіемъ повѣдалъ, что онъ часто внимаешь наставленіямъ отцовъ, но что они ему ни скажутъ, ничего онъ не помнитъ. У старца были два пустые кувшина; старецъ сказалъ брату: „поди, возми одинъ изъ этихъ сосудовъ, налей въ него воды, вымой, воду вылей и сосудъ, кверху дномъ, поставь на свое мѣсто“. Сдѣлавъ это братъ, по повелѣнію старца, трижды. Тогда старецъ спросилъ: „Который изъ двухъ сосудовъ чище“? Братъ отвѣчалъ: „тотъ, въ которомъ я наливалъ воду и который мылъ“. На это старецъ сказалъ: „такъ и та душа, которая часто слышитъ слово Божіе, хотя не удерживаетъ въ памяти ничего изъ слышаннаго, однако болѣе очищается, нежели та, которая никогда не вопрошаетъ и не слышитъ слова Божія“. Къ этому можно прибавить, продолжаетъ нашъ писатель, еще то замѣчаніе, что самое непониманіе истинъ религіи зависитъ отъ малаго упражненія въ размышленіи объ этихъ истинахъ. Чѣмъ чаще мы будемъ думать о Богѣ, о своей душѣ и о вѣчномъ нашемъ спасеніи, тѣмъ болѣе и болѣе будутъ для насъ понятны глаголы жизни, изреченные въ св. Писаніи“ (стр. 17—18). Но и этого мало. Писатель идетъ дальше, онъ хочетъ развить въ своихъ читателяхъ особенную любовь къ славянской грамотѣ, потому что для насъ славянская грамота, изобрѣтенная нашими первоучителями, есть такое драгоценное наслѣдіе, которымъ мы особенно должны дорожить, какъ священнымъ знаменемъ нашего православія и народности. Онъ усволяетъ этой грамотѣ почти чудесное происхожденіе и въ доказательство этого приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ письма Византійскаго императора Михаила къ Моравскому князю Ростиславу (862 г.): „Богъ нашъ христіанскій сотворилъ у насъ въ Царьградѣ *чудо*, явилъ буквы въ вашъ (славянскій) языкъ. Пока вы жили въ идолопоклонствѣ, у васъ не было своей грамоты; но едва вы лишь увѣровали, Богъ причитаетъ васъ къ великимъ народамъ, даетъ вамъ разумѣніе книжное. Примите отъ насъ (грековъ) то, что дороже золота и цвѣтныхъ камней,—книги новыя вашей грамоты. Съ ними я вамъ шлю въ наставники мудреца—того самаго, которому открылись буквы“ (стр. 23).

Полагаемъ, что изъ приведенныхъ нами выдержекъ можно

ясно видѣть какихъ читателей имѣетъ въ виду нашъ писатель и какими авторскими приѣмами онъ пользуется при сообщеніи имъ своихъ уроковъ и наставленій. Приѣмы эти очень просты и несложны; но именно эта простота, соображенная съ степенью развитія и пониманія его читателей, сообщаетъ особенное достоинство его сочиненію. О какомъ бы предметѣ онъ ни говорилъ, онъ намѣренно избѣгаетъ всякихъ школьныхъ опредѣленій и логическихъ дѣленій и подраздѣленій. Онъ характеризуетъ свой предметъ двумя—тремя чертами, наиболѣе яркими и наиболѣе понятными, и затѣмъ старается закрѣпить его въ сознаніи своихъ читателей словомъ Божіимъ, ученіемъ св. отцовъ и назидательными повѣствованіями изъ жизни святыхъ подвижниковъ и благочестивыхъ людей. Отсюда его уроки и наставленія, при требуемой имъ полнотѣ, отличаются краткостію, законченностію и округленностію, что имѣетъ весьма важное значеніе для читателей полупросвѣщенныхъ или даже малограмотныхъ. Ни о какомъ предметѣ,—а эти предметы, какъ мы видѣли, очень разнообразны у него,—онъ не распространяется болѣе, чѣмъ на трехъ или четырехъ страницахъ и спѣшитъ къ нравственному выводу, показывая прелѣсть добродѣтели и безобразіе порока. Онъ боится утомить своихъ читателей сухими и отвлеченными умствованіями. Замѣчательно, что эти же авторскія приѣмы онъ сохраняетъ и тогда, когда говоритъ о предметахъ весьма серьезныхъ и трудныхъ. Что, напримѣръ, можетъ быть выше, глубже и таинственнѣе христіанскаго ученія о Пресвятой Троицѣ? Но и при этомъ онъ остается вѣрнымъ себѣ. Сообщивши кратко православное ученіе о св. Троицѣ и подтвердивши его словомъ Божіимъ и ученіемъ св. отцевъ, онъ старается выяснитъ этотъ таинственный христіанскій догматъ извѣстнымъ сравненіемъ св. Кирилла, нашего славянскаго просвѣтителя, въ его спорѣ съ агарянами. Онъ приводитъ слѣдующее сравненіе. Въ солнцѣ три вещи, говоритъ онъ: кругъ сіяніе и теплота, такъ въ Пресвятой Троицѣ три Лица: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. И какъ солнце состоитъ изъ трехъ веществъ: изъ круга, сіянія и теплоты, но не раздѣляется на три солнца, такъ и Пресвятая Троица, хотя имѣетъ три Лица: Отца, Сына и Духа Святаго,

однако Божествомъ не раздѣляется на три Бога, но Единъ есть Богъ (жит. св. Кирилла и Меѳодія 11 мая). И все это онъ заключаетъ увѣщаніемъ своихъ читателей, чтобы они съ полною вѣрою, безъ всякихъ недоумѣній и колебаній, содержали и исповѣдывали непрестанно устами и сердцемъ преданное намъ отъ Бога ученіе о св. Троицѣ. „Смиримся, говоритъ онъ, умомъ своимъ предъ непостижимостію этой тайны и Господь не отрыпнетъ насъ“ (стр. 37—38). И все это высокое ученіе онъ излагаетъ менѣе, чѣмъ на четырехъ страницахъ! Быть можетъ, пытливые читатели потребовали бы отъ него болѣе глубокихъ или обширныхъ разъясненій этой тайны. Известно, что по этому предмету могутъ быть составляемы обширные трактаты. Но для читателей о. протоіерея Мальцова совершенно достаточно и того, что онъ нашелъ необходимымъ сказать имъ.

Наконецъ, какъ на особенный авторскій приемъ нашихъ популярныхъ писателей надобно указать на иллюстрированіе ими религіозно-нравственныхъ истинъ примѣрами и повѣствованіями, заимствованными изъ Четыи Миней, Пролога, Патерика и другихъ достопамятныхъ сказаній о жизни святыхъ и богоугодныхъ людей. О. протоіерей Модестовъ тоже пользуется этими примѣрами и повѣствованіями, гдѣ только представляется къ этому возможность. Нѣтъ сомнѣнія, что приемъ этотъ вполне соотвѣтствуетъ религіознымъ запросамъ нашего простого народа. Народъ нашъ любитъ читать житія святыхъ, въ которыхъ онъ видитъ образцы христіанскихъ подвиговъ и которыми поддерживаетъ и питаетъ свое живое стремленіе къ идеалу нравственнаго совершенства. А потому авторскій приемъ этого рода вполне законенъ и не есть новостъ въ нашей богословской литературѣ. О. протоіерей Модестовъ заимствовалъ его у прежнихъ писателей; ему принадлежитъ только заслуга подбора и примѣненія приводимыхъ имъ изрѣченій и повѣствованій къ разнообразнымъ предметамъ своихъ уроковъ и наставленій. Но какъ надобно смотрѣть на тѣ примѣры и повѣствованія, которые съ какой либо либеральной или раціоналистической точки зрѣнія могутъ быть заподозрѣны въ легендарности и потому могутъ представляться сомнительными или малодостоверными? Приведемъ изъ книги о. Модестова одинъ примѣръ. Ци-

сатель хочетъ показать, какую великую силу имѣетъ имя Божіе, произносимое съ вѣрою и благоговѣніемъ. Раскрывши эту истину на основаніи слова Божія и своихъ соображеній, онъ затѣмъ иллюстрируетъ ее слѣдующимъ повѣствованіемъ. Въ Константинополѣ, говоритъ онъ, жилъ чародѣй, который хотѣлъ привести къ служенію бѣсамъ одного христіанскаго отрока. Чтобы показать ему силу и величіе князя бѣсовскаго, чародѣй увелъ отрока за городъ въ пустое не населенное мѣсто. И вотъ, обольщенному отроку представился большой городъ съ желѣзными воротами. Чародѣй входитъ съ отрокомъ въ воображаемый городъ и вводитъ въ стоящій посреди его храмъ. При входѣ въ храмъ видитъ отрокъ много свѣтильниковъ горящихъ и на высокомъ престолѣ нѣкоего сидящаго, подобно царю, и окруженнаго многочисленными слугами. Это былъ князь бѣсовскій, который радостно привѣтствовалъ чародѣя, посадилъ его рядомъ съ собою и спросилъ, для чего онъ привелъ отрока? Чародѣй отвѣчалъ: „Мы—твои слуги и онъ хочетъ быть твоимъ“. Сатана спрашиваетъ отрока: „Мой ли ты слуга? Отрокъ воскликнулъ: „Я служитель Отца и Сына и Святаго Духа“. Отъ этого возгласа вдругъ палъ съ престола сатана, пали всѣ окружающіе его, погибъ чародѣй, исчезли и всѣ призраки города и храма. Отрокъ остался одинъ среди поля и, увидѣвъ около себя коня, поспѣшно на немъ возвратился въ городъ и рассказалъ все бывшее съ нимъ (стр. 157—158). Можно пожалѣть о томъ, что почтенный писатель не приводитъ цитаты, т. е. не указываетъ сочиненія, изъ котораго онъ заимствуетъ это повѣствованіе. Но въ сущности, что же здѣсь невѣроятнаго? Истина существованія злыхъ духовъ и ихъ злобнаго вліянія на людей есть несомнѣнная христіанская истина. Пусть даже какой либо зараженный раціонализмомъ читатель въ подобныхъ повѣствованіяхъ заподозритъ легендарныя черты; признавая бытіе злыхъ духовъ, пусть усомнится въ достовѣрности самаго повѣствованія. Но несомнѣнно, что народъ нашъ не знакомъ съ прогматическою или критическою исторіею; онъ живетъ преимущественно легендою. И Богъ знаетъ, гдѣ больше бываетъ иногда истины—въ ученomъ ли трактатѣ, или въ поэтическомъ сказаніи? Справедливо поэтому говорить

К. П. Побѣдоносцевъ: „народъ понимаетъ ее (легенду) и любитъ ее,—и, прибавимъ, продолжаетъ творить ее, не только потому, что склоняется къ чудесному, но потому еще, что чуетъ въ ней глубокую истинную, абсолютную истину идеи и чувства.— истину, которую не можетъ дать ему никакой—самый тонкій и художественный—критическій анализъ фактовъ“. А между тѣмъ „въ этой оболочкѣ, не рѣдко грубой, народнаго вѣрова- нія таится самое зерно вѣры, способное къ развитію и одухотворенію, таится та же вѣчная истина. Въ обрядахъ, въ преданіяхъ, въ символахъ и обычаяхъ—масса народная видитъ реальное и дѣйствительное воплощеніе того, что въ отвлеченной идеѣ было бы для нея нереально и бездѣйственно“¹⁾. Истина существуетъ и въ легендѣ. Это не измышленіе, а то же созерцаніе истины, только въ художественной формѣ. Популярный писатель долженъ принять это въ соображеніе и во всякомъ случаѣ долженъ опасаться, чтобы, исторгая плевелы, не исторгнуть и пшеницы.

Книга о. протоіерея С. Модестова несомнѣнно популярная. По своему содержанію она по справедливости должна быть признана общедоступною хрестоматіею христіанской вѣры и христіанскаго благочестія. Она написана языкомъ литературнымъ, яснымъ, простымъ и чуждымъ всякаго подлаживанія подъ простонародный говоръ; она согрѣта теплотою христіанскаго чувства и соображена со степенью религіозно-нравственнаго пониманія своихъ читателей. На этихъ основаніяхъ мы признаемъ ее несомнѣнно полезной для сельскихъ библіотекъ, народныхъ школъ и даже для церковныхъ и внѣ церковныхъ собесѣдованій нашихъ сельскихъ пастырей съ своими прихожанами.

К. И—нъ.

¹⁾ „Московскій Сборникъ“. Изд. 2. Москва, 1896 г. Стр. 141 и 151.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Денября № 23. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 году (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Воззваніе.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 9-й день ноября, на награжденіе за труды по народному образованію, діакона церкви слободы Великаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Василя *Таворова* серебряною медалью, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: прихожане Петро-Павловской церкви слободы Лимана, Изюмскаго уѣзда, пожертвовали изъ общественныхъ суммъ 500 руб. на ремонтъ иконостаса названной церкви; прихожане Рождество-Богородичной церкви слободы Бондаревой, Старобѣльскаго уѣзда, пожертвовали изъ общественныхъ суммъ 800 руб. на внутреннюю и наружную ремонтровку названной церкви; жена Зміевскаго купца Евдокія Донцова пожертвовала въ приходскую церковь двѣ серебряныя

позолоченныя ризы на мѣстные иконы Спасителя и Божіей Матери, вѣсомъ въ 16 $\frac{1}{2}$ фун., стоимостью 755 руб.; прихожанинъ Преображенской церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Матвѣй Петля пожертвовалъ 1,000 руб., на сооруженіе сребропозлащенной ризы на икону Божіей Матери Скорбящей; надзиратели Андреевскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, въ числѣ 47-ми человекъ, на собранные между собою 160 руб. приобрѣли кѣтъ съ храмовой иконой святыхъ апостоловъ Петра и Павла, съ неугасимою лампадою, съ тѣмъ, чтобы ежегодно въ опредѣленный ими день совершаемъ былъ молебенъ о здравіи и долгоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 14-й и 21-й день октября 1897 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ“.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Въ спискѣ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, награжденныхъ за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 11—20 іюня 1897 года за № 1954, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамоты, Харьковскому мѣщанину Давиду *Верещинову*.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1897 г.

(Продолженіе *).

9. 8 лекцій по гигиенѣ, выслушанныя курсистами въ университетскихъ аудиторіяхъ, иллюстрировались при помощи различныхъ анатомическихъ картинъ и препаратовъ; такъ, имъ показанъ былъ скелетъ, черепъ, кисть руки, мозгъ, сердце и т. п., а также произведены были нѣкоторые опыты, подтверждавшіе теоретическія свѣдѣнія о дѣятельности нервной системы и кровообращенія.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 22.

На 6 лекціяхъ, прочитанныхъ профессоромъ въ семинарской аудиторіи, главнымъ образомъ по школьной гигиенѣ и подаію первой помощи въ случаяхъ заболѣваній, на школьниковъ, приведенномъ въ аудиторію, показаны были различные способы производства искусственнаго дыханія, разнаго рода перевязокъ, откачиванія утоенниковъ и т. п. Кромѣ того въ одинъ изъ воскресныхъ дней слушатели курсовъ были приглашены профессоромъ Скворцовымъ для обозрѣнія университетскаго анатомическаго театра.

10. На лекціяхъ по садоводству и огородничеству слушателямъ курсовъ показаны были взятые лекторомъ изъ коллекцій Харьковскаго земледѣльческаго училища разборныя модели: корня пшеницы, пшеничаго зерна, древеснаго ствола и образцы различныхъ удобреній. Въ садахъ и питомникахъ Грѣккѣ курсистамъ послѣдовательно было показано все теченіе жизни дерева и уходъ за нимъ, именно: приготовленіе грядки, посѣвъ сѣмянъ, уходъ за деревомъ въ 1-й, 2-й, и 3-й годъ, различные способы окулировки и прививки деревьевъ, которую производили сами курсисты, образование кроны плодоваго дерева и т. д. и наконецъ въ семинарскомъ саду показанъ былъ способъ приготовленія ямъ для посадки деревьевъ и произведена самая посадка.

11. На лекціяхъ по пчеловодству въ аудиторіи лекторомъ были демонстрированы: разборная модель пчелы; натуральные препараты матки, рабочей пчелы и трутня; соты съ различнаго рода ячейкамъ; натуральные и свичевые маточники, маточникъ открытый и прогрызенный пчелами; яички, открытая и закрытая черва; маточныя клѣточки, колпачки для матокъ; Гацемановскія рѣшетки и т. п. При посѣщеніи Харьковскаго земледѣльческаго училища, на пасѣкѣ, находящейся въ завѣдываніи лектора Липидевскаго, слушателямъ курсовъ были показаны ульи различныхъ системъ: Берленша, Левицкаго, Зубарева, Русскаго Общества пчеловодства и Дадана; при чемъ нѣкоторые ульи съ семьями пчелъ, представлявшими особый интересъ для слушателей, были разобраны; устройство нуклеуса, мѣсто зимовки пчелъ и другія принадлежности пасѣчнаго хозяйства. Кромѣ того, на пасѣкѣ въ присутствіи и при участіи самихъ курсистовъ были произведены слѣдующія работы: растапливаніе вощины и полученіе чистаго воска; приготовленіе искусственной вощины посредствомъ вальцовъ и вафельницъ; наващиваніе рамокъ; отдѣленіе меда на центробѣжкѣ. Каждый курсистъ изъ купленнаго для нихъ $\frac{1}{2}$ пуда

воску сдѣлать для себя форму искусственной вошины, которые они и взяли съ собою.

VII. Занятія необязательныя.

Къ числу необязательныхъ занятій на Харьковскихъ курсахъ относились обученіе скрипичной игрѣ, занятія ремеслами: токарнымъ, столярнымъ и переплетнымъ и для учительницъ—бройка. Эти занятія производились въ послѣобѣденное время отъ 3 до 5 часовъ.

1. По столярному ремеслу даво было 13 уроковъ на 2 часа каждый.

Задачею руководителя занятій служило ознакомленіе слушателей курсовъ съ инструментами, употребляющимися въ столярномъ ремеслѣ. Имъ сообщено было: названіе инструментовъ и примѣненіе ихъ къ дѣлу; о заготовкѣ и просушкѣ матеріала; приемы съ столярной пилой, шерфбедемъ, рубанкомъ одинарнымъ и двойнымъ, фуганкомъ, угольникомъ, релюсомъ, долотомъ; показаны были приемы зашлифованія шиповъ и долбленія проушковъ связки на зубчатые шипы въ прямомъ и въ косыхъ направленіяхъ.

2. По токарному ремеслу дано было 12 уроковъ по 2 часа каждый.

Цѣль преслѣдовалась главнымъ образомъ та же, что и при обученіи столярному ремеслу—ознакомленіе съ инструментами, употребляющимися въ токарномъ ремеслѣ и умѣнье пользоваться ими. Изучавшимъ ремесло сообщено было: названіе инструментовъ, о приемахъ обращенія съ ними, разборкѣ станковъ, перешивкѣ ремней, установкѣ дерева и т. д. Показано было, какъ точить рееромъ (полукруглымъ долотомъ) и плоскимъ долотомъ; какъ точить цилиндръ по циркулю рееромъ и плоскимъ долотомъ, какъ вырѣзывать на цилиндрѣ закругленія и выемки и т. д.

Обученіе токарному и столярному ремесламъ производилось въ нечетныя числа, такъ какъ многіе изъ обучавшихся этимъ ремесламъ въ четныя числа занимались переплетнымъ мастерствомъ. Но тѣ слушатели курсовъ, которые переплетнаго ремесла не изучали, занимались, при участіи руководителя токарнымъ и столярнымъ ремеслами и въ четныя числа. Для обученія токарному и столярному ремеслу, взяты были на прокатъ 3 токарныхъ станка и 5 верстаковъ съ достаточнымъ количествомъ инструментовъ. Хотя въ такой короткій срокъ, какъ 12—13 уроковъ, невозможно

было сдѣлать многое, тѣмъ не менѣе курсистами сдѣлано было совершенно самостоятельно нѣсколько вещей: прекрасные школьные шведскіе счеты съ точеными косточками, нѣсколько табуретовъ, нѣсколько ящичковъ, пюпитръ, этажерка (за краткостію времени не окончена), нѣсколько вѣшалокъ, и т. под.

Столярнымъ ремесломъ занимались слѣдующіе 20 курсистовъ: *Воронежской епархіи*: Поповъ Георгій; *Донской епархіи*: Клавсуцъ Иванъ, Кузьминъ Василій, Кулькинъ Θεодоръ, Молчановъ Стефанъ; *Пензенской епархіи*: Виноградовъ Константинъ, Киселевъ Василій, Ключаревъ Василій, Никитинъ Павелъ, Офицеровъ Викторъ, Саввинъ Сергѣй, Соколовъ Θεодоръ; *Ставропольской епархіи*: Винниковъ Константинъ; *Таврической епархіи*: Олтаржевскій Николай; *Харьковской епархіи*: Войтенко Владиміръ, Посельскій Андрей, Строновскій Павелъ, Толмачевъ Иванъ, Чебановъ Яковъ и Ястремскій Θεофилъ.

Токарнымъ ремесломъ занимались слѣдующіе 15 курсистовъ: *Воронежской епархіи*: Абрамовъ Иванъ, Ивановъ Виталій, Поповъ Георгій; *Донской епархіи*: Клавсуцъ Иванъ, Ковалевъ Иванъ, Кулькинъ Θεодоръ; *Пензенской епархіи*: Голубевъ Павелъ, Макаровъ Петръ, Масловскій Алексѣй; *Таврической епархіи*: Власовъ Данилъ; *Харьковской епархіи*: Войтенко Владиміръ, Петрусенко Прокопій, Половъ Θεоктистъ, Првходинъ Филиппъ и Христіановскій Иванъ.

3. По переплетному мастерству дано 24 урока; изучавшіе это мастерство раздѣлены были на 2 группы, такъ какъ для всѣхъ 38 человекъ, занимавшихся переплетнымъ мастерствомъ, не доставало станковъ. Въ первой группѣ занятія шли съ 27 іюня, во 2-й съ 20 іюля. Изучавшіе это ремесло прошли полный курсъ его; имъ показано было: разборка книгъ старыхъ и новыхъ; напилка корешковъ и сшивка книгъ; заклейка корешка и обрѣзка; набивка фальца, приклейка картона; наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его; приклейка мраморнаго листа на наружный и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись затѣмъ самими курсистами, такъ что въ результатѣ получилось много переплетенныхъ изучавшими это мастерство книгъ, которыя потомъ имъ же самимъ и были розданы.

Переплетное мастерство изучали: *Воронежской епархіи*: Абрамовъ Иванъ, Завьяловъ Николай, Зайцевъ Николай, Поповъ Василій, Поповъ Георгій, Чуевъ Василій, Θεодоровъ Василій; *Дон-*

ской епархіи: Вилковъ Григорій, Кузьминъ Василій, Кулькинъ Теодоръ; *Пензенской епархіи*: Виноградовъ Константинъ, Каменскій Василій, Ключаревъ Василій, Макаровъ Петръ, Масловскій Алексѣй, Масловъ Михаилъ, Никитинъ Павелъ, Офицеровъ Викторъ, Тонитровъ Викторъ, Цереринъ Алексѣй; *Ставропольской епархіи*: Винниковъ Константинъ, Назаровъ Стефанъ, Парадѣевъ Василій, Омоенко Александръ; *Таврической епархіи*: Власовъ Давидъ, Олтаржевскій Николлай; *Харьковской епархіи*: Басовъ Дмитрій, Васютинъ Іосифъ, Власовъ Макарій, Исовъ Николай, Коцаревъ Яковъ, Петрусенко Проконій, Поповъ Θεоктистъ, Посельскій Андрей, Толмачевъ Иванъ, Христіановскій Иванъ, Чебановъ Яковъ и Ястремскій Θεофилъ.

4. Игрѣ на скрипкѣ желающіе обучались въ утренніе часы отъ 8 до 9 часовъ до начала лекцій. Обученіе продолжалось въ теченіе мѣсяца. Въ продолженіе этого времени изучающіе скрипичную игру прошли три гаммы, такъ что въ концѣ занятій въ состояніи были разыгрывать вмѣстѣ несложныя піесы.

Игрѣ на скрипкѣ обучались слѣдующіе 9 учителей и 3 учительницы: *Воронежской епархіи*: Землянская Марія, Львова Марія и Поповъ Георгій; *Донской епархіи*: Ивлиевъ Иванъ, *Пензенской епархіи*: Виноградовъ Константинъ, Макаровъ Петръ, Никитинъ Павелъ, Офицеровъ Викторъ, Саввинъ Сергѣй; *Ставропольской епархіи*: діаконъ Мурзинъ Григорій; *Таврической епархіи*: Демьянова Софія и *Харьковской епархіи*: Коцаревъ Яковъ.

5. Кройкѣ обучались 10 учительницъ. Дано было 22 урока. На урокахъ этого мастерства учительницы научились кроить дѣтскія и женскія одежды, которыя сами затѣмъ кроили и шили изъ купленнаго для этого матеріала.

Кройкѣ обучались учительницы: *Воронежской епархіи*: Землянская Марія, Львова Марія, Наумова Любовь, Свѣташова Алексавдра, Склобовская Елена; *Ставропольской епархіи*: Богатырева Антонина, Грузова Марія; *Таврической епархіи*: Демьянова Софія, Демьянова Елена и Суслова Лидія.

Такимъ образомъ значительное большинство слушателей курсовъ изучали то или другое ремесло, а нѣкоторые всѣ. Столярное ремесло изучали 20 чел., токарное 15, переплетное 38, скрипичную игру 12 и кройку 10, а всего 85 человекъ (нѣкоторые повторялись на нѣсколькихъ мастерствахъ). Совсѣмъ не изучали никакого ремесла: Воронежской епархіи: 6 чел., Донской—11, Пензенской—

2, Ставропольской—5, Таврической—2 и Харьковской 8, а всего 34 человекъ.

VIII. Экскурсіи слушателей курсовъ.

Эккурсіи слушателей Харьковскихъ курсовъ устраивались или съ цѣлями религіозно-патріотическими, или съ цѣлями научными.

1. Съ религіозною и патріотическою цѣлю были сдѣланы слѣдующія экскурсіи:

а) 29 іюня въ воскресенье поѣздка въ Спасовъ Скитъ на мѣсто крушенія царскаго поѣзда. Ректоромъ Семинаріи при участіи курсистовъ отслужена была въ соборѣ, устроенномъ около мѣста крушенія поѣзда, панихида по почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, затѣмъ подробно осмотрѣны были самый соборъ, часовня, устроенная на мѣстѣ крушенія, самое мѣсто крушенія поѣзда, деревянная церковь, устроенная въ Скитѣ и другія достопримѣчательности Скита и его окрестностей.

б) 3 августа поѣздка въ Куряжскій Преображенскій монастырь на поклоненіе чудотворной Озерянской иконѣ Божіей Матери. Литургію совершалъ Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, пѣли курсисты. Послѣ литургіи молебенъ предъ иконою Божіей Матери.

2. Съ учебными цѣлями:

в) 2 и 4 іюля ходили въ садъ Грикке, гдѣ преподаватель Плодовскій читалъ лекціи по садоводству и показывалъ учителямъ способы прививки, посадки деревьевъ, ухода за ними и т. д. Путешествіе въ садъ имѣло цѣлю закрѣпленіе въ памяти слушателей, посредствомъ практическаго ознакомленія, свѣдѣній, полученныхъ на лекціяхъ по сельскому хозяйству.

г) 22 іюля ѣздили на сельско-хозяйственную ферму, гдѣ преподаватель Ляндевскій читалъ лекціи по пчеловодству и демонстрировалъ ульи разныхъ системъ и другія принадлежности пчеловодства. При этомъ курсисты сами растапливали воскъ, выдѣлывали искусственную вошину, наващивали рамки, выгоняли медъ изъ сотовъ на центробѣжку в т. д. Путешествіе на ферму имѣло цѣлю закрѣпленіе въ памяти курсистовъ теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, полученныхъ на лекціяхъ.

д) 13 и 27 іюля въ воскресные дни курсисты ходили въ университетскій анатомическій театръ, гдѣ подъ руководствомъ ассистента профессора Скворцова обзрѣвали различные препараты,

знакомящіе съ анатоміей человѣческаго тѣла. Цѣлю посѣщенія анатомическаго театра служило закрѣпленіе въ памяти курсистовъ свѣдѣній по анатоміи, фізіологіи и гігіенѣ, полученныхъ ими на лекціяхъ профессора Скворцова.

3. Въ тотъ же день 27 іюля нѣкоторые изъ курсистовъ обозрѣвали городскую бесплатную читальню и бібліотеку съ цѣлю ознакомленія съ устройствомъ этого дѣла. Болѣе этого невозможно было сдѣлать никакихъ экскурсій по той причинѣ, что какъ въ учебные дни не было совершенно свободнаго времени, такъ и большая часть праздниковъ занята была лекціями.

IX. Поведеніе слушателей курсовъ.

Къ учебнымъ занятіямъ слушатели курсовъ относилсь вполне добросовѣстно и усердно. На лекціи утреннія и вечернія, а также и на занятія по ремесламъ являлись своевременно и въ полномъ составѣ, во время лекцій не позволяли себѣ ни выходить изъ аудиторіи, ни заниматься какими либо посторонними дѣлами; большая часть слушателей вели записъ лекцій почти по всѣмъ предметамъ.

Въ часы, свободные отъ занятій, которыхъ впрочемъ было очень мало, слушатели вели себя скромно и въ этомъ отношеніи не заслуживаютъ никакого укора. Въ теченіе шестинедѣльнаго пребыванія ихъ въ г. Харьковѣ не было ни одного случая нарушенія внѣшняго порядка ни въ зданіяхъ семинаріи, ни внѣ ихъ.

Вообще громадное большинство слушателей курсовъ отличалось скромностію, усердіемъ къ дѣлу и исполнительностію въ отношеніи къ требованіямъ дисциплины; особенно всѣми этими качествами отличались учительницы, вслѣдствіе чего занятія на курсахъ во все время ихъ продолженія шли стройно, энергично, не прерываясь ни на одинъ часъ и безъ нарушенія порядка.

X. Помѣщеніе слушателей курсовъ и ихъ содержаніе.

Внѣшняя жизнь курсистовъ обставлена была всевозможными удобствами. Въ ихъ распоряженіе для дневныхъ занятій были предоставлены въ семинарскомъ общежитіи три просторныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ комнаты съ такимъ же корридоромъ, четыре спальныя комнаты, столовая; для лекцій отведенъ былъ прекрасный семинарскій залъ; для больныхъ учителей и занятій ремеслами—

отдѣльныя просторныя комнаты, ученическія занятія въ главномъ семинарскомъ корпусѣ. Учительницы еще съ большимъ удобствомъ размѣщены были въ семинарской больницѣ. Въ ихъ распоряженіи находилась семинарская баня, а для прогулокъ—семинарскіе сады и все вообще обширное семинарское помѣстье. Столъ курсистовъ, не заключаая въ себѣ никакихъ излишествъ и роскоши, былъ во все время вполне исправнымъ, будучи приготовляемъ изъ свѣжаго и питательнаго матеріала. Обѣдъ ихъ всегда состоялъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ одного блюда. Кромѣ того два раза въ день пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ благоприятныхъ гигиеническихъ условій здоровье курсистовъ было во все время продолженія курсовъ вполне удовлетворительно. Только 2 учителя, и явившіеся въ Харьковъ нездоровыми, уѣхали до окончанія курсовъ по болѣзни и 2 учителя и 1 учительница болѣли въ теченіе 2-хъ недѣль вслѣдствіе простуды.

(Окончаніе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Псаломщикъ Петро-Павловской церкви с. Отрады, Зміевского уѣзда, Константинъ *Петинъ*, опредѣленный резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 31 октября н. г. на штатное діаконское мѣсто къ Георгіевской церкви с. Павленкова, Лебединскаго уѣзда, 14 ноября н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Воскресенской церкви сл. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда, Андрей *Чунихинъ*, по прошенію, 20 ноября 1897 года, перемѣщенъ псаломщикомъ къ Трехсвятительской церкви сл. Ольшаны, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Мереры, Харьковскаго уѣзда, Иванъ *Квитковскій*, по прошенію, 18 ноября н. г. уволенъ за штатъ, по болѣзни, а на его мѣсто того же числа, по прошенію, опредѣленъ воспитанникъ 2 класса Харьковской Духовной Семинаріи Иванъ *Федоровъ*.

— Въ сл. Островерховку на псаломщицкое мѣсто, по прошенію, 5 сего декабря перемѣщенъ псаломщикъ сл. Шевелевки, Изюмскаго уѣзда, Яковъ *Пономаревъ*, а на мѣсто послѣдняго въ сл. Шевелевку того же числа допущенъ къ н. д. псаломщика сынъ діакона Александръ *Индутный*.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви с. Бобріка, Сумскаго уѣзда, Іосифъ

Поздняковъ, уволенъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ должности.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Островерховки, Харьковскаго уѣзда, Романъ *Агницевъ*, 4-го ноября н. г. принять въ военную службу.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Міровое значеніе русскаго народа.—Одна изъ мѣръ къ улучшенію миссіонерскаго дѣла.—Дѣятельность съѣздовъ духовенства.—Современное состояніе народнаго церковнаго пѣнія.—Заботы о благолѣпіи сельскихъ храмовъ.—Церкви и школы въ Сибири.—Реформа денежнаго обращенія.—Общепользныя свѣдѣнія.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщена слѣдующая, заслуживающая вниманія, статья о міровомъ значеніи русскаго народа. „Въ великой семьѣ историческихъ народовъ, пишетъ названная газета, призванныхъ волею Промысла къ проявленію дѣятельности на міровой аренѣ историческаго бытія, существуютъ народности, ярко отличающіяся отъ остальныхъ высотой своихъ духовныхъ стремленій и идеальнымъ характеромъ міровоззрѣнія въ области государственности и гражданственности. Міровоззрѣніе это тѣсно и неразрывно связано съ чистотой религіозныхъ началъ исповѣдуемой народомъ вѣры и получаетъ свое конкретное выраженіе какъ въ типѣ государственнаго строя, въ который облакаетъ народъ свой внутренній и внѣшній государственный бытъ,—такъ и въ тѣхъ задачахъ, которыя народъ,—если не всегда сознательно, но тѣмъ не менѣе неуклонно,—преслѣдуетъ на пути своего историческаго развитія, въ плеядѣ остальныхъ народностей“.... „Характерныя черты Русскаго народа высота его государственной идеи, неразрывно связанной въ своихъ духовно-нравственныхъ основахъ съ его религіозными вѣрованіями, горячая ревность его къ вопросамъ вѣры и умилительное по чистотѣ, полное духовнаго величія отношеніе къ Царской, —какъ Богомъ установленной—Власти,—всѣ эти черты русскаго народнаго міровоззрѣнія указываютъ на совершенно особое положеніе Русскаго народа въ сонмѣ остальныхъ народностей, разлагающихся въ своемъ государственномъ бытіи—на Западѣ,—недоразвившихся, или уже отжившихъ—на Востокѣ. Озаренный свѣтомъ Православія съ первыхъ дней своей національной жизни, Русскій народъ утвердилъ на чистыхъ твердыняхъ истинной вѣры свой семейный и нравственный кодексъ, свою гражданственность

и отношеніе ко главѣ великой народной семьи—къ своему Монарху. На Востокѣ, подѣ гнетомѣ ислама и язычества, народы видѣли въ верховной власти лишь деспотическую силу, налагавшую на нихъ неотвратимое, какъ вѣлѣніе рока, тяжкое иго. Съ другой стороны, народы Запада, все болѣе расшатывая основы законности, порядка, религіи и нравственныхъ началъ въ государствахъ, замѣняли ихъ все рѣзче проявляющимися приѣмами борьбы „всѣхъ противъ всѣхъ“, не говоря уже объ открытыхъ возстаніяхъ противъ государственной власти, и утрачивали при этомъ достоинство гражданственности и культуры завѣщанное имъ предыдущими поколѣніями. Но въ то время какъ отсутствіе правильнаго, духовно-нравственнаго пониманія принципа Верховной Власти являлось, какъ является и нынѣ, источникомъ волненій и бѣдъ для мутящихся и растерявшихся народовъ Запада, равно какъ и для воснѣющаго во мракѣ мусульманскаго и языческаго Востока,— Россія, вѣковымъ подвигомъ своего православнаго народа, обрѣла, подѣ сѣнью Христовой Православной Церкви, драгоцѣнное сокровище истинно государственнаго, самодержавнаго строя. Въ этомъ сокровищѣ она нашла оплотъ внѣшняго могущества, какъ и внутренняго благоустроенія государства, а равно и удовлетвореніе высшимъ запросамъ и идеальнымъ стремленіямъ народнаго духа. Самодержавіе, по вѣрованіямъ народа,—лучъ Божіей Правды на землѣ. Благоговѣйная любовь къ Самодержавному, Богомъ Вѣнчанному, Царю, за Котораго на Руси горячо молится и старъ и малъ, на Котораго съ восторгомъ и умиленіемъ взираетъ весь православный людъ является для народа источникомъ возвышеннѣйшихъ, доблестныхъ чувствъ, воспитывая въ каждомъ вѣрно-подданномъ—героя. Вѣрность долгу, самоотверженная любовь къ Царю и родинѣ, во имя вѣры въ Бога, беззавѣтное служеніе Имъ, не взырая ни на какіе труды и опасности,—вотъ тѣ идеальныя побужденія, которыми проникается и руководствуется истинно Русскій человѣкъ, неся „вѣрой и правдой“ свою службу Царю и Отечеству. Подѣ окрыляющимъ воздѣйствіемъ любви и преданности Царю и Россіи совершали свое патриотическое служеніе всѣ выдающіеся Русскіе люди, и если исторія и народное преданіе свято хранятъ ихъ имена,—то это потому лишь, что они, въ свою очередь, свято хранили свой долгъ присяги, честно служили православному Самодержавному Царю и единой, недѣлимой Россіи. —честно несли службу возложенную на нихъ Царскою волей“.

Указавъ, затѣмъ, на необходимость хранить и оберегать эти священные для Русскаго народа завѣты,—передать ихъ неприкосновенными грядущимъ поколѣніямъ, и, воспитывать въ этихъ возвышенныхъ, чистыхъ идеяхъ ближайшее къ намъ поколѣніе, газета такъ заканчиваетъ свою статью: „Не подражать народамъ дряхлѣющаго Запада, безсильнымъ удержать за собою бывшее культурное значеніе, призвана Россія, полная мощныхъ, самобытныхъ силъ,—а свѣтить этимъ народамъ недосыгаемымъ для нихъ идеаломъ, въ лучезарномъ вѣнцѣ котораго сіяютъ путеводною звѣздой міроваго пути Русскаго народа три священные для него начала: Православная его вѣра, неограниченная власть его Самодержавнаго Царя и коренное Русское ядро великой, недѣлимой Россіи“.

— Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ упрочить вліяніе православной миссіи на сектантовъ, какъ давно признано, заключается въ устройствѣ церковей въ сектантскихъ мѣстностяхъ, и соотвѣтственно этому выводу изъ многолѣтняго миссіонерскаго опыта не только устраиваются отдѣльныя церкви въ такихъ мѣстностяхъ, но и полагается начало организаціи этого дѣла въ обширныхъ размѣрахъ. Такъ, въ херсонской епархіи, по словамъ «Церк. Вѣст.», составляется особый капиталъ для постройки церковей и школъ въ мѣстностяхъ епархіи, съ населеніемъ штундистскимъ. Изъ журналовъ послѣдняго епарх. съѣзда благочинныхъ херсонской епархіи, бывшаго въ прошломъ сентябрѣ, видно, что къ взносамъ на этотъ предметъ были приглашены еще прежде и одесскія подворья аѳонскихъ скитовъ, которыя и доставили пожертвованія, и что названный съѣздъ, имѣя въ виду благотворительную и просвѣтительную цѣли, съ какими существуютъ въ Одессѣ аѳонскія подворья, теперь вполне благоустроенныя, вновь единогласно постановилъ: для усиленія средствъ на указанное дѣло, ходатайствовать предъ высокопреосвященнымъ архіепископомъ херсонскимъ о приглашеніи одесскихъ подворій аѳонскихъ монастырей продолжать пожертвованія на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ мѣстностяхъ епархіи, зараженныхъ штундизмомъ.

— На бывшихъ съѣздахъ духовенства по дѣламъ духовно-учебныхъ заведеній были затронуты, между прочимъ, предметы весьма существенные въ мѣстной жизни. Августовскій съѣздъ духовенства енисейской епархіи, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣст.», слушалъ предложеніе преосвященнаго енисейскаго Акакія объ улучшеніи быта священно-церковно-служителей Туруханскаго края предоставленіемъ

имъ воспитывать своихъ дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ епархіи на счетъ епархіи. Доложенными на сѣздѣ по этому поводу справками выяснено, что въ прежнее время сѣздомъ духовенства было назначено при духовномъ училищѣ семь стипендій на содержаніе и обученіе инородческихъ дѣтей, что въ настоящее время обучаются въ училищѣ и пользуются стипендіями только два такихъ инородца, что учащіеся изъ инородцевъ Туруханскаго края не выносятъ климата въ Красноярскѣ, курса не оканчиваютъ и потому не могутъ съ пользою служить дѣлу евангельской проповѣди среди сородичей. Въ виду этого, сѣздъ постановилъ: такъ какъ въ настоящее время въ духовномъ училищѣ епарх. стипендіями пользуются только два инородца и въ будущемъ число ихъ можетъ увеличиться однимъ или, не болѣе, двумя стипендіатами, потому двѣ, три или даже четыре стипендіи отъ настоящаго года имѣютъ остаться къ будущему году и таковыя остатки неминуемо будутъ повторяться и впослѣдствіи, то сѣздъ, съ цѣлю поощренія трудящихся въ Туруханскомъ краѣ духовныхъ лицъ къ болѣе усердному исполненію служебныхъ обязанностей, полагаетъ возможнымъ, въ случаѣ поступленія въ духовно-учебн. заведенія епархіи дѣтей духовенства Туруханскаго края, предоставить правленіямъ семинаріи и училища и совѣту епарх. женскаго училища употребить на содержаніе таковыхъ дѣтей остающіяся незамѣщенными стипендіи, назначенныя на содержаніе дѣтей инородческихъ. На сентябрьскомъ сѣздѣ таврическаго духовенства былъ рассмотрѣнъ и рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ открытіи по одной церковной вакансіи въ каждомъ изъ трехъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи для дѣтей учащихъ въ церковныхъ школахъ, въ виду ограниченности ихъ содержанія и въ расчетѣ привлеченія и удержанія на службѣ лучшаго состава учителей церковныхъ школъ. На августовскомъ сѣздѣ депутатовъ тверскаго училищнаго округа, по словамъ того же журнала, разсматривался вопросъ объ освобожденіи дѣтей учителей и учительницъ земскихъ школъ, обучающихся въ дух.-уч. заведеніяхъ, отъ установленной съ иннословныхъ платы за обученіе. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ новоторжскимъ земскимъ собраніемъ 9 октября 1895 года и поддержанъ тверскою губернскою земскою управою. Основаніе для указаннаго ходатайства усматривалось новоторжскимъ земствомъ въ томъ обстоятельствѣ, что дѣти почти всего сельскаго духовенства получаютъ первоначальное образованіе въ земскихъ школахъ совершенно без-

платно. Названный училищный съѣздъ взглянулъ на дѣло иначе. Въ журналѣ съѣзда по этому предмету между прочимъ выражено: въ виду того, что въ составъ земства въ числѣ прочихъ сословій государства входитъ и духовенство и что земскія школы суть школы общесословныя съѣздъ нашелъ, что дѣти духовенства по закону имѣютъ право получить первоначальное образованіе въ земскихъ школахъ, на ряду съ дѣтьми прочихъ сословій, совершенно бесплатно. Притомъ духовенство, имѣющее недвижимую собственность, землю, дома и другія постройки на собственной землѣ, участвуетъ во взносѣ земскихъ сборовъ; духовенство немало трудится на поприщѣ народнаго образованія не только преподаваніемъ въ школахъ, но и заботливостію о благоустройствѣ народныхъ школъ; нѣкоторыя земскія школы открытіемъ своимъ обязаны духовенству; въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ священники состоятъ попечителями. Послѣ сего сомнѣваться въ правѣ духовенства помѣщать дѣтей своихъ въ земскія школы для бесплатнаго полученія образованія едва ли возможно. Съ другой стороны, по расчету суммъ употребляемыхъ на содержаніе учебныхъ заведеній, оказывается, что стоимость обученія въ земскихъ школахъ не превышаетъ 7 р. на ученика, а стоимость ученика духовнаго училища 70 р. Оказывается, что духовенство, взимая по 30 р. въ годъ съ иносословнаго ученика, беретъ съ него менѣе половины стоимости. Назначая опредѣленную плату съ иносословныхъ учениковъ духовно-учеб. заведеній духовенство не намѣрено чрезъ это затворить двери своихъ учебныхъ заведеній или затруднить иносословнымъ входъ въ нихъ; оно только привлекаетъ иносословныхъ, наравнѣ съ духовенствомъ участвовать въ содержаніи духовно-учебныхъ заведеній. При всемъ томъ бѣдные изъ иносословныхъ, по надлежащемъ засвидѣтельствваніи объ ихъ бѣдности, бываютъ или вовсе освобождены отъ платы за обученіе или вносятъ плату уменьшенную. На основаніи изложеннаго, съѣздъ постановилъ: ходатайство тверской губернской земской управы, возбужденное по почину новоторжскаго земскаго собранія, о дарованіи дѣтямъ учащихъ въ земскихъ школахъ права бесплатнаго обученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ отклонить.

— «С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи церковнаго пѣнія въ настоящее время.—Простѣйшею формою участія народа въ церковномъ пѣніи служитъ клиросное хоровое пѣніе. Церковные хоры состояются изъ способныхъ къ пѣнію прихожъ, взрослыхъ и дѣтей; по пре-

вмуществу изъ настоящихъ и бывшихъ учениковъ начальныхъ школъ. Свѣдующій любитель церковнаго пѣнія изъ среды членовъ причта или школьный учитель, съ каждымъ курсовымъ выпускомъ увеличивающій количество умѣлыхъ пѣвцовъ въ своемъ приходскомъ храмѣ или обыкновенно поддерживаютъ существованіе прежнихъ хоровъ или кладутъ основаніе новымъ. Въ многихъ мѣстахъ церковный хоръ возникалъ самостоятельно, независимо отъ причта и школы. Такъ, въ селѣ Рословѣ, Грязовецкаго уѣзда, нѣсколько пожилыхъ крестьянскихъ дѣвицъ пѣли по церковнымъ книгамъ разныя стихиры въ праздники, между утреней и обѣдней; сначала, по робости и неувѣренности въ умѣстности своего религіознаго усердія, онѣ дѣлали это только въ отсутствіе священника; получивъ же отъ него поддержку и одобреніе, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, „чернички“ составили женскій хоръ и пѣли во время акаѳистовъ и молебновъ, а потомъ за утреней и обѣдней. По примѣру рословскаго хора при многихъ сосѣднихъ церквахъ утвердилось подобное же женское пѣніе. Въ наше время всякая попытка создать церковный хоръ или улучшить его всюду прривѣтствуется съ радостью; ее поддерживаютъ и поощряютъ, потому что видятъ въ ней удовлетвореніе одной изъ насущныхъ современныхъ потребностей. Кажется, не осталось ни одного не только крупнаго, но и небольшого города, гдѣ бы не существовало церковнаго хора, одного или нѣсколькихъ, иногда довольно сильныхъ количественно и качественно. Сознаніе важности хорового пѣнія не ограничивается одними городскими, болѣе культурными классами нашего общества, оно глубоко проникаетъ въ деревенскую среду и заявляетъ о себѣ съ внушительною силой. По свидѣтельству епархіальныхъ архіереевъ, прихожане сельскихъ церквей неоднократно обращаются къ нимъ съ просьбой о назначеніи на должности псаломщиковъ и учителей лицъ, способныхъ устроить пѣвческій хоръ и управлять имъ. Есть примѣры, что прихожане, иногда бѣдные, изъ своихъ скудныхъ средствъ дѣлаютъ пожертвованіе на устройство пѣвческихъ хоровъ для пѣнія въ своихъ приходскихъ церквахъ. Въ настоящее время уже мало такихъ церквей, въ которыхъ попрежнему продолжаетъ слышаться монотонное пѣніе одинокаго пѣвца; по праздникамъ его непременно замѣняетъ незамысловатый, правда, съ примитивной организаціей, хоръ любителей-крестьянъ. Существенная заслуга въ важномъ дѣлѣ современнаго на Руси широкаго распространенія

церковныхъ хоровъ и повсемѣстнаго движенія въ пользу хороваго церковнаго пѣнія принадлежить церковнымъ школамъ. Въ нихъ въ ряду прочихъ предметовъ программы церковное пѣніе занимаетъ весьма видное мѣсто по самому свойству задачи церковной школы, какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, ведущихъ прямо къ цѣли—поднять значеніе церковности, расположить къ ней и провести ее въ жизнь. По наблюденію епархіальныхъ преосвященныхъ, благодаря церковнымъ школамъ любовь къ церковному пѣнію одинаково проявляется какъ въ городскихъ такъ и сельскихъ приходахъ. Еще съ большей наглядностью перво-степенное значеніе и дѣятельная роль церковныхъ школъ въ распространеніи и совершенствованіи церковно-хороваго пѣнія обрисовывается въ годовыхъ отчетахъ епархіальныхъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ. Изъ этого источника видно, что вездѣ, въ русскихъ и инородческихъ приходахъ, дѣти участвуютъ въ пѣніи на клиросѣ, хотя не вездѣ существуютъ хоры. Гдѣ послѣднихъ нѣтъ, тамъ изъ болѣе способныхъ къ пѣнію обыкновенно выбираются дѣлныя, весьма разнообразной величины группы учащихся, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ помогаютъ на клиросахъ пѣть псаломщикамъ. Даже въ такихъ епархіяхъ, какъ Архангельская, гдѣ изъ 255 церковныхъ школъ пѣвческіе хоры числящіеся только при 8 школахъ и заведенія школьных хоровъ чрезвычайно затруднено незнакомствомъ учителей, учительницъ и псаломщиковъ съ нотами и неумѣньемъ систематически преподавать пѣніе, многія школы достигаютъ весьма замѣтныхъ результатовъ въ пѣніи по наслышкѣ и болѣею частью въ унисонъ общеупотребительныхъ молитвъ и церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній. Даже въ инородческихъ школахъ, напримѣръ, въ Ижемской, дѣти-зыряне очень твердо поютъ наизусть воскресные и праздничные тропари съ кондаками, каноны, „Господи воззвахъ“ и „Богъ Господь“ по гласамъ и даже догматики. Отчеты указываютъ по каждому уѣзду число школъ съ церковными хорами, обозначая, болѣею частью въ точныхъ цифрахъ, количество дѣтей входящихъ въ составъ такихъ хоровъ, и дѣлая оцѣнку имъ съ точки зрѣнія подготовки къ пѣнію въ церкви. Понижаясь въ нѣкоторыхъ школахъ до 4—5 человѣкъ, которые нерѣдко поютъ въ смѣшанномъ хорѣ съ взрослыми прихожанами, число дѣтей, участвующихъ въ клиросномъ пѣніи, восходитъ по мѣстамъ, при общихъ благоприятныхъ условіяхъ существованія школы, особенно

при значительной ея давности, до 40—50 человѣкъ. Въ отчетѣ о церковно-приходскихъ школахъ Волынской епархіи при указаніи приходоѡ съ лучшими хорами, значится число поющихъ въ нихъ дѣтей и взрослыхъ. Таблицы, содержащія данныя этого рода, показываютъ съ большой ясностью, что церковная школа можетъ не только научить церковному пѣнію, но и внушить своимъ питомцамъ прочную любовь къ нему. Отношеніе общаго числа поющихъ въ 616 приходохъ Волынской епархіи 6184 дѣтей къ соотвѣтствующему количеству взрослыхъ—3520 человѣкъ громко говоритъ въ пользу сильнаго вліянія церковной школы въ разсматриваемомъ отношеніи: больше половины питомцевъ ея и по окончаніи курса не оставляютъ клироснаго пѣнія. Въ той же Волынской епархіи есть уѣзды еще съ болѣе благопріятнымъ отношеніемъ цифры дѣтей и взрослыхъ въ составѣ церковныхъ хоровъ, именно: въ Кременецкомъ уѣздѣ поетъ дѣтей 979 и взрослыхъ 743, въ 84 приходохъ Заславскаго уѣзда, 590 дѣтей и 528 взрослыхъ, въ приходохъ Острожскаго уѣзда—дѣтей 843 и взрослыхъ 754. Приведенные примѣры достаточно объясняютъ, какой созидательной силой обладаетъ церковная школа въ дѣлѣ воспитанія въ приходскомъ населеніи вкуса къ церковному пѣнію и выработки извѣстнаго навыка къ нему. Иногда, благодаря усердію и знанію лицъ близко стоящихъ къ школѣ, въ пѣніи достигаются крупныя успѣхи. По свидѣтельству отчетовъ, нѣкоторыя школьныя хоры подъ руководствомъ своихъ учителей, членовъ причта или особыхъ наемныхъ регентовъ поютъ въ храмахъ всю литургію, иногда и всенощную, во многихъ церквахъ даже на двухъ клиросахъ. Рѣже можно наблюдать, что вся школа можетъ показать себя, какъ вполне сформированный церковный хоръ; такъ въ присутствіи И. И. Шемякина ученики Вознесенской школы въ г. Тулѣ обнаружили выдающіеся успѣхи въ пѣніи: раздѣлившись на три партіи, они пропѣли: „Да исправится“ со всѣми стихами, и тропари: „Воскресъ изъ гроба“ и „Днесъ спасеніе міру бысть“. Хоры тѣхъ школъ, въ которыхъ пѣніе издавна поставлено весьма хорошо, пользуются такой извѣстностью и симпатіей окрестнаго сельскаго населенія, что получаютъ приглашенія на церковныя торжества въ сосѣднія села; женскій хоръ Верхнеуральской школы былъ приглашаемъ горожанами для пѣнія панихидъ, заупокойной литургіи и отпѣваній; хоръ изъ 40 человѣкъ при одной изъ костромскихъ школъ, по отзыву знатоковъ церковнаго пѣнія, съ выдающимся искусствомъ поетъ не только въ своей приходской церкви, но и во многихъ городскихъ церквахъ въ храмовыя празд-

ниги, при бракахъ и пр. На Волыни приходская школа создала правильно организованные хоры, которые выполняютъ кромѣ простаго иѣнія произведенія лучшихъ духовныхъ композиторовъ — Бортнянскаго, Турчанинова и др.

— Весьма многія православныя церкви въ бѣдныхъ приходахъ и Сибири и европейской Россіи, какъ извѣстно, сильно нуждаются въ церковныхъ облаченіяхъ, утвари и иконахъ. На нужду въ этихъ принадлежностяхъ богослуженія, испытываемую бѣднѣйшими церквами казанской епархіи, обратилъ вниманіе, какъ сообщаетъ «Цер. Вѣст.», покойный архіепископъ казанскій Владмиръ, предложившій причтамъ епархіи препроводить излишнія въ ихъ церквахъ облаченія, сосуды и иконы председателю казанскаго братства св. Гурія, для распредѣленія пожертвованій между нуждающимися церквами. Въ прошломъ октябрѣ, временно управлявшій казанскою епархіею преосвященный чебоксарскій нашель нужнымъ вновь обратиться къ епархіальному духовенству съ такимъ же приглашеніемъ. Въ предложеніи его по этому предмету отъ 20 октября было выражено: „Обазывается, что много есть въ епархіи такихъ приходоу, гдѣ имѣется только одно ветхое іерейское облаченіе, нѣтъ ни одного стихаря, ни даже плащаницы, ни большой иконы для деревенской школы, гдѣ совершаются всенощныя, ни необходимыхъ принадлежностей праздничнаго богослуженія, напр., выносной иконы, трехсвѣчника пасхальнаго и т. п. Посему еще разъ прошу духовенство, черное и бѣлое, а также старость, озаботиться доставкой ненужныхъ иконъ, вещей и облаченій на имя председателя братства св. Гурія въ настоятельское помѣщеніе Спасскаго монастыря. Прошу о томъ памятью нынѣ поминаемаго Государя, облагодѣтельствовавшаго наше духовенство. Будемъ же и мы помогать другъ другу, памятуя, что каждый клирикъ служитъ не своему только храму, но всей вселенской церкви Христовой“.

— До недавняго времени весьма тягостно было положеніе переселенцевъ въ Сибири вслѣдствіе малочисленности церквей въ мѣстахъ ихъ поселеній. Это обстоятельство могло вызвать въ однихъ охлажденіе къ вѣрѣ, въ другихъ—чувство религіозной неудовлетворенности вмѣстѣ съ воспріимчивостью къ вліяніямъ раскола и сектантства. Теперь положеніе переселенцевъ въ этомъ отношеніи нѣсколько улучшилось. По сообщенію «Прав. Вѣст.», въ фондъ имени Императора Александра III на дѣло церковнаго школьнаго строительства въ Сибири поступило до настоящаго

времени 458,531 руб. На эти средства отчасти сооружены, а отчасти сооружаются 106 церквей и 76 школъ. Такимъ образомъ, для ста слишкомъ тысячъ переселенцевъ, составляющихъ приходы этихъ церквей, миновало тяжелое время, когда ихъ дѣти росли безъ крещенія и старыи умирали безъ напутствія. Но пожертвованій, поступившихъ до настоящаго времени, недостаточно даже для полнаго окончанія начатыхъ уже сооруженій, а между тѣмъ сотни поселковъ ждутъ еще своей очереди, въ надеждѣ, что имъ помогутъ, какъ помогали другимъ, и нужно много времени и труда, нуженъ новый обильный притокъ пожертвованій для того, чтобы эти надежды не обманули, для того, чтобы радость получившихъ помощь не шла рука-объ-руку съ печалью тѣхъ, чьи нужды остались безъ удовлетворенія.

— Послѣдовало новое дополнительное преобразование въ нашей денежной системѣ. Именными Высочайшими указами, данными министру финансовъ 14 ноября, предписана, для облегченія расчетовъ золотою монетою, чеканка и выпускъ въ обращеніе пятирублевой золотой монеты, и затѣмъ, для согласованія содержанія надписей на государственныхъ кредитныхъ билетахъ съ постановленіями раньше состоявшихся Высочайшихъ указовъ, повелѣно на вновь изготовляемыхъ кредитныхъ билетахъ полагать надписи въ измѣненномъ видѣ, именно: вмѣстѣ существующаго текста на билетѣ изображается его достоинство и слѣдующая надпись: „Государственный банкъ размѣниваетъ кредитные билеты на золотую монету безъ ограниченія суммы (р.=¹/₁₂ имперіала, содержать 17,424 долей чистаго золота)“. Въмѣсто заголовка и пунктовъ перваго и втораго извлеченій изъ манифеста, излагаются слѣдующія надписи: „1. Размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету обезпечивается всѣмъ достояніемъ государства; 2. Государственные кредитные билеты имѣютъ хожденіе во всей имперіи наравнѣ съ золотою монетою“. Пунктъ третій остается безъ измѣненія. Такимъ образомъ въ Россіи окончательно устанавливается золотая валюта, и серебряный рубль вытѣсняется и замѣняется рублемъ золотымъ. <Церк. Вѣст.>

— Относительно испытанія доброкачественности церковнаго краснаго вина въ «Яр. Еп. Вѣд.» сообщаются слѣдующія свѣдѣнія. Изъ всѣхъ напитковъ всего болѣе подвергаются поддѣлкѣ наши виноградныя вина, особенно красныя. Въ вино прибавляютъ зачастую глицеринъ—для мягкости вкуса, салициловую кислоту—чтобы задержать броженіе, квасцы,—для терпкости, гипсъ—для

очищенія цвѣта. Чаще всего вино поддѣлывается сокомъ обыкновенной черники. Чтобы узнать подмѣсь къ вину сока черники, нужно взять кусокъ мѣла и налить на него нѣсколько капель сомнительнаго вина. Если вино содержитъ въ себѣ сокъ черники, то мѣлъ окрашивается въ синеватофіолетовый цвѣтъ; чистое вино оставляетъ послѣ себя на мѣлу пятно коричневаго или темно-сѣраго цвѣта.

— Въ томъ же журналѣ начальникъ Строительнаго Отдѣленія Ярославскаго Губернскаго Правленія инженеръ В. Швшкинъ передаетъ слѣдующее наставленіе, какъ слѣдуетъ производить окраску наружныхъ стѣнъ церквей. „Занимаясь въ епархіи многочисленными работами по возведенію и ремонту церквей, я встрѣчалъ повсемѣстно крайне дурную окраску варужности храмовъ и въ особенности колоколенъ. Обыкновенно красятъ известью съ небольшою примѣсью какой либо дешевой краски. Не проходитъ даже одного года, какъ окраска эта начинаетъ отваливаться. Черезъ годъ, много черезъ два, весь храмъ представляется какъ бы усѣяннымъ множествомъ грязныхъ пятенъ, что вынуждаетъ нѣкоторыхъ церковныхъ старостъ подумывать объ окраскѣ стѣнъ масляною краскою, хотя это сопряжено съ большими расходами и многими неудобствами. По моимъ наблюденіямъ непрочность окраски стѣнъ происходитъ не только отъ небрежной работы нашихъ маляровъ, но также и отъ неправильнаго составленія ими красокъ. У насъ обыкновенно маляры, приступая къ окраскѣ, стѣнъ не очищаютъ отъ пыли и не скребутъ, прямо красятъ известковымъ молокомъ, сначала жидкимъ, потомъ гуще. Отъ этого происходитъ самая непрочность окраски. Рачительный хозяинъ долженъ непременно наблюсти, чтобы окрашиваемая поверхность была очищена скребкомъ, какъ отъ старой краски, такъ и отъ грязи. Затѣмъ для заполненія мелкихъ норъ, стѣну слѣдуетъ покрыть отъ одного до двухъ разъ известковымъ молокомъ, т. е., огрунтовать и потомъ пройдя известью для очищенія пыли приступить къ окраскѣ. Самую краску составлять такъ: ведро чистой бѣлой гашеной извести разводять ведромъ воды, въ которомъ распущено отъ $\frac{1}{2}$ до 2 ф. квасцовъ, которые предварительно растворяютъ въ горячей водѣ. Для подцвѣчиванія окраски подбавляютъ неизмѣняющихся отъ извести дешевыхъ цвѣтныхъ красокъ, напр. для свѣтложелтаго цвѣта — охры, для сѣраго цвѣта голландской сажки, для зеленаго — празелени, для розоваго — черляди, для песчанаго — умбры. Краски эти очень дешевы и ихъ идетъ самое небольшое количество“.

ВОЗЗВАНІЕ.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Изъ всѣхъ отдаленныхъ странъ Южная Америка оказалась послѣднею въ дѣлѣ насажденія и утвержденія тамъ православія. Православная церковь въ Китаѣ, Японіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ уже сотнями лѣтъ исчисляетъ свою исторію; а въ Южной Америкѣ, которая по размѣрамъ своимъ почти вдвое превосходитъ всю Европу, первая православная церковь была открыта только въ 1889 году въ гор. Буэносъ-Айресъ—столицѣ Аргентинской республики.

Южно-американская православная община составляется изъ разныхъ національностей: Славянъ, Спрійцевъ-Арабовъ изъ Палестины, Грековъ, Румынъ и Русскихъ; въ большинствѣ случаевъ это эмигранты, уже по нѣсколькѣ десятковъ лѣтъ покинувшіе свои родныя страны въ поискахъ за болѣе легкимъ заработкомъ и лучшими жизненными условіями. Въ періодъ развитія южно-американскихъ республикъ они находили себѣ громадный спросъ, легко зарабатывали деньги, женились и совершенно осѣдали на новой своей отчизнѣ. Но если матеріальное положеніе ихъ было порядочно, то въ нравственно-религіозномъ отношеніи они были предоставлены буквально на произволъ судьбы и блуждали положительно какъ овцы безъ пастыря; во всей Южной Америкѣ не было ни одной православной церкви, ни одного православнаго священника, и православные люди поневолѣ должны были крестить своихъ дѣтей въ инославную вѣру, вступать въ бракъ безъ благословенія, проводить жизнь безъ исповѣди и причастія Св. Таинъ и погребать усопшихъ безъ напутствія. Тяжело и печально было положеніе ихъ, и они сами сознавали это больше чѣмъ кто-либо другой, стали объединяться, судить да рядить, да и пришли къ заключенію—послать слезную мольбу къ Русскому Царю, прося Его помочь имъ въ этомъ бѣдственномъ положеніи. Это было въ 1887 году; въ этомъ-же году заходилъ въ Буэносъ-Айресъ крейсеръ 2-го ранга Разбойникъ; депутаты отъ православныхъ привѣтствовали русское судно, командира и офицеровъ, которые очень сочувственно отнеслись къ своимъ единовѣрнымъ собратьямъ, одобрили выработанный планъ, и прошеніе чрезъ нашего генеральнаго консула было представлено на усмотрѣніе Государя Императора Александра III. Всѣмъ извѣстна чисто-русская православная душа покойнаго Царя; Великій Покровитель православія, Царь-Миротворецъ сумѣлъ понять всю тяготу положенія православныхъ сыновъ безъ матери-церкви и осчастливилъ ихъ открытіемъ въ Буэносъ-Айресъ первой православной церкви. Престолъ, иконостасъ, одежды, сосуды, вообще вся церковная утварь были пересланы въ Буэносъ-Айресъ изъ Мадрида изъ ранѣ существовавшей тамъ нашей церкви, и 1 января 1889 года въ первый разъ раздалось православное богослужбное слово на южно-американскомъ материкѣ.

Съ тѣхъ поръ церковь существуетъ и понынѣ, пользуется любовью и вниманіемъ православныхъ всѣхъ національностей, которые свято хранятъ память ихъ великаго Отца-Благодѣтеля и всегда молятся о благоденствіи великой державы Россійской и ея Повелителѣ. Открытіе церкви въ Буэносъ-Айресъ не только дало возможность православнымъ самимъ исполнять всѣ свои религіозныя нужды, но и дѣтей, окрещенныхъ ранѣ въ инославіе

привести въ прадѣдовскую вѣру; бывали случаи и обращенія иновѣрныхъ въ православіе.

Съ образованіемъ прихода возникла тамъ и церковная школа, которая существуетъ уже болѣе двухъ лѣтъ; школьникъ пока всего 15 человекъ, но есть полное основаніе надѣяться, что и это дѣло разовьется съ помощію Божіею и окрѣпнетъ, такъ какъ до сихъ поръ мы не имѣли средствъ ни на наемъ учителя, ни помѣщенія, и дѣло преподаванія ведемъ пока семейнымъ образомъ. Дѣти приходятъ каждый день и остаются отъ 1 до 5 час. вечера, общее преподаваніе ведется на испанскомъ языкѣ, какъ понятномъ для всѣхъ, но главныя молитвы изучаются каждымъ на его родномъ языкѣ; посѣщеніе богослуженій обязательно для всѣхъ, причемъ сами же школьники принимаютъ участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Принимая во вниманіе разноплеменность нашего прихода, богослуженіе совершается на славянскомъ, греческомъ и отчасти арабскомъ языкахъ, причемъ Апостолъ, Символъ вѣры и Молитва Господня всегда читается попеременно на всѣхъ трехъ языкахъ, а проповѣданіе слова Божія ведется на мѣстномъ испанскомъ языкѣ, какъ понятномъ для всѣхъ молящихся.

Приходится пожалѣть единственно о томъ, что церковь принуждена ютиться въ наемномъ домѣ, въ небольшой комнатѣ, безъ звона, безъ креста вверху, безъ архитектуры, что далеко не соотвѣтствуетъ высотѣ православія и величію дорогой родины. Прихожане, при всемъ своемъ желаніи и преданности, мало могутъ помочь улучшенію ея положенія, такъ какъ ихъ собственное положеніе радикально измѣнилось къ худшему, въ силу экономического кризиса республики, изъ котораго она не можетъ выбиться вотъ уже болѣе пяти лѣтъ. На такое прискорбное положеніе нашей родной церкви на далекой чужбинѣ убѣдительно прошу обратить вниманіе дорогихъ соотечественниковъ и пособить намъ своими посильными приношеніями въ дѣлѣ построенія перваго православнаго храма во всей Южной Америкѣ. У насъ уже имѣется на этотъ предметъ болѣе половины необходимой суммы, имѣется участокъ земли совершенно оплаченной, имѣется архитекторъ, который, будучи неправославнымъ и даже не русскимъ подданнымъ, даромъ составилъ планы нашей будущей церкви (планы эти теперь уже утверждены Св. Синодомъ) и также безвозмездно будетъ руководить работами при самой постройкѣ.

Къ вамъ, православные люди, обращаю свой гласъ призыва: помогите своими приношеніями начатому дѣлу, — дѣлу утвержденія родной вѣры на далекой чужбинѣ, дѣлу построенія перваго храма въ такой странѣ, гдѣ ранѣе никогда не было и до сихъ поръ не сіяетъ православный крестъ.

Пожертвованія принимаются въ С.-Петербургѣ — въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ и въ редакціи „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ Синодальной Канторѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ, что на Никольской ул., въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, „Московского Листка“, а также у священника Спасской въ Наливкахъ церкви, за Москвой-рѣкой, о. благочиннаго Николая Александровича Кошьева, съ помѣтой: „на построеніе перваго православнаго храма въ Южной Америкѣ“. Можно посылать черезъ Банки пожертвованія и прямо въ Буэносъ-Айресъ по адресу: Réverend Père Israstzoff Aumônier de la Légation IMPÉRIALE de Russie à Buénos-Aires (Amérique du Sud).

Настоятель протоіерей Конст. ИЗРАЗЦОВЪ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

На память о преславномъ и торжественномъ открытіи
МОЩЕЙ СВЯТ. И ЧУДОТВОРЦА ВЕОДОСІЯ УГЛИЦКАГО,
Архіепископа Черниговскаго.

Черниговъ 1897 г., Цѣна 30 к., съ пересылкою 35 к.

Только что вышла книга и продается въ Книжномъ Магази́нѣ
Н. КИММЕЛЯ въ Ригѣ:

**Actus Epistolaeque Apostolorum
Palaeoslovenice**

edidit Aemilianus Kaluzniacki
Sempeibus laes. Litterarum Academiae

цѣна 7 руб. 70 коп.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

„ВОИНЪ ХРИСТОВЪ“.

По поводу стремленія народовъ къ миру и несовмѣстимости войны съ христіанскимъ ученіемъ.

Подполковника В. П. ГАМУЛЕЦКАГО.

Книга допущена: Учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ бібліотеки духовныхъ семинарій (Церков. Вѣдом. 1897 г. № 10). Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя народныя бібліотеки и читальни и „для публичныхъ народныхъ чтеній“ (Журн. Минист. Народ. Просвѣщ., мартъ, 1897 г.) Военно-Ученый Комитетъ Главнаго Штаба не призналъ возможнымъ включить ее въ каталогъ книгъ одобренныхъ къ обращенію въ войскахъ. (Распор. Главнаго Штаба отъ 4 Іюня 1897 г. № 721).

Доходъ съ изданія постунаетъ на благолѣпіе Успенской г. Брянска церкви и на нужды церковно-приходской школы. Цѣна книги 1 рубль съ пересылкой. Можно и наложеннымъ платежомъ. Требованія адресовать: Орлов. губ. г. Брянскъ, Подполковнику Гамулецкому.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА

„Православный Благовѣстникъ“ въ 1898 г.

(Шестой годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1898 году.

«Православный Благовѣстникъ», какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по прежнему будетъ имѣть своею цѣлю—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно - полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), в тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. И нѣтъ сомнѣній въ томъ, что свѣдѣнія объ истинно-апостольской дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ) не могутъ не представлять живаго интереса для всѣхъ тѣхъ, кому дѣйствительно дороги успѣхи православной церкви и русской гражданственности. Сообщение этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала «Православный Благовѣстникъ».

Программа журнала слѣдующая: I Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества II Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ, Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники—въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтително-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ. IV Очерки и рассказы изъ исторій первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу в заимствуемыхъ изъ газетъ, писемъ и пр. VII Библіографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемъ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп., безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою, за границу—шесть рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Стрѣсенка, домъ Спасской церкви.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за 1893, 1894, 1895 и 1896 годы могутъ быть высланы по *четыре рубля*.

Редакторъ Н. Комаровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСЬ НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

издается съ 1885 года

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

изданіе П. П. СОЙКИНА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца Іоанна Кронштадтскаго.

„Русскій Паломникъ“ представляет собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-правственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями. Подписчики въ теченіи 1898 года получаютъ: *52 иллюстрированныхъ №№* каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художественными рисунками, *12 ежемѣсячныхъ книжекъ* изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемомъ каждая 10—12 листовъ (160—200 страницъ). И кромѣ того на металлѣ *бесплатно* исполненная въ 12 красокъ размѣромъ 5×6 вершковъ въ рельефной золоченой ризѣ копія съ чудотворной *Иверской иконы Пресвятой Богородицы*. Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ дано:

1) *На каждый день*. Сказанія изъ жизни святыхъ православной церкви восточныхъ и русскихъ, народныя обычаи, повѣрья, обряды, легенды и преданія, 1-е полугодіе, мѣсяцы январь—іюнь. И. Ф. Тюменева.

2) *Послѣдніе дни Иерусалима*. Историч. повѣсть. Д. Л. Мордовцева.

3) *Книга бытія моего*. Извлеченіе изъ воспоминаній о Востокахъ, епископа Порфирія Успенскаго.

4 и 5) *Афонскій подвижникъ*. Графини Багреевой-Сперанской.

6) *По слѣдамъ апостола Павла*. Жизнь и дѣятельность великаго апостола языковъ. А. Александрова.

7) *На каждый день*. 2-е полугодіе, мѣсяцы іюль—декабрь И. Ф. Тюменева.

8) *Пророчица Соломея*. Историческая повѣсть изъ быта поволжскихъ раскольниковъ. С. Воронина.

9) *Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Москву въ XVII в.* Перев. съ арабскаго проф. Г. А. Муркоса.

10) *Защитники христіанства* (апологеты). Проф. И. В. Реверсова.

11) *Паденіе Константинополя*. Истор. очеркъ Ѳ. Е. Шеляговскаго.

12) *Святѣи Приднѣпровья*. Очерки и рассказы изъ путешествія по св. обителямъ Юга. С. Л. Астафьевъ.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Спб. *пять* руб. Съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи *шесть* руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля 1 руб., къ 1-му іюня 1 руб. и къ 1-му августа остальные. Подробное объявленіе и пробный № высызается за 7 коп. марку. Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собственный домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ
третій годъ изданія
 ПРОТИВОСЕКТАНТСКАГО ЖУРНАЛА

„Миссіонерское Обозрѣніе“

ПОСВЯЩЕНАГО

исестороннему изслѣванію и обличенію русскаго сектантства раціоналистическаго (духоборчества, молоканства, жидовства, субботства, штундобантизма, пашковщины, толстовства и др.) и мистическаго (хлыстовства, скопчества, мормонства и шалопутства), а также раскола старообрядчества.

Въ 1898 году „Миссіонерское Обозрѣніе“ будетъ издаваться по прежней программѣ, и выходить ежемѣсячно въ томъ-же объемѣ и количествѣ листовъ, но въ нѣсколько измѣненномъ порядкѣ, относительно выпуска книгъ журнала, а именно: „Миссіонерское Обозрѣніе“ въ 1898 году выйдеть въ количествѣ 12-ти ежемѣсячныхъ первыхъ выпусковъ, за обиліемъ матеріала, въ увеличенномъ сравнительно объемѣ на счетъ вторыхъ выпусковъ, которыхъ въ теченіи года будетъ выпущено 4 книги (трехмѣсячныя); приложенія миссіонерскихъ листовъ и стѣнныхъ таблицъ остаются безъ перемѣны.

Подписная цѣна годовому изданію журнала, съ пересылкою въ 12 книгъ, прежняя—*пять* руб., въ въ 16 книгъ (а такъ-же съ приложеніемъ 12 выпусковъ миссіонерскихъ листовъ и стѣнныхъ таблицъ прежняго изданія, а равно и имѣющихъ вытти въ 1898 году) *шесть* руб. За границу *семь* руб., съ приложеніями *восемь* руб. Подписка принимается въ Кіевѣ, въ Редакціи „Миссіонерскаго обозрѣнія“, въ Москвѣ въ Синодальной типографіи; въ Петербургѣ въ магазинѣ Тузова.

Редакторъ—Издатель В. М. Сиворцовъ.

Редакторъ Н. В. Переверзевъ.

О ВЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

ВЪ 1898 ГОДУ.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей. Университетскія Извѣстія въ 1898 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкою *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета. Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается. Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ. Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглобину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатицкѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную.

На 1898 годъ.

будущемъ 1898 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетонъ (беллетристика, оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ Петровскій пер., д. Шахова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкою . . .	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою . . .	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ доставки и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ЮЖНЫЙ Край“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорныя газеты и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка IX. „Свѣтъ и Тѣнь“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденція „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющихъ отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1898 г.:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11	— 10 50	10	— 9 20	8 50	7 80	7	— 6	— 5	— 4	— 3	— 1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Гозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край“ будетъ печататься въ УВЕЛИЧЕННОМЪ РАЗМѢРѢ НА НОВОЙ РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ, ЗАКАЗАННОЙ ВЪ ПАРИЖѢ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Гозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

Н О В Ъ

XIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1898 ГОДЪ.

Иллюстрированный двухнедельный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній *за 14 рублей* безъ всякой доплаты за пересылку премій, подписчики „НОВИ“ получаютъ въ 1898 году, съ доставкой и пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія шесть изданій: 1) журналъ **НОВЪ** 24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій, 2) особый иллюстрированный отдѣлъ **МОЗАИКА** (24 выпуска), составляющій какъ бы самостоятельный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ. 3) журналъ литературные *Семейные Вечера* (отдѣлъ для семейнаго чтенія) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ романовъ и повѣстей. 4) восемь переплетенныхъ томовъ полного собранія сочиненій П. И. Мельникова (*Андрея Печерскаго*). 5) четыре переплетенные тома полного собранія сочиненій *Вл. Ив. Даля* (казака Луганскаго) 6) двѣ роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, „*Живописной Россіи*“, посвященныя описанію Москвы и Московской промышлен. обл. **XIV (1898) подписной годъ начался съ 15 декабря 1897 года.** Годовая подписная цѣна за все вышеописанное изданіе вмѣстѣ съ пересылкою во все мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и достав. бесплатныхъ премій. **14 руб.** За границу—**24 рубля.** Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**; остальные же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всехъ **14 руб.** При подпискѣ въ разсрочку бесплатныя премія высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы. Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „**НОВИ**“ въ 1897 году. Лица не состоявшія подписчиками „**НОВИ**“ въ 1897 году и не имѣющія еще первой половины сочиненій *Андрея Печерскаго* и первой половины сочиненій *В. И. Даля*, могутъ, подписываясь на „**НОВЪ**“ въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерскаго и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году въ чемъ редакція теперь же принимаетъ передъ ними обязательство. Новые подписчики на „**НОВЪ**“ 1898 года, т. е. лица не бывшія подписчиками на журналъ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. **26-ти рублей**, вмѣсто **14-ти руб.**, могутъ получить въ 1898 г.: все **14 томовъ** полного собранія сочиненій *Андрея Печерскаго* и все **десять томовъ** полного собранія сочиненій *В. И. Даля*, а также и тѣ двѣ переплетенныя книги „*Живописной Россіи*“, которыя выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значить, вмѣсто двухъ книгъ „*Живописной Россіи*“, они получаютъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто **12 томовъ** сочиненій *А. Печерскаго* и *В. И. Даля*, **24 тома.**

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи „**НОВИ**“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собствен. домъ. № 5—7.

Подробныя объявленія о подпискѣ и условіяхъ разсрочки платежа высылаются изъ Главной Конторы редакціи журнала „Новъ“ (С.-Петербургъ, Васильевскій Остр. 16 лин., домъ № 5—7) по востребованію *бесплатно.*

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Годъ второй открыта подписка на большую ежедневную газету

„МИРОВЫЕ ОТГОЛОСКИ“

1898 года,

газету политическую, литературную, научную, общественную, финансовую, экономическую и коммерческую, без предварительной цензуры.

(Всѣхъ номеровъ выходитъ 360 въ годъ).

„Мировые Отголоски“ вступаютъ во второй годъ своего существованія, имѣя во главѣ издателя и редактора, десятки лѣтъ стоящаго на посту публичной мысли. Задача „Мировыхъ Отголосковъ“ высоко держать знамя закона и не только самимъ не позволять себѣ отступленій отъ закона, но и другихъ не терпѣть правонарушений, причиняющихъ серьезный ущербъ духовнымъ и имущественнымъ интересамъ общества. Преступно тамъ молчать, гдѣ долгъ велитъ вѣщать! Программа „Мировыхъ Отголосковъ“ полною и разнообразіемъ равняется самымъ большимъ столичнымъ газетамъ; въ составъ ея входятъ 1. Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ. 2. Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ въ Россіи и за границей, равно отъ разныхъ телеграфныхъ агентствъ. 3. Статьи и извѣстія по вопросамъ внутренней и международной политики, а также статьи научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. Корреспонденціи изъ главныхъ центровъ государственной и общественной жизни всего свѣта. 4. Обзорѣніе движенія русскаго и иностраннаго законодательства и государственнаго управленія. 5. Духовная литература. 6. Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7. Статьи и извѣстія по разнымъ отраслямъ финансовой и экономической дѣятельности въ Россіи и за границей. 8. Обзорѣніе событій государственной и общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. Спортъ. Некрологи. 9. Областные обзорѣнія и корреспонденціи изъ главныхъ городовъ Россіи. Земское, городское и сельское хозяйство. Отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 10. Обзоръ текущей журналистики и замѣчательныхъ явленій литературы русской и иностранной. Критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ. 11. Статьи и извѣстія по вопросамъ искусства; новости театра, музыки, ремеслъ и пр. 12. Изящная словесность—повѣсти, романы, рассказы, сцены, стихотворенія, мемуары и путешествія. 13. Судебная хроника—русская и иностранная; судебныя рѣшенія и ихъ обсужденіе. 14. Статьи и извѣстія о движеніи повсемѣстно въ Россіи и за границей промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, горнаго дѣла и торговаго мореходства. 15. Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаній и разныхъ видовъ товариществъ. 16. Биржевыя извѣстія, внутреннія и заграничныя. Фондовыя биржи. Товарные рынки. Ярмарки. Урожай. 17. Рисунки историческіе и бытовые, соотвѣтствующіе содержанію статей. Портреты замѣчательныхъ дѣятелей. Моды. Каррикатуры. 18. Справочный отдѣлъ и 19. Казенныя и частныя объявленія. Всякаго рода рисунки и портреты будутъ печататься какъ въ текстѣ газеты, такъ и въ особомъ полулистѣ, выходящемъ еженедѣльно, по воскресеніямъ.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А :

	На годъ 11 мѣс.		10 мѣс.		9 мѣс.		8 мѣс.		7 мѣс.			
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.		
Безъ доставки	14	—	13	—	12	—	10	50	9	80	9	—
Съ доставкою по гор. почтѣ . .	16	—	15	—	13	50	12	—	11	—	10	—
Съ пересылкою иногороднимъ .	17	—	15	50	14	50	13	50	12	50	11	30
За границу	26	—	24	50	23	—	21	—	18	50	16	—
	на 6 мѣс.		5 мѣс.		4 мѣс.		3 мѣс.		2 мѣс.		1 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Безъ доставки	8	—	6	80	5	50	4	—	2	80	1	50
Съ доставкою по гор. почтѣ . .	9	—	7	50	5	80	4	50	3	30	1	80
Съ пересылкою иногороднимъ .	10	—	8	50	7	—	5	50	4	—	2	—
За границу	14	—	12	—	10	—	8	—	6	—	3	—

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи «Мировыхъ Отголосковъ», Фонтанка (уголъ Лештукова переулка), д. № 80.

Редакторъ-издатель К. В. Трубиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

на еженедѣльный, религіозно-нравственный, иллюстрированный,
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧІЙ“

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

4 рубля за годъ съ пересылкой. 2 рубля 50 копѣекъ, за
полгода съ пересылкой.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой, (квартира Протоіерея
Скорбященской церкви).

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго *народнаго чтенія*. „Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлью, какъ показываетъ и самое названіе, путеводить православнаго христіанина, т. е., указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковію Православною предначертанъ для всѣхъ чадъ ея. „Кормчій“ и въ 1898 году будетъ издаваться *примѣняясь къ событіямъ недѣли*, и такимъ образомъ, можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ пародомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни. Кромѣ религіозно-нравственныхъ статей въ журналѣ помѣщается еженедѣльный обзоръ событій текущей жизни. №№ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержания съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ. Въ 1898 году въ журналѣ „Кормчій“ будетъ принимать участіе *извѣстный Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ*. Въ 1898 г. Редакція „Кормчаго“ дастъ своимъ подписчикамъ *бесплатное приложение подъ заглавіемъ: „Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ“*. Поученія будутъ украшаться рисунками и разсылаются *заблаговременно*. Въ ряду другихъ статей въ 1898 году въ „Кормчемъ“ будетъ печататься, „Жизнь современныхъ подвижниковъ благочестія“, „Толкованіе на Апокалипсисъ“ и *Катихизическія поученія на символъ вѣры, молитву Господню, заповѣди о блаженствѣ и на 10 заповѣдей Закона Божія*. Въ редакціи имѣются полные экземпляры „Кормчаго“ за 1892, 93, 94, 95 и 96 гг. Цѣна 1892 г. 2 руб., 1893 г. (сброшюрованъ) 2 р. 50 к., 1894 годъ (сброшюрованъ) 3 р., 1895 годъ (сброшюрованъ) 3 р., 1896 годъ (сброшюрованъ) 3 р. съ пересылкой. Въ редакціи имѣется въ продажѣ худож. олеографическая картина: „*молитва Спасителя въ саду Геосиманскомъ*“, цѣна картины 40 к. съ перес. Листки „Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ“ продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 безъ перес. и по 80 к. за 100 съ перес. Есть сброшюрованные листки по 40 к. съ пересылкой. Наложениемъ платежемъ изданія „Кормчаго“ не высылаются. Для церковно-приходскихъ и другихъ начальныхъ школъ, Редакція, при выпискѣ журнала за прежніе годы, дѣлаетъ скидку 50% съ объявленной цѣны. Подобная уступка 50% дѣлается также для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выпискѣ же не менѣе 10 экземпляровъ журнала за текущій 1897 и будущій 1898 года, цѣна за каждый экземпляръ 3 р. 50 к. вмѣсто 4-хъ рублей.

Редакторы-Издатели: Протоіерей С. П. Ляпидевскій.
Священники { І. Н. Вухаревъ.
В. П. Гурьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ на ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1898 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служилъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Но съ будущаго 1898 года редація приступаетъ кромѣ того къ новому крупному литературному предпріятію, именно къ изданію „Общедоступной Богословской Библиотеки“, имѣющей свою цѣлю сдѣлать болѣе доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы. Для перваго года изданія „Общедоступной Богословской Библиотеки“ мы остановились на изданіи Православнаго Собесѣдовательнаго Богословія пок. придворнаго протоіеря, бывшаго члена духовно-учебнаго комитета І. В. Толмачева. Это капитальное и единственное въ своемъ родѣ сочиненіе въ нашей духовной литературѣ составляетъ безусловно необходимую книгу для всякаго пастыря, который по долгу служенія и совѣсти не хочетъ оставаться нѣмымъ при возрастающей жаждѣ къ духовному назиданію въ его аствѣ. Собесѣдовательное Богословіе, заключающее въ себѣ планы и образцы для проповѣдей и собесѣдованій на круглый годъ и на всевозможные случаи пастырской пѣятельности, есть лучшій спутникъ и помощникъ для всякаго духовнаго пастыря. Все „Собесѣдовательное Богословіе“ состоитъ изъ 4 томовъ, цѣною по 2 руб. за каждый. Въ будущемъ году редація „Странника“ издастъ два тома, которые для подписчиковъ нашего журнала вмѣсто 4 рублей будутъ стоить только одинъ рубль съ пересылкой. Къ первому тому будетъ приложенъ портретъ автора. Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ): Цѣна въ Россіи: а) за журналъ „Странникъ“ шесть (6) рублей въ годъ, б) съ приложеніемъ „Общедоступной Богословской Библиотеки“ (двухъ томовъ „Собесѣдовательнаго Богословія“) семь (7) рублей съ пересылкой; за границей на два рубля дороже. Кромѣ того при редація по прежнему будутъ издаваться и „Памятники древне-русской церковно-учительской литературы“ (вып. V), причемъ подписчики журнала получаютъ каждый выпускъ за одинъ рубль, а не-подписчики—за два рубля. Адресоваться: Въ редакцію журнала „СТРАННИКЪ“ С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 173. Городскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжный пер. д. 3—5.

Редакторъ-издатель проф. А. Пономаревъ.

Еженедѣльный Иллюстрирован. Журналъ (изданіе вѣдцензурное).

С.-П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Сущ. съ 1894 г.—Въ 1897 г. подписчиковъ было 8327. Основы журнала: отсутствіе лицемѣрія, независимость, челоуѣколюбіе и вѣра въ золотой вѣкъ. Содержаніе: „Современные Вопросы“. А. Молчанова.—„Политическая и Общественная жизнь“. Н. Сарычевой.—„Научныя Новостя“. Н. Быстрова. —„Все и Вездѣ“. Э. Янсона. (Профессоръ Я.)—„Докторскія Замѣтки и о Чумѣ“. Н. Петрашевскаго (Д-ръ П.) —„О Женскомъ Вопросѣ“. Е. Щегловой (Дама).—„Новостя Исторіи“. В. Снегирева.—„Объ отравкахъ челоуѣчества“ (о пьянствѣ, куреніи и пр.) С. Кавелина. —„Наши окраины, путешествія, романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, практич. совѣты, о сельскомъ хозяйствѣ и пр., и пр. Рисунки цвѣтной краской“. Отзывъ „Новаго Времени“ (7043 и 7053). Номера журнала С.-Петербургъ обращаютъ на себя вниманіе какъ изяществомъ рисунковъ, такъ и матеріаломъ; онъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ качествѣ добропорядочнаго и вполне литературнаго изданія.

СПБ. Невскій пр., д. 60. 2 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

РАЗСРОЧКА для желающихъ: 1 руб. при подпискѣ и 1 руб. къ 1 апрѣлю.

Редакторы-Издатели: Н. Сарычева и А. Молчановъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 г.

САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ

политическій, литературно-художественный и сатирический
съ карриатурами.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

развлечение вступаетъ въ 40-й (юбилейный) годъ своего
существованія.

Развлечение въ 1898 году, не возвышая подписной платы, 6 руб-лей, дастъ своимъ подписчикамъ: 1) Пятьдесятъ номеровъ журнала, въ которыхъ будетъ помѣщено болѣе 800 прекрасно исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ карриатуристовъ-художниковъ. Литературный отдѣлъ будетъ вмѣщать въ себя массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода сатирическихъ и юмористическихъ мелочей, дающихъ полную картину нравовъ современнаго общества *столицъ и провинци* (*провинциальныя злобы дня*) и курьезы будутъ помѣщаться въ текстъ и рисункахъ). 2) Въ продолженіе всего года будутъ помѣщаться *юмористическія иллюстраціи въ краскахъ* къ произведеніямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и писателей и, между прочимъ, будетъ иллюстрирована извѣстная поэма *Н. А. Некрасова „Кому живется весело, волготно на Руси“*. (Иллюстраціи эти полны захватывающаго интереса по своему художественному исполненію). 3) Въ память сорокалѣтняго юбилея будетъ выпущенъ и разосланъ годовымъ подписчикамъ *юбилейный номеръ. Въ будущемъ 1898 году редакція журнала Развлечение устраиваетъ КОНКУРСЪ на лучшіе юмористическіе разказы. За лучшіе четыре первыхъ разказа назначаются преміи: за первый разказъ 500 руб. и золотой именной жетонъ; за второй—300 руб. и такой же жетонъ, за третій и четвертый разказы по 100 руб. и серебряные именные жетоны. Условія конкурса.* 1) Участниками конкурса могутъ быть всѣ желающіе. 2) Выборъ темы предоставляется автору. 3) Тема должна вполнѣ соответствовать цензурнымъ условіямъ. 4) Разказъ долженъ заключать въ себѣ не болѣе 200 печатныхъ строкъ въ столбецъ журнала (считая два столбца въ страницѣ). 5) Одно и то-же лицо можетъ помѣщать нѣсколько разказовъ подъ разными псевдонимами (примечъ точный адресъ автора долженъ быть извѣстенъ редакціи). 6) Разказъ, представленный на конкурсъ, долженъ быть оригинальный и ранѣе нигдѣ не напечатанъ. 7) *Срокъ присылки разказа по 1 мая 1898 года, включительно.* 8) Разказы, присланные на конкурсъ, по выбору редакціи, будутъ печататься въ журналѣ съ 1 Января по 1 Ноября 1898 года. 9) Авторы напечатанныхъ разказовъ, на конкурсѣ не удостоившіеся денежной преміи, получатъ отъ редакціи по серебряному именованному жетону. 10) Преміи присуждаются большинствомъ голосовъ подписчиковъ журнала Развлечение. 11) Всѣ впева подписчиковъ, приславшихъ свои отзывы о конкурсныхъ разказахъ, будутъ напечатаны въ особомъ приложеніи. 12) *Отзывы должны быть присланы не позже 15 декабря 1898 года.* Годовал цѣна журнала **ШЕСТЬ** рублей. Допускается разсрочка: при подпискѣ *три рубля*, въ мартѣ одинъ р., въ апрѣлѣ одинъ р. и въ маѣ одинъ р. (Пробный № высылается за три семикопѣчныя марки). Адресъ *Москва журналу Развлечение.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„СЪВЕРЪ“

ХІ-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ,
выходящій подъ редакціей А. А. Коринѣснаго.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ печататься произведенія М. Н. Альбова, А. В. Амфитеатрова, С. А. Андреевскаго, К. Д. Бальмонта, К. С. Баранцевича, А. Н. Будищева, И. А. Бунина, П. В. Быкова, В. Л. Величко, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, П. И. Добротворскаго, А. Е. Зарина, А. В. Круглова, П. А. Кускова, В. П. Лебедева, В. С. Лихачова, М. А. Лохвицкой, А. А. Лугового, С. В. Максимова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. М. Медвѣдева, Н. М. Минскаго, Д. Л. Михаловскаго, В. М. Михеева, проф. П. А. Орлова, П. О. Порфирова, П. Н. Потопенки, М. И. Цылева, гр. Е. А. Салиаса, В. Я. Свѣтлова, К. К. Слущевскаго, Н. А. Соловьева-Несмѣлова, О. К. Соллогуба, проф. П. В. Сорокина, Вл. А. Тихонова, Л. Н. Трефолева, С. С. Трубачева, кн. Э. Э. Ухтомскаго. К. М. Фофанова, О. В. Черниговца, Ант. П. Чехова, О. Н. Чюмной, Н. Л. Щеголова и др. извѣстныхъ писателей. Въ 1898 году подписчики журнала „СЪВЕРЪ“ получатъ: 52 №№ иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ 12 №№ съ цвѣтными рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. 52 №№ еженедѣльной газеты „СЪВЕРЪ“ (въ форматѣ газетнаго листа убористой печати). 12 томовъ „ВИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“, каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано собраніе новѣйшихъ романовъ Генрика Сенкевича: 1) „Безъ догмата“, 2) „Семья Поланецкихъ“, 3) „Quo Vadis?“ („Камо грядеши?“), 4) „Крестоносцы“. Этими романами знаменитый писатель создалъ себѣ во всемирной литературѣ громкое имя. Въ отдѣльной продажѣ эти романы будутъ стоить около 10 руб. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, со множествомъ рисунковъ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ. 12 №№ выкроекъ, узоровъ, вышиваній, дамскихъ рукодѣлій, монограммъ, съ пояснительнымъ текстомъ, на отдѣльныхъ большихъ листахъ. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала „ХОЗЯЙСТВО И ДОМОВОДСТВО“, въ которомъ даются совѣты и указанія, необходимыя для хозяйства и домашняго обихода. Кромѣ всего этого, годовые подписчики „СЪВЕРА“ получатъ бесплатно роскошный художественный альбомъ: 48 иллюстрацій къ полному собранію сочиненій Ив. Серг. Тургенева. Къ альбому будутъ приложены: 1) портретъ И. С. Тургенева, 2) вступительная статья объ И. С. Тургеневѣ и 3) пояснительный текстъ къ иллюстраціямъ. Литературно-художественная цѣнность этой главной на 1898 годъ преміи журнала „СЪВЕРЪ“, выпустившаго уже свои художественные альбомы къ произведеніямъ Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и гр. Льва Н. Толстого, находится внѣ всякаго сомнѣнія.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями: **6 руб.** на годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ. **7 руб.** съ доставк. и перес. во всѣ города Россіи; за-границу на годъ **11 руб.** На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 р. 50 к. на 3 мѣс. 1 р. 75 к. на 1 мѣс. 60 коп. Подписка адресуется въ Главную контору журнала „СЪВЕРЪ“ (Сиб., Екатеринбургская, 4) на имя издателя **Ф. Н. Мертца.**